

ЮМЯ БОНА
ДНОЯ КИНО

не уредова

РОМАН

Оказалось, иногда так бывает, когда болезненная любовь приходит неожиданно, как инфекция просто.

Забирается под кожу и ждёт звёздного часа, пока в один миг весь организм не охватит, пока не завладеет каждой живой клеткой.

Любовь к Тимуру, будто неизлечимая болезнь нагрянула.

С первого самого слова, с первой моей фразы: "Все-таки решил спасти добро, чтобы не пропало".

Так всё и получилось.

Только не спас он меня, а пропасть заставил.

Пропасть надолго, как никогда раньше не пропадала.

Настолько глубоко проникла инфекция, кажется, даже в ДНК пробралась.

(Не) учебный роман

Юлия Бонд

Рабочий день подошёл к концу. Я устало потерла сонные глаза, бросив взгляд в сторону выхода. Настенные часы показывали шесть вечера. В спешке нажала на компьютере "завершить работу", а затем сделала несколько глотков остывшего кофе из фарфоровой чашки. Накинув на плечи полушубок, стремглав помчалась в вестибюль.

— До свидания, Алеся, — пожелал охранник, наблюдаю за счастливыми лицами сотрудников банка, торопящихся домой.

— Хорошего вечера, Палыч, — вежливо ответила я.

Холодный, морозный воздух опалил щеки, едва я открыла стеклянную дверь. Набрав в лёгкие большую порцию кислорода, улыбнулась, предвкушая грядущее занятие по правилам дорожного движения. Каждые: понедельник, среду и пятницу я посещала автошколу. Теория давалась достаточно легко. Я с удовольствием грызла гранит науки, несмотря на огромную занятость в повседневной жизни.

С самого детства я мечтала научиться водить автомобиль, но из-за огромного страха я не предпринимала ни единой попытки, чтобы осуществить задуманное. А в двадцать пять лет ситуация кардинально изменилась — неожиданно мне достался в наследство ретро автомобиль. Что делать с этим железным конем я не знала, поэтому на семейном совете было принято решение отправить мою скромную персону в автошколу. На самом деле, под семейным советом понимались: мама, младшая сестрёнка и я. Ни одна из нас ничегошеньки не понимала в машинах. Сестра еще училась в школе в выпускном классе, мама постоянно пропадала на работе, а я пыталась построить карьеру менеджера в одном из ведущих банков нашего города.

Каблуки постоянно проваливались в снег, когда я брела к автобусной остановке. Декабрьский ветер щипал кожу, проникая под капроновые колготки. Я в неизвестно какой раз мысленно ругала саму себя за то, что утром надела юбку, поднимающуюся вверх под порывами вьюги.

Внимание привлек большой внедорожник черного цвета, ритмично моргающий фарами. Машина сбавила скорость и остановилась на пешеходном переходе, преграждая дорогу. И какое же было мое негодование, когда из открывшегося окна внедорожника показалась знакомая физиономия.

— Леся, садись! — Крикнул молодой парень, в котором я безапелляционно узнала двоюродного брата.

Приглашать дважды не пришлось. Я резко дернула ручку на двери внедорожника и проскользнула внутрь. Смачно плюхнувшись на заднее сиденье, перевела дух. Долгожданное тепло окутало тело, от чего щеки сразу покрылись багровым румянцем.

— Привет, Ванька, — поприветствовала я коротко стриженного шатена приятной наружности.

— Привет. Тебе куда ехать? — Братец обернулся и пригвоздил взгляд к моему лицу. — Это... У тебя косметика потекла, в общем.

— В автошколу на Артемовском проспекте, — ответила я, не посмотрев на водителя, который до сих пор молчал.

Руки потянулись к сумке. Найти что-либо в этом "чудо-ящике" оказалось непростой

задачей. Уйма ненужного барахла надежно покоилось по всему периметру внутреннего кармана, что затягивало поиски.

— Салфетки? — раздался низкий грудной голос.

Подняла взгляд вверх: молчаливый водитель держал в правой руке пачку влажных салфеток, продолжая крутить руль левой рукой.

— Спасибо, — поблагодарив незнакомца, я с удовольствием приняла неожиданную помощь.

— Я же вас не познакомил, — вмешался Ванька. — Леся, это Тим. Тим, это моя сестра — Алеся.

— Приятно познакомиться, — ответила я дружелюбным тоном, стирая под глазами следы потекшей туши.

— И мне, — вторил моему тону всё тот же низкий грудной голос.

Покончив с салфетками, бросила взгляд в сторону зеркала заднего вида. В его отражении красовалась белоснежная улыбка водителя. Мужчина повернул голову в сторону и посмотрел на меня. От пристального взгляда карих глаз меня обдало неожиданной дрожью.

— Давай, рассказывай, как твои дела, — подал голос братец, чему я искренне обрадовалась.

Собралась с духом, еще раз посмотрела в зеркало заднего вида и, не увидев там карих глаз, начала ровным тоном говорить:

— Все хорошо. Пошла в автошколу, как видишь.

— Ну, и молодец! — Воскликнул Ванька, поворачиваясь ко мне лицом. — Давно нужно было получить права. Как там дедушкина «беха»? Уже сидела за рулем красотишки из прошлого века?

— Нет, конечно же, — разочарованно вздохнула я, пытаюсь перевести разговор в другое русло. — А как твои дела? Как там тетя Жанна? Почему в гости не приходите?

— Да нормально все с твоей тетей Жанной! Из Парижа недавно вернулась. Ты это, не отходи от темы. Давай лучше расскажи о себе? Замуж еще не собралась? А то такое добро пропадает! — Залился раскатистым смехом Ванька.

Брови насупила и обиженно поджала губы в ответ. Двоюродный брат всегда был острым на язык и его шуточки принимали повышенные обороты, когда дело касалось моей личной жизни.

— Ха-ха-ха, очень смешно! — Надела на лицо кривую ухмылку, пытаюсь не выказывать своего негодования при постороннем человеке.

— Да ладно тебе, не дуйся, Леська! Я же пошутил. Ты вон у нас, какая красавица: высокая, стройная, блондинка. Мужики любят таких. Вот не пойму, как ты в девках-то до сих пор? Неужели никто замуж не берет? — Все не унимался братец, продолжая хохотать.

— Слушай, Вань, у тебя для разговоров совсем других тем не осталось, кроме моего замужества? Что ты обо мне так печешься, братец? — Придала тону спокойствия, пытаюсь не показывать, как сильно меня зацепили слова брата.

Мои подружки уже давно состояли в серьезных отношениях с молодыми людьми, а некоторые — были замужем. В моем случае мужиком и не пахло. Со мной редко знакомились, считая птицей не того полета. А тот, кто осмеливался узнать ближе, через пару свиданий открывал свое истинное лицо. Все, как один, так и норовили залезть ко мне в трусы. О серьезных отношениях никто и не говорил, когда дело касалось меня.

— Так беспокоюсь о тебе, сестрица! Другого брата, кроме меня, у тебя нет. Значит, я полностью несу за тебя ответственность вместо отца. Ты это, лучше скажи, если кто обидит, то я три шкуры сдеру, если что. Сама знаешь, не просто так черный пояс по Джиу-джитсу, — я усмехнулась на заявление, делая про себя отметки о "короне" на голове брата, которую он всегда мастерки носил.

— Что? Не веришь? Тогда спроси у Тима и он расскажет, как я на прошлой неделе наклепал трём здоровым мужикам, — продолжал хорохориться братец, а я, уже не скрывая улыбки, заливалась громким хохотом, сотрясая плечи.

— Кстати, раз так легли карты, а пригласи-ка ты, Тим, мою Леську на свидание?

Неожиданное предложение Вани застало врасплох не только меня. Я недоверчиво посмотрела на водителя, а затем перевела взгляд на братца, не зная, как реагировать.

— Ванька, уймись ты, наконец. Я сама устрою свою личную жизнь, — набравшись смелости, я сделала попытку поставить брата на место. Все-таки он был слишком разговорчив сегодня. Да, к тому же, перешел черту, попросив друга позвать меня на свидание.

— Я думаю, твоей сестре эта идея не очень понравилась, — заговорил водитель, завораживая красивым тембром своего голоса.

— Ой, да ладно тебе! Я же вижу, как ты пялишься в зеркало на мою сестру. Без меня так и останетесь в холостяках, — братец достал из кармана джинсов телефон и стал набирать сообщение. — Все, отправил тебе ее номер. Теперь, дружище, дело за тобой!

Я опешила! Дар речи смог вернуться только после того, как Ваня позвал по имени несколько раз к ряду, а затем дотронулся до моего колена, когда я не отозвалась.

— Ну ты и придурок, Ванька, — только и смогла ответить на происходящее.

— Эй, ну ты чего? — удивился братец, замечая на моем лице недовольное выражение. — Я же хочу, как лучше. Тим знаешь какой? Он хороший, правду говорю. Смотри, прямо такой, как вам девушкам нравится: молодой, симпатичный, холостой. Своя квартира, своя машина, живет без родителей. Чего еще надо?

— Ты всю подноготную выложил или оставишь что-нибудь для меня? — Без злобы произнес водитель, привлекая мое внимание.

— Ладно, сами разберетесь, ребята. Я свою миссию выполнил. Если стрела Амура еще не пронзила ваше сердце, значит, я бессильный, — залился раскатистым смехом братец.

В воздухе повисло молчание. Мне было некомфортно в салоне авто. Всеми фибрами души я ощущала напряжение, возникшее между мной и Тимом. Мужчина, в свою очередь, сосредоточенно крутил руль, тупо уставившись на дорогу. Я слышала его дыхание, и, кажется, стук сердца. Тиму было некомфортно, отчего он все время ерзал на сиденье. Один Ванька чувствовал себя превосходно. Он напевал себе под нос любимую песню, которой часто задирали меня с самого детства:

«Так птицы кричат в поднебесье

Олеся, Олеся, Олеся

Останься со мною, Олеся

Как сказка, как чудо, как песня».

Когда на горизонте показалось знакомое здание, я облегченно вздохнула. Ну, наконец-то! Автошкола. Полчаса пути под одной крышей с братцем мне показались мучительной

вечностью. Если бы знала, что Ванька отчебучит подобное, то в жизни не согласилась сесть в этот внедорожник!

Спустя минуту автомобиль остановился напротив ворот автошколы. Пока я мешкала с пуговицами полушубка, передо мной открылась дверь. Подняла лицо вверх и криво ухмыльнулась, заметив перед собой протянутую руку. Высокий мужчина, одетый в кожаную курточку не по сезону, обаятельно улыбался.

— Рад знакомству, Алеся, — раздался низкий голос, когда я позволила себе коснуться теплой руки.

— Взаимно, — сухо ответила я, пытаясь поскорее выйти из автомобиля.

Даже с братцем не попрощалась, когда стремглав выбегала из машины. В такой неловкой ситуации я не была уже давно. И всему виной был двоюродный братец, возмнившей себя местной свахой.

Ворвавшись в группу, первым делом подошла к преподавателю. Мужчина среднего возраста сидел за столом и делал какие-то пометки в своём блокноте.

— Добрый вечер, Валентин Сергеевич, — обратилась к мужчине. — Я отсутствовала на прошлом занятии и не успела выбрать автоинструктора. Скажите, ещё не поздно записаться к Артёму? — Мужчина поднял взгляд на моё лицо, вежливо ответил "добрый вечер", а затем ринулся к ящикам стола.

— Как ваша фамилия? — спросил преподаватель, открывая журнал.

— Соболева, — немедля, ответила я.

— К сожалению, у Артема уже набралась группа. Все желающие на прошлом занятии имели возможность самостоятельно выбрать себе автоинструктора. Остальных курсантов я распределил по своему усмотрению. Вы, милочка, закреплены в группе Тима, то есть Ариевского Тимура.

Земля ушла у меня из-под ног. Я так надеялась попасть к Артёму на вождение, опираясь на отзывы знакомых, а теперь, кажется, не знала, что и делать.

Я бездумно листала ленту новостей в социальных сетях. Новые фотографии, сделанные друзьями, не вызывали никаких эмоций. Не было ни зависти, ни радости, в общем, — ничего. Какая-то апатия забралась в душу и грызла изнутри. Уже собиралась отложить телефон в сторону, как на экране появился входящий звонок с неизвестного номера. Немедля ни секунды, я тотчас приняла вызов.

— Добрый день, — послышался мужской голос с хрипылыми нотками.

В голове начали всплывать разные картинки, но, как я не старалась, так и не смогла вспомнить человека, которому мог принадлежать подобный голос.

— Добрый день, — ответила я равнодушно.

— Леся, это Тим. Ты занята? Удобно разговаривать? — Я заметно удивилась, представляя, о чем может пойти данный разговор.

Конечно же, мне польстило, что друг Ваньки проявил к моей персоне интерес. Но, с другой стороны, настроение было настолько паршивым, что ни с кем не хотелось говорить, тем более с малознакомым мужчиной.

— Нет, не занята, — сухо произнесла, а затем, вспомнив великую сваху, добавила: — все-таки решил спасти добро, чтобы не пропало? — Шутить попыталась, но на том конце провода повисло молчание. Не оценили мой сарказм.

— Ты, о чем? — Опешила я, понимая, что допустила ошибку. — Перепутала меня с кем-то?

Тысячи оправданий выстроились в ряд, которые рисовало сознание. Мне было жутко неловко и, мягко говоря, совестно за подобную фривольность и опрометчивость. Я уже планировала принести извинения, но мужчина перенял инициативу, не дав ответить.

— Ладно, забудем. Скажи, что ты сегодня делаешь? Хочешь покататься? — Я, кажется, проглотила язык после этой реплики, отчего собеседник продолжил говорить. — Ты, что еще не поняла с кем говоришь? Это Тимур, твой автоинструктор.

Я глубоко вздохнула. Стукнула себя по лбу и прикусила кожу на указательном пальце правой руки. Обычно, я всегда так делала, когда попадала в неловкие ситуации. Это заметно успокаивало и приводило в чувства.

— Извините, Тимур, я действительно приняла Вас за другого человека, — мой голос сразу выдал меня с «потрохами». Я ощущала себя паршиво и собеседник, несомненно, это почувствовал.

— Я так и понял, — ухмыльнулся мужчина. — Так, как на счет покататься?

— Только «за», — оживилась я, искренне радуясь, что инструктор не стал заострять внимание на неловком моменте.

— Сегодня?

— С удовольствием, — в голове уже представлялась поездка за рулем, когда я уточняла детали встречи.

После разговора с автоинструктором настроение заметно поднялось. Некая бодрость неожиданно появилась во всем теле, прогоняя следы апатии. Как заводной волчок я носилась по всему дому, собираясь на первый урок по вождению. Напевая под нос любимые песни, я с удовольствием рылась в недрах шкафа. Так щепетильно, как сегодня, я никогда

ранее не подбирала наряд. Затем полчаса пыталась уложить непослушные, длинные волосы в подобие высокой причёски. Завершил образ исключительный макияж, который я умело сделала, просмотрев видео уроки на просторах интернета. За этим занятием меня и застала младшая сестра, ворвавшаяся в ванную комнату без предварительного стука в дверь.

— Блин, Леська. Я сейчас описаюсь прямо здесь. Давай выходи! — Воскликнула недовольным тоном моя меньшая копия.

— Одну минуту, — ответила я, покрывая губы красной помадой.

— Да, капец какой-то. Тебе зеркал, что ли, мало? Чего сюда приперлась краситься? — Не подбирая выражений, высказывалась Дашка.

— Тут свет лучше, — возразила я на очередные претензии сестрицы. — Ладно, иди, а то ковёр испортишь.

— Ха-ха-ха, — наигранно засмеялась Дашка, хлопая перед моим носом дверью. — Тебе в «Камеди Клуб» надо, хотя нет, в "Кривое зеркало", там такие же старые пердуны, как и ты.

Я пропустила мимо ушей знакомые шутки относительно моего возраста. В другой день они бы разозлили и, возможно, я бы померялась интеллектом с семнадцатилетней девчонкой. Но сейчас, кажется, мое приподнятое настроение ничего не могло испортить. Настоящая радость окутала все мысли, заставляя лишь улыбаться всем вокруг, как пациент психиатрии.

Уже перед выходом я вспомнила о туалетной воде, аромат которой кружил мне голову этой зимой. Быстренько отыскав нужный флакон с полупрозрачной жидкостью, я нанесла парфюм на запястья, волосы и зачем-то пару раз брызнула на лифчик.

— Во, больная! — Закатила глаза Дашка, наблюдая за моими сборами. — Ты к автоинструктору идёшь или на свидание?

— Эх, Дашка, — протянула я, набирая на мобильном телефоне номер городского такси. — Подрастешь — поймешь! Есть вещи гораздо приятнее, чем обычные свидания.

— Ага-ага, компания какого-нибудь придурка, который будет лапать тебя за колени, притворяясь, что учит нажимать на педали. Ну, нет, спасибо! — Возмутилась сестра, вызывая на моём лице искреннюю улыбку.

— А ты это откуда знаешь? — Поинтересовалась я, застегивая змейку на сапогах.

— Так подружка рассказывала. Она полгода назад автошколу закончила, — Дашка бросила в мою сторону удивленный взгляд, будто у меня семь пятей во лбу, а затем добавила: — ладно, удачи тебе на вождении. Главное, слушай того мужика и, если что, плачь. Мужиков сразу отпускает, когда видят женские слёзы.

— Ох, какая ты умная! — вздохнула я. — Лучше бы так в школе хорошо всё знала. Экзамены на носу, а ты не отходишь от компьютера. Всё видео какие-то снимаешь и на «Ютубе» торчишь сутками.

— Это называется — блогер! — Возмутилась Дашка, показывая мне язык. — Чеши уже на своё вождение.

Послав сестрице воздушный поцелуй, я рванула со скоростью света, вспоминая о смс, в которой значилось, что такси уже ждало у подъезда. Все время в поездке я представляла будущий урок по вождению. В голове рисовались разные варианты событий. Мне казалось, вот я сяду за руль и тронусь с первого раза. А через пару занятий уже буду гонять, словно Шумахер. Мои фантазии нагло прервал звонок мобильного телефона. Я потянулась к сумке и, отыскав смартфон, удивленно взглянула на дисплей. Снова неизвестный номер. Ну надо же, уже дважды за сегодня!

— Алло, — дежурно ответила я, разглядывая городской пейзаж сквозь призму стекла автомобиля.

— Привет, Алесья, — раздался мужской голос, от которого все внутри встрепенулось. Значит, все-таки вернулся!

— Привет, — сухо ответила.

— Злишься? — Поинтересовался знакомый баритон.

Злюсь? Уже нет.

— Нет, Эдик. Я давно уже не злюсь, — честно призналась я. — Зачем ты звонишь? Да еще и с незнакомого номера?

— А ты не отвечаешь на мои звонки. Вот и пришлось взять телефон у товарища. Давай встретимся?

— Зачем? — Удивилась я, искренне веруя в то, что причины для встреч остались в далеком прошлом.

— Я соскучился, хочу увидеть тебя, — собеседник тихо вздохнул, и в моем сердце отозвалась печальная струна.

С Эдуардом у нас был бурный роман несколько месяцев. Но я не Золушка, и волшебной крестной-феи у меня тоже нет. Когда пришло время, маскарад закончился, срывая маски с его участников. Эдик оказался безнадежно женатым, с двумя детьми в придачу.

— Думаю, нам незачем больше видится, — ответила, собирая волю в кулак.

— Одна встреча, один разговор, прошу! — Настаивал на том конце провода некогда любимый мной мужчина.

Я поддалась порыву эмоций и согласилась. Назначила встречу возле автошколы. Если быть честной перед самой собой, то я скучала. Сильно скучала, несмотря на то, что всячески пыталась запретить сердцу посылать какие-либо протяжные импульсы.

Автошкола показалась на горизонте. Я рассчиталась с таксистом и вышла из машины. До начала занятия оставалось несколько минут. Решила закурить. Эта дурная привычка незаметно прижилась со студенческих лет. Достала из сумочки пачку сигарет, сунула одну из них между губ и глубоко затянулась сизым дымом, наполняя легкие таблицей Менделеева.

Наручные часы показывали начало четвертого, а это означало, что автоинструктор беспорно опаздывал на урок. Не колеблясь, я набрала номер Тимура и стала слушать в трубке томительные гудки.

— Да, — рявкнул на меня мужской голос и я чуть не проглотила сигарету от неожиданности.

— Это Соболева на пятнадцать часов. Занятие будет? — Неуверенно спросила я.

— Соболева, чего звонишь? — Возмутился мужчина, а затем обратился на повышенном тоне к другому ученику. — Сцепление выжми, руль держи, сцепление не бросай, кому сказал. Так, Соболева, давай сразу договоримся. Если я назначаю урок, значит он будет. И не звони мне, когда я опаздываю, поняла?

Я опешила от подобного заявления. Да что уж там говорить? От высоких нот в голосе я опешила больше всего!

— Хорошо, — ответила я, скрывая порыв злости, нахлынувший на меня мощной волной.

Псих! Мой автоинструктор — настоящий псих! И это при том, что мы еще в глаза друг друга не видели, а он уже посмел сорвать на мне свою злость.

Пока я, чертыхаясь себе под нос, докуривала сигарету, из-за угла показался учебный автомобиль с буквой «У» на крыше. Машина еле-еле плелась к учебной площадке, а я предчувствовала всеми фибрами души приближение кошмара.

Машина остановилась возле меня в нескольких метрах. Первым из автомобиля выскочил высокий мужчина, одетый в спортивный костюм фирмы “Найк”. Он дважды обошел учебный автомобиль, а затем остановился возле капота, что-то разглядывая. В его взгляде я заметила искры гнева. Серые глаза, холодные, как сталь, метали молнии. Кажется, он был готов казнить ученицу, которая предательски вжалась в спинку сиденья на водительском месте.

— Дура! Ты мне крыло помяла! — Наконец-то заговорил он, а точнее, заорал, словно разгневанный медведь.

Меня всю передернуло от страха. В это время незнакомая девушка вышла из учебного автомобиля. Сделав несколько шагов, она остановилась возле капота, осматривая нанесенный урон.

— Тимур, извини. Я оплачу ремонт, — попыталась ретироваться ученица.

— Оплатишь, сама лично будешь рихтовать эту вмятину! — Рывкнул автоинструктор, сверля бедную девушку гневным взглядом.

Минутная перепалка показалась целой вечностью. Я с ужасом, застывшем на лице, наблюдала за этой сценой, будто участник немого кино. Кажется, это я сейчас стояла напротив этого brutального мужика и вместо девушки равнялась с асфальтом.

— А ты чего варежку открыла? Садись давай! — Тимур переключил все свое внимание на меня и строго пригвоздил взглядом серых глаз.

Я уныло поплелась к машине, а затем остановилась возле двери с водительской стороны.

— А куда мне садиться? За руль? — Неуверенно спросила, пытаясь собраться с мыслями.

Тимур оживился. Кривая ухмылка озарила мужское лицо, когда он осмотрел меня с головы до ног, и, видимо, не найдя ничего интересного, попытался блеснуть остроумием:

— Нет, можешь сесть на заднее сиденье, буду катать тебя! — Раздался нервный смешок, и я поняла, что он шутит, точнее, пытается шутить.

— Глупая шутка, не смешно, — смело ответила я, смотря автоинструктору прямо в лицо.

— Такая же, как и вопрос. Прежде, чем что-то спросить, мозги включай, — уже без добрых ноток произнёс Тимур.

Я хмуро свела брови на переносице. Похоже, четыре месяца настоящего ада предстоит выдержать моей нервной системе. Мы не понравились друг другу, однозначно. Хотя, кто ему вообще может понравиться? Он же псих! И кто ему вообще дал лицензию на обучение вождению? Такому, как он, лучше работать с собаками. Дрессировки — это его. Голос грубый и властный. От одних только взглядов собаки будут послушно выполнять все команды, а я не животное, чтобы со мной так обращаться.

Целый час я слушала теоретическую часть об устройстве автомобиля. Тимур со всей важностью в голосе вещал технические азы транспортного средства. Чтобы закрепить знания, инструктор нарисовал на листе бумаги настоящую схему механической коробки передач и всего, что находилась под капотом легкового автомобиля.

— Мне это нужно знать наизусть? — Поинтересовалась я, когда Тимур закончил рисовать очередной чертеж.

— Желательно, — сухо ответил мужчина, сосредоточившись на клочке бумаги, вырванного из блокнота.

Я пыталась вникнуть во всё, что мне так любезно излагал инструктор, но получалось с большим трудом. Присутствие *его* очень сильно действовало мне на нервы. Этот высокомерный голос и под стать ему взгляд вызывали во мне, как минимум, раздражение. Понятное дело, что для Ариевского я была очередным материалом, из которого нужно было слепить какого-нибудь наездника, но для меня всё было иначе. Не таким я себе представляла обучение вождению.

— Итак, с чего ты должна начинать, когда садишься за руль автомобиля? — Раздался неожиданный вопрос и я заметно вздрогнула.

— Снять машину с ручника? — Неуверенно предположила, и тут же, глубоко вздохнула, заметив, как Тимур закатил глаза.

— Ответ неверный, — ухмыльнулся. — Ты должна настроить сиденье. Там внизу есть рычажок, видишь? И, кстати, не с ручника, а стояночного тормоза. Называй вещи правильно.

Стараясь не заострять внимание на интонации, с которой Тимур произнес последнюю фразу, я потянулась рукой вниз. Нашла какой-то рычажок, нажала на него и спинка сиденья предательски упала назад, а вместе с ней — я.

— Я говорил «под сиденьем», а не сбоку, — рявкнул инструктор, а я, кажется, уже в сотый раз ему дала мысленного пинка под зад.

— Не говорил! Ты сказал, внизу есть рычажок, но где именно не уточнил. Может быть, я и блондинка, но не нужно ко мне относиться, как к классической блондинке в анекдотах! — Мое негодование вырвалось наружу.

Повернулась в правую сторону и пригвоздила взглядом Тимура к сиденью, который в это время пытался сдержать порыв гнева. Грудь мужчины высоко вздымалась вверх, на лице появлялась какая-то багровость, а глаза... От этих глаз исходили самые настоящие искры. Казалось, поднеси спичку, и она тут же вспыхнет, честное слово.

— Так, Соболева, запомни! — Мужчина расстегнул змейку на спортивной кофте, а затем, глубоко вздохнув, продолжил меня отчитывать. — В моей машине нет никаких блондинок! Здесь сидят только водители, это было, во-первых. А, во-вторых, никогда не говори со мной в таком тоне. На мужа будешь своего орать, когда он в пять утра пьяным с работы вернется. Я — твой инструктор, относись с уважением.

Я опешила. Гневные слова уже пытались сорваться с моего языка, я даже было открыла рот, но мужская рука показала мне жестом «Стоп».

— Я еще не закончил. Значит так, рычаг находится внизу, прямо у тебя между ног, но прежде, верни спинку в вертикальное положение. — Я покорно последовала совету

инструктора, пытаясь отрегулировать сиденье.

Спинку кресла с лёгкостью удалось вернуть в вертикальное положение, а вот само сиденье — нет. Потянула к рычажку, и замерла на месте, испугавшись громкого стука собственного сердца. Мужская крепкая рука легла у меня между ног, а жаркое дыхание опалило высоко вздымающуюся грудь, из которой так и норовило выскочить сердце. Холодные серые глаза хитро сощурились, узкие губы плотно сжались в одну линию. Он так посмотрел на меня, что по позвоночнику пробежался холодок.

— Так будет быстрее, — наше непонятное молчание прервал его голос: грубый, хриплый, но такой приятный в этот момент. — Удобно?

Только сейчас до меня дошло, что Тимур, заметив, как я вожусь с рычажком для регулировки сиденья, решил помочь бестолковой ученице. И это было бы нормальным и правильным, если бы все случилось не так внезапно.

— Да, — только смогла я выдавить из себя, хотя это слово было больше похоже на протяжный вздох, который, естественно, не укрылся от взгляда инструктора.

Тимур, все еще застывший в двусмысленной позе, потянулся рукой к двери, крепко прижимаясь к моему телу. Я ошарашенно наблюдала за происходящим, совсем не понимая действий автоинструктора. Какой-то магнетизм зарядил окружающую обстановку, и я, будто погрузившись в транс, позволила длинным пальцам нечаянно коснуться моего бедра, а затем ненавязчиво и слишком быстро — груди.

— Не давит? — Низкий голос вырвал меня из бурной фантазии и вернул обратно, в суровую реальность. — Следующим, что нужно сделать после регулировки сиденья — это пристегнуть ремень безопасности.

Все, что происходило дальше, было точно не со мной. Я не чувствовала себя здесь и сейчас, и, кажется, совсем не о том думала, когда инструктор знакомил с механической коробкой передач. Его рука лежала поверх моей и при каждом случае мужские пальцы обхватывали мои, оставляя за собой настоящий калейдоскоп из протяжных импульсов.

— Первая, вторая, третья, нейтральная, — монотонность его голоса действовала на меня успокаивающе, и я с лёгкостью выполняла все, что диктовал низкий тембр с хрипотцой.

Остаток занятия пролетел достаточно быстро. Я так увлеклась вождением, что напрочь забыла о своей злости на Ариевского. Оказалось, что тронуться с места не так уж и трудно, особенно в компании опытного инструктора. Наличие дублирующих педалей у Тимура вселяло в меня огромную уверенность. И пусть сегодня мы катались лишь на первой скорости по периметру учебной площадки, я все равно ощущала настоящий кайф, сравнимый с детской радостью.

— Как же круто, — я верещала от дикого восторга, когда машина подчинялась моим действиям, и ехала вперед.

— Держи руки правильно, — возмущался Тимур и каждый раз поправлял мои пальцы, опуская их на положение «Без десяти два по циферблату».

Сказать, что я была счастлива — это ничего не сказать! Безудержная радость накатила, словно цунами, когда я крутила руль учебного автомобиля. Удивительно, но чувства страха так и не появилось, за что, несомненно я была благодарна Ариевскому. Его правильный подход к делу и активная поддержка вселяли уверенность, не позволяя страху проникнуть в сознание.

Но волшебная сказка в скором времени закончилась. Я попрощалась с Тимуром и в

спешке покинула учебную площадку. Возможно, он не такой плохой, каким казался в самом начале. Может быть, я просто попала под горячую руку?

Сердце выбивало настоящую «ча-ча-ча», когда я вышла из учебного автомобиля. Обернулась на мгновение. Взгляд холодных серых глаз пронзил насквозь. Тимур вышел из машины и, облокотившись на капот, смотрел вслед моей удаляющейся фигуре. Что-то было необычное в этом зрительном контакте. Я смотрела на него, пытаюсь найти причину столь пристального взора, а он, кажется, детально изучал всю меня. Его холодные глаза скользили от макушки и задерживались на моих коленках.

— Алесья, — пронеслось где-то совсем рядом, вырывая меня из грез.

Я заметно вздрогнула, ощутив на своей щеке горячие влажные губы. Эдик. Весь такой важный: темно-синий костюм модного покроя, аккуратно уложенная стрижка андеркат, гладко выбритое лицо и дорогой парфюм.

— Привет, — протянула я, надевая на лицо дежурную улыбку.

Мужчина позволил себе заключить мое тело в объятия и крепко прижать к своей широкой груди. В голове пронеслись картинки из прошлого. Дежавю накрыло, будто цунами, и я, забыв обо всем, растворилась в знакомых руках. Его губы, нежные и настойчивые, осыпали лицо десятками поцелуев. Я не сопротивлялась, но и не отвечала взаимностью. Это все прошлое...

Уже подойдя к черному лексусу Эдика, я осмелилась обернуться, и посмотреть на мужчину, чей взгляд путал мои мысли. Но его не оказалось, как, впрочем, и машины с буквой «У» на крыше.

— Алеська, как я скучал, — шептал на ухо Эдик, усаживая на сиденье рядом с собой. — Поехали ко мне? — Неожиданно предложил мужчина и меня передернуло, будто я только что получила ожог от раскаленной сковороды.

— Думаю, это все в прошлом, — отозвалась, набравшись смелости сказать это ровным тоном без заминок.

— Что мне сделать, чтобы ты простила меня?

— Уже ничего. Эдик, просто отвези меня домой, по пути поговорим. Кажется, ты просил один разговор, одну встречу, помнишь? — Я пресекла очередную попытку мужчины коснуться меня, выстраивая между нами некий барьер.

— Что ты хочешь, малыш? — Его притворно сладкий голос пытался ослабить мою броню, но я не сдавалась до последнего.

Нельзя дважды наступать на одни и те же грабли. Кто предал раз, тот предаст многократно.

— Я развожусь, Лесья, — неожиданно заявил Эдик, чем безмерно удивил.

— Разводишься?

— Да и хочу снова вернуть тебя. Скажи, что ты хочешь? Хочешь квартиру, хочешь дом? А хочешь, полетим отдохнем на Карибы или в Таиланд? — В ответ я только отрицательно кивнула головой, не веря в происходящее.

— Я хочу домой, это единственное, чего я хочу.

— Малыш, не нужно так со мной, пожалуйста. Я же готов на все ради тебя. Дай мне шанс? Не отказывайся от меня, — меня обдало жаром, когда мужская рука легла на ногу, а затем стала приближаться к внутренней стороне бедра.

— А, может быть, ты хочешь за меня замуж? — Прошептал низкий голос.

Нельзя! Нельзя поддаваться его уловкам! Он же все это обещал, но так и не выполнил.

— Эдик, прекрати! — Оттолкнула от себя мужчину и глубоко вздохнула, собираясь с мыслями.

Он слишком близко. Его парфюм кружит голову, заставляя тело трепетать от одних только воспоминаний. С этим мужчиной у нас было очень много страсти. Той страсти, о которой не рассказывают подругам за чашкой чая. О таких мужчинах, как Эдик, вообще никому не рассказывают. Просто дикое соитие: на кухне, ванной, гостиничном номере, парковке возле бизнес-центра, туалете ресторана. Рядом с ним я ощущала себя настоящей куртизанкой и самой счастливой женщиной одновременно. Он был удивительным сочетанием искушенного любовника и заботливого ухажера. Был и больше никогда не будет!

— Прекрати! — Рывкнула я, отчего Эдик отодвинулся на безопасное расстояние. — Просто отвези меня домой, пожалуйста, — добавила я, смягчив тон.

Мужчина бросил в мою сторону беглый взгляд, а затем все же завел мотор автомобиля, повернув ключ зажигания по часовой стрелке. Машина завибрировала, и, набрав нужные обороты, тронулась вперед, оставляя в зеркале заднего вида забор автошколы.

Всю дорогу я пыталась уклончиво отвечать на вопросы Эдика. Последние новости, о которых мне рассказал мужчина, не вызывали никаких эмоций. Ну открыл он еще один филиал магазина где-то в области, ну купил дачу за городом, ну устроил старшую дочь в престижный колледж. Мне какое дело?

— Спасибо, что подвез, — покрыла мужскую щеку целомудренным поцелуем и выпорхнула из автомобиля, не оставляя шанса Эдику пойти за мной.

Уже подойдя к подъезду, заметила знакомую машину. Братец? Или все же его друг Тимур? Последнего я сразу отбросила, как невероятный ход развития событий.

Мои догадки оказались точными на все сто процентов. Когда я переступила порог своей квартиры, то сразу обнаружила две пары мужской обуви на полочке в прихожей и раскатистый смех родственников, доносившийся из гостиной. Скинула сапоги, сняла полушубок и надела комнатные тапочки с розовым мехом.

Направляясь в сторону веселой компании, принялась прокручивать разный вариант монолога, которым собиралась отчитать братца. *Упрямец, возомнивший себя местной свахой на добровольных началах.* Взять и притащить в мой дом потенциального ухажера! Да это немисливо просто. Сколько бы у меня не было отношений с мужчинами, я ни одного не познакомила со своей семьей. *Все было не то, все было несерьезно, как оказалось.* И, слава богу, что мне хватило мозгов не строить иллюзий и воздушных замков.

— О, Алеська, а мы тебя заждались! — Воскликнул братец, когда я переступила порог гостиной комнаты.

— Всем добрый вечер, — отозвалась я, осматриваясь по сторонам.

Посередине комнаты стоял круглый стол, накрытый праздничной скатертью. Большой шоколадный торт сразу привлек мое внимание. В желудке неприятно заурчало. Облизав губы, я уловила боковым зрением взгляд темноволосого мужчины. Карие глаза с треугольным разрезом изучающее смотрели в мою сторону. Высокий лоб, греческий длинный нос без горбинки, широкие скулы и узкий подбородок. Лицо покрывала легкая растительность, придавая особой мужественности и некого шарма своему владельцу. Темные волосы подстрижены по последним тенденциям моды.

— Присядешь? — Поинтересовался мужчина, отодвигая передо мной стул.

— Спасибо, — ответила я, присаживаясь на предложенный стул.

Дашка проявила неслыханную заботу: резко вскочила и вышла из комнаты, а затем вернулась с чашкой ароматного кофе. Я дружелюбно улыбнулась сестре, не понимая причину такого поступка. Обычно, от нее и стакана воды не допросишься, а тут мне и словом не пришлось обмолвиться.

— Ну, давай рассказывай, как первый урок по вождению? — Первым завел разговор Ванька, чему я заметно обрадовалась.

Больше всего мне хотелось укрыться от взгляда темных глаз, которые пристально смотрели в мою сторону на протяжении всего времени. Мне было как-то неловко, и, можно даже сказать, волнительно находиться рядом с этим мужчиной. При первой встрече, там в машине, я не ощущала странного трепета, который нынче сковывал все тело.

— Торт? — Мужская рука невзначай коснулась моих пальцев.

— Спасибо, не откажусь, — протянула я с такой тяжестью, будто что-то плотно сжало челюсти.

Мужчина взял кусочек торта, и аккуратно положив его на тарелку, поставил передо мной. Я благодарна улыбнулась оказанному жесту. На вкус десерт оказался еще лучше, чем представляла. С особой жадностью я погрузила небольшой кусочек в рот и стала его смаковать. Этот момент не укрылся от взгляда моего соседа. Он, глубоко вздохнув, пригубил чашку кофе, крепко сжимая пальцами хрупкий фарфор.

— Ну как вождение? — Дашка вмешалась в нашу тихую идиллию за столом.

— Все нормально, только инструктор вначале показался мне настоящим психом, — ответила я, вспоминая первые минуты знакомства с Ариевским.

— Да ты, что? — вопросительно поднял брови братец. — Неужели наорал на бедную девушку?

— Не то слово! Наорал, но только не на меня! Одна ученица помяла ему крыло во время вождения и он с цепи сорвался. Даже мне немного досталось. Но потом его отпустило, — пока я рассказывала историю знакомства с автоинструктором, глаза сестрицы все время косились в сторону моего соседа — Тимура. Вот только последний ничего не замечал, полностью концентрируя свое внимание на моей персоне.

— Может быть, я смогу тебе помочь? Хочешь, дам тебе несколько уроков по вождению? — Неожиданно предложил сосед по столу, повергая в шок всех присутствующих, кроме Ваньки, который сидел напротив и довольно улыбался, будто домашний кот, объевшийся сметаны.

— Спасибо, но Тимур запрещает с кем-либо кататься, кроме него, — протянула я не очень убедительно, исходя из реакции мужчины.

— В смысле, Тимур? — Вмешалась Дашка, обращая все внимание на себя.

— Ну, Ариевский, мой автоинструктор, — пояснила сестрице, в спешке поднимаясь со стула.

— Его тоже зовут Тимур? Интересно! А он красавчик? — Поинтересовалась младшая сестра, не упуская из виду моего соседа.

Я хмуро свела брови на переносице, замечая искренний интерес младшей сестры к другу брата. *Да она же школьница еще!* Ей бы о выпускных экзаменах думать, а не о мужчинах, старших на целый десяток.

— Дашка! — Строгим тоном одернула сестру, заставляя обратить внимание на себя. — Думай об учебе! Еще успеешь в этой жизни.

В моих словах, как и во взгляде, было предупреждение. Сестренка это сразу поняла, поскольку виновато пожала плечами, а затем уткнулась в свой телефон.

— Вань, идем покурим на балкон? — Предложила брату, желая высказаться тет-а-тет.

Шатен нехотя поднялся со стула и последовал за мной. Оказавшись наедине, я осмелилась отчитать двоюродного брата.

— Ванька, зачем ты привел ко мне в дом своего друга? Что за необходимость? — Затянулась сизым дымом, наблюдая за реакцией брата. Он явно ожидал подобного разговора и, кажется, даже успел подготовить оправдательную речь.

— Леська, я из лучших побуждений, честно. Еще там, в машине, я заметил, как Тимур пялился на тебя в зеркало заднего вида. Ты ему понравилась, — произнес с улыбкой на лице, а я лишь криво ухмыльнулась в ответ.

— Неужели? А моё мнение ты не хочешь узнать? Я не просила быть моей свахой. Моя личная жизнь не требует помощи, поверь. — Я обиженно поджала губы, откровенно высказавшись.

— Сестренка, эй, ну ты чего? — Брат подвинулся ко мне ближе, а затем по-дружески обнял. — Я давно знаю Тимура. Он хороший, честное слово. А тебе давно пора замуж. Сколько ты еще будешь в девках ходить, тридцатка ведь не за горами, — без злобы в голосе произнес Ванька, но я все равно разозлилась.

— Двадцать пять мне только. Какая тридцатка, Вань? Да и не хочу я пока замуж. Что там интересного?

— А ты сходи и узнаешь! Может быть, тебе понравится и потом еще будешь мне благодарна за счастливую семейную жизнь, — отозвался братец, вызывая на моем лице подобие улыбки.

— Ванька, не знаю, что ты там куришь, но отсыпь и мне. Хочу тоже, чтобы так «перло». Подумать только, мы едва знакомы, а ты уже нас поженил, — раскатистым смехом залилась, сотрясая плечи, то ли от холода, то ли от смеха.

— Ладно, сестренка, пошли в дом. Замерз я что-то на этом балконе, — братец заметно поежился и направился в сторону выхода. — Ты не идешь?

— Нет, покурю еще одну. Если не трудно, принеси мне что-нибудь накинуть на плечи, тут и правда холодно, — Ваня согласно кивнул головой и удалился в скором времени.

Задумчиво погрузилась в свои мысли, не торопясь прикуривать следующую сигарету. Эдик. Как же так? Разводится? И почему я не верю ему? Хотя, кого я обманываю? У меня, безусловно, есть причины не верить. Сколько раз он уже разводился? Сколько раз говорил, что больше не может жить со своей женой под одной крышей? И каждый раз его что-то останавливало: дети, бизнес, совместное имущество, родители. Оправданий было много, и я во все безапелляционно верила. Верила и ждала. Сколько? Кажется, всю жизнь, а по факту месяцев десять. Но эти десять месяцев были безумием. Я столько раз себя ругала за связь с женатым мужчиной, что уже сбилась со счета. И, вроде бы, успела свыкнуться со второстепенной ролью в жизни любимого человека, как этот самый человек в один день заявил о своем уезде. Переезд в другой город в связи с открывшимися возможностями по работе.

— Я принес «что-то накинуть на плечи», — пронесся низкий грудной голос прямо над моим ухом.

Горячие дыхание опалило мою шею, пока мужчина с особой заботой накидывал на меня пиджак, пахнувший дорогим одеколоном. Обернулась и зависла от неожиданности. Тимур расположился сзади и немного задержал руки на моих плечах, специально затягивая с одеванием. А затем он склонился надо мной и потянулся рукой. И тогда мужская ладонь невзначай коснулась моего бедра, задержавшись на несколько секунд. Я опешила от происходящего, пытаюсь отрицать столь скорый ход развития событий. И даже не сразу поняла, что мужчина просто пытался достать из кармана своего пиджака пачку сигарет. И мы закурили, вместе, наслаждаясь тишиной. Я стояла к нему спиной, ощущая на волосах его дыхание. Мужской подбородок, кажется, касался моей макушки, а бедра едва не упирались в ягодицы.

— Тебе понравился торт? — Неожиданно его тембр завладел моим вниманием.

— Очень, спасибо, Тимур, — как-то слишком слащаво произнесла я, будто смакуя каждую букву его имени.

— Это хорошо, — ответил мужчина шепотом.

Сколько мы простояли на этом балконе? Минуту, две? Я понятия не имела, не считая времени. От этого мужчины исходило такое спокойствие, не сравнимое ни с чем. С ним просто было приятно молчать и стоять рядом, вдыхая его запах. Терпкий, бодрящий, с нотами древесины и чего-то таинственного, но такого притягательного.

— Эй, ребята, вы решили заморозить друг друга на этом балконе? — Нашу идиллию нарушил голос Ваньки, который ворвался на балкон, словно шторм, едва не сбив с ног Тимура.

Мы одновременно обернулись, застывши с глупым выражением на лице.

Удивительно, но, когда Тимур присоединился к моему гордому одиночеству, я не услышала и шороха. Ни звука открывшейся двери, ни скрипа половиц под ногами, абсолютного ничего, пока его горячее дыхание не опалило мою шею. *Значит, это Ванька снова поработал местной свахой, прислав своего друга принести мне пиджак?*

— Поехали в кино или пиццерию? А то я что-то заскучал в гостях, выходной же, — предложил братец и мы с Тимуром одновременно кивнули головой в знак согласия.

Остаток вечера был проведен в веселой компании. Сначала поход в пиццерию, а затем на последний сеанс кино какого-то блокбастера. Тимур все время проявлял внимание и заботу. Он открывал передо мной все двери, которые встречались на пути. Отодвигал стул перед столом, помогал снять и надеть полубухок. Мои глаза сонно слипались за просмотром зарубежного фильма. Как я не пыталась бороться с закрывающимися веками, все равно погрузилась в сладкую дремоту. И какого же было мое удивление, когда обнаружила себя спящей на мужском плече. Тимур одной рукой обнимал меня для удобства, а другой — гладил непослушные локоны. Я открыла глаза, а затем снова зажмурилась, боясь смотреть на него.

Но он, будто бы, почувствовав мое пробуждение, лишь заметно улыбнулся:

— Выспалась?

— Нет, — ответила я, сморщив нос.

— Тогда еще поспи, до конца фильма минут двадцать, — его спокойный тон подействовал на меня успокаивающе и я снова заснула под фоновые звуки.

Второе пробуждение не было таким смазанным. Я резко отстранилась от мужчины, занимая вертикальное положение в кресле. Оглянулась по сторонам и поняла, что в кинотеатре, кроме нас, никого больше не было.

Мои брови удивленно поползли вверх:

— Почему мы в зале одни? Никому не понравился фильм, да?

— Нет. Очень понравился. — Улыбнулся Тимур.

— Тогда почему все ушли?

— Потому что сеанс закончился, — мужчина взглянул на наручные часы с подсветкой, а затем продолжил. — Пятьдесят минут назад.

— Ого? — Мелкие морщинки собрались в складочки на моем лбу, когда я осознала произошедшее. — То есть, ты спокойно сидел целый час, пока я спала на твоём плече? Ну, ладно, допустим. А, как же нас не выгнали из зала?

— У меня есть свои методы, — подмигнул мужчина, а затем склонился ко мне, вдыхая запах моих волос. — Все время хотел спросить, что за шампунь? Ты пахнешь чем-то сладким, будто в детстве любимые пирожные.

Я зависла в прямом смысле слова. Он флиртовал со мной — это точно. Но еще точнее так это то, что я оказалась не готовой к этому флирту. С этим мужчиной не хотелось бросаться с головой в каньон. С ним хотелось смаковать мгновения, примеряя каждый вздох на своей коже.

Понедельник тянулся со скоростью раненой улитки. Я задумчиво листала кредитные договоры, полностью погрузившись в рабочий процесс. Время медленно, но уверенно приближалось к обеденному перерыву. Кофе и сигареты лишь на несколько минут притупляли чувство голода, отчего желудок недовольно урчал. Я всячески старалась не обращать внимание на легкий приступ тошноты, но мысли то и дело, что возвращались к воображаемой порции домашнего супа. За пять минут до начала перерыва мобильный телефон оповестил о входящем звонке. Незнакомый номер высветился на экране смартфона и в моем сердце радостно защемило. Я ждала этого звонка, а точнее, его. Его я ждала больше всего.

— Привет, — грудной голос ласкал мой слух, и я мечтательно закатила глаза, вспоминая вчерашний вечер.

После кинотеатра Тимур отвёз меня домой и перед прощанием предложил вместе пообедать в понедельник, то есть, сегодня. Естественно, я согласилась. Отказываться от ухаживаний этого молодого человека я не собиралась. Он удивительным образом оказывал знаки внимания, не нарушая границы дозволенного. Он так и не поцеловал меня в тот вечер. Не позволил себе фривольностей, чем заслужил моё одобрение на подсознательном уровне.

— Привет, — отозвалась я, в спешке скидывая туфли под столом и надевая сапоги.

— Я жду тебя на парковке возле банка, — всего одна фраза и я уже порхала где-то на седьмом небе от счастья: то ли от возможности вкусно пообедать, то ли от скорой встречи с Тимуром. Не знаю, от чего точно, но мою широкую улыбку на лице не смог стереть даже декабрьский холодный ветер, когда я вышла на улицу.

Высокий мужчина, одетый в светлый джемпер, показался на горизонте. Он стоял возле машины, облокотившись на капот и всё время оглядываясь по сторонам. Заметив меня, на его лице засияла дружелюбная улыбка, а в глазах промелькнул некий блеск.

Мы встретились взглядом. Снова улыбнулись друг другу и я, покрываясь алым румянцем, позволила мужчине поцеловать себя в щеку. Один поцелуй, лёгкий, невесомый, но такой нежный, что заставил ощутить всю магию романтизма, как в далёкой юности первые свидания.

Оказавшись в кафе, Тимур проявил знакомую галантность. Открыл дверь, помог снять верхнюю одежду, отодвинул стул, а затем предложил посмотреть меню. Пока на кухне готовили наш заказ, мы мило болтали на нейтральные темы. Мужчина оказался интересным собеседником, иногда удивляя своими знаниями в той или иной области. Безусловно, он был начитанным, образованным и мог неплохо поддержать разговор.

Слишком уютно было рядом с Тимуром. Спокойно и, даже, безмятежно. Молодой человек определенно не торопил события, и по всей видимости, наслаждался каждым мгновением, как и я. Нет, он не шторм, а спокойная тихая гавань, о рифах которой не разобьётся любовная лодка. Я не знала этого точно, но почему-то была уверена, что это именно так и не иначе.

Я даже не удивилась, когда мужчина рассчитался за наш обед. А когда удивленно повел бровями на мое предложение оплатить ровно половину, искренне улыбнулась.

Тимур отвез меня обратно на работу и, прощаясь возле здания банка, неуверенно завёл

разговор:

— Не хочу показаться навязчивым, но если я слишком тороплюсь, то скажи прямо. Алесья, я могу тебя забрать после работы и отвезти домой? — Его взгляд был устремлен на мое лицо.

Я осмелилась коснуться его руки чуть выше локтя.

— Всё нормально, Тим. Мне будет приятно, если ты заберешь после работы. В восемнадцать часов я свободна, — пропела слишком довольным голосом, а затем, поднявшись на цыпочки, прошептала прямо над мужским ухом: — спасибо за обед.

Мужчина так и не успел ничего произнести в ответ, как я, круто развернувшись, покинула его компанию. Я чувствовала, как мою спину прожигает взгляд. Обернулась. Тим всё еще стоял возле машины и смотрел вслед моей удаляющейся фигуры. Дружелюбно помахала рукой, замечая на его лице широкую улыбку.

Вторая половина рабочего дня прошла намного быстрее, чем первая. Я так увязла в общении с клиентами, что не заметила, как стрелки часов подкрались к цифре шесть часов вечера. На телефон пришло смс от Тима. Я мечтательно закатила глаза, прочитав сообщение, чем привлекла внимание своей коллеги Яны.

Девушка осмотрела меня проницательным взглядом сверху вниз, а затем, не скрывая любопытства, завела разговор:

— Лесья, чего ты так глазки мечтательно закатываешь? Новый поклонник?

Я ухмыльнулась, услышав вопрос. Работать в женском коллективе — это всегда быть в центре событий. Здесь не скрыть: ни романа с мужчиной, ни прибавки к зарплате, ни развода с мужем, в общем, — ничего. Любопытные уши и глаза будут постоянно преследовать тебя.

— Не совсем, — я попыталась уклончиво ответить, но девушку не устроил подобный ответ.

— Так, подруга, давай рассказывай. Я не отстану, ты же знаешь.

Только я собралась удовлетворить любопытство настойчивой коллеги, как двери банка распахнулись. Переключила внимание на вошедшего молодого парня, держащего в руках огромный букет цветов. Парень подошел к охране, что-то спросил у нашего Палыча, а затем направился к моему рабочему месту.

— Соболева Алесья? — Обратился молодой парнишка, по всей видимости курьер из цветочного магазина.

— Да, — я благодарно приняла огромный букет красных роз, а затем поставила подпись в каком-то журнале.

— Ну все, теперь точно не отмолчишься. Я жду подробностей, — ворвался в мои раздумья голос коллеги.

Вскинув брови вверх, я бросила укоряющий взгляд в сторону девушки:

— Яна, нечего рассказывать. Как видишь, мы на стадии знакомства. Вот цветочки подарил. Все! Больше ничего.

— Ага, конечно. Этот букет стоит, как половина моего аванса. Нечего ей рассказывать, так я и поверила. Что за мужик, где работает, а друг у него есть?

Я залилась раскатистым смехом, заметив на лице девушки обиженный вид.

— Яна, Яна. У кого-то, кажется, есть постоянный молодой человек. Или уже нет? — Я укоризненно покачала головой, но без злобы.

Очень вовремя девушке кто-то позвонил на мобильный и она, забыв обо мне,

переключила все внимание на новую жертву. Тем временем, я уже в спешке покидала рабочее место, второпях застегивая пуговицы на полушубке. Прихватив с собой букет, полная радости и, возможно, даже счастья, выскочила из банка. Каблуки звучно стучали по тротуарной плитке, в точности повторяя ритм моего сердца. На всех парусах я неслась к нему.

— Привет, — протянула я, заметив Тима возле черного внедорожника. Он, как и в последний раз, стоял возле машины, облокотившись на капот.

— Привет. Красивые цветочки, — мужчина остановил взгляд на моем лице, ожидая ответа.

— Очень. Как ты узнал, что я люблю красные розы?

— Я не знал этого, но спасибо, что сказала, — ответил Тимур, открывая передо мной дверь.

Помогая мне взобраться в салон авто, Тим прошептал над самым ухом:

— Я не дарил тебе эти цветы.

Сердце предательски сжалось внутри. Я выскочила из авто и направилась к ближайшей урне, не обращая внимания на удивленный взгляд Тимура. С особой яростью на лице, выкинула дорогой веник, оставляя красные лепестки роз гибнуть среди мусора и окурков. Вернулась. Села на сиденье и, ничего не объясняя мужчине, застегнула ремень безопасности.

Мы молча ехали по оживленным улицам города. Тим был полностью сосредоточен на дороге, и слава богу, не пытался ничего узнать, за что я была премного благодарна. Уткнувшись лбом в стекло, я увязла в своих воспоминаниях. Больше всего мне хотелось вычеркнуть из своей жизни один эпизод. А, точнее, одну встречу, одну единственную, мать её, встречу...

Телефон вырвал из калейдоскопа никогда не забытых воспоминаний. Потянулась к сумке и криво ухмыльнулась, заметив на экране смартфона всего две буквы «Э.Д.». И зачем я так его подписала в свое время? Нужно было сразу написать «АД». Это было бы правильнее, а еще правильнее — никогда не заносить ни в телефонную книгу, ни в личную жизнь, ни в постель, а и, тем более, в сердце!

— Да, — рявкнула я, ответив на звонок.

— Тебе понравились розы? — Голос мужчины не вызвал во мне никаких эмоций, кроме злости.

— Я их выкинула, что-то еще?

— Лесь, я же не отступлю, ты меня знаешь, — слишком самоуверенно протянул Эдик, отчего я лишь злобно фыркнула.

— Слушай, не хочу повторяться, но ничего не поменялось. Тебе лучше не звонить мне, — не дожидаясь ответа, я завершила вызов и выключила телефон, на всякий случай.

В салоне воцарилось томительное молчание. Я слышала стук собственного сердца, а еще, я слышала, как шумно дышал Тимур. Нужно было что-то сказать, как-то оправдаться или, хотя бы, попытаться внести ясность в смазанную картину. Но я не могла, не могла признаться едва знакомому человеку в своей связи с женатым мужчиной. Он не поймет, а я не найду достаточных объяснений, чтобы он понял.

— Я не жду объяснений, — первым нарушил угрюмую тишину Тимур. Мужчина легко коснулся руки, а затем взял мои пальцы и перекрестил со своими в замок. Я ощутила тепло его кожи, оно было приятным и подействовало на меня успокаивающе.

Кто он, этот удивительный темноволосый мужчина с идеально ровным греческим носом и добрыми глазами цвета горячего шоколада? Он понимает меня на интуитивном уровне, понимает и принимает со всеми скелетами, которые я давно надеялась выкинуть из своего шкафа.

Когда мы оказались возле моего подъезда, я благодарно улыбнулась Тимуру:

— Спасибо.

— Можно, я совсем обнаглею и попрошу угостить меня кофе? — Мужчина легко потянулся ко мне рукой, заправляя за ухо выбившуюся из прически прядь волос. — Мне нравится твой запах, ты пахнешь счастьем.

На мгновение я прикрыла веки, когда горячие губы коснулись моей руки. Легкая щетина приятно поцарапала кожу и мне захотелось ощутить на своем лице его дыхание. И он, будто бы узнав о моем внезапном желании, низко склонился надо мной. Очень-очень медленно его губы приближались к моим. Первый поцелуй был наполнен нежностью. Он ласкал мой язык, словно бархат, исследуя каждый миллиметр. Нет, дыхание у меня не сперло и колени не подогнулись, и даже бабочки в животе не закружились. Но было что-то необычное в этом трепетном поцелуе. Кажется, это было самая настоящая чувственность. Та чувственность, когда мужчина не спешит в погоне за лавиной страсти, а наоборот. Изучает, узнает и пытается ощутить легкое дуновение, покрывающее спину мелкими мурашками.

Я первой прервала поцелуй, который, кажется, длился вечность, а по факту — не больше одной минуты. Смущенно подняла взгляд, заглядывая в темные глаза. Удивительно, но они отдавали чарующим блеском и, возможно, даже счастьем. Легкая заметная улыбка коснулась мужских губ, когда Тимур тыльной стороной ладони провел длинную, извилистую линию вдоль всего овала моего лица. Интуитивно я прильнула к его руке, издавая приглушенный стон.

Говорить мне не хотелось, да и не было зачем. *С ним так спокойно и уютно просто молчать.* Не с каждым можно слушать тишину, а с ним — можно. Он странным образом вписался в рамки моей личной жизни. Не нарушал и не стирал границы. Не требовал, ничего не пытался выяснить. Просто в один день его автомобиль остановился на пешеходном переходе. Просто однажды подвез меня до автошколы. Просто один раз побывал в моем доме, а теперь, кажется, также просто пытался забраться в мое сердце...

Трель мобильного телефона заставила меня прервать романтическую минуту, которая сплела в одно целое два одиноких, робких сердца. Звонил мобильный Тимура. Мужчина, извинившись взглядом, ответил на звонок и вышел из автомобиля. Я не придавала этому жесту никакого значения. Возможно, ему было неудобно говорить при мне.

Тем временем я включила свой смартфон и с ужасом на лице обнаружила десять пропущенных звонков и несколько сообщений. Половина были от Эдика, остальные от подружек, и только одно смс было от него — моего личного кошмара.

Я судорожно вдохнула кислород, читая сообщение от Ариевского: «*Соболева, зачем тебе автошкола, если ты не считаешь важным ходить на занятия?*».

Не раздумывая ни секунды, набрала номер Тимура и принялась ждать, пока его голос, грубый и хриплый, не заставил меня подпрыгнуть на сиденье.

— Ариевский, — рявкнул автоинструктор на том конце провода.

— Это Соболева, — ответила я.

— Вижу, что это ты. Что нужно? Наконец-то включила свой телефон? — Мужчина произнес эту фразу с таким отвращением, что ладони моих рук так и зачесались в желании сбить с его персоны напыщенное хамство.

— Я не понимаю, тебя, Тимур. Что за сообщения ты присылаешь?

— Память у тебя девичья, видимо. Кто записался на занятие и не пришёл?

— Я? — Мой голос предательски задрожал.

— Нет, я. — Связвил Ариевский.

— Я не помню, ты, наверное, что-то напутал, — Принялась вспоминать прошлое занятие. Оказалось, что ничего не забыла до единой детали.

— Я ничего не путаю, никогда, Алесья, — его голос заметно понизился на моем имени, и я даже представила, как на этом моменте от сморщил нос. — Если еще хочешь, чтобы я был твоим автоинструктором, то бегом на занятие. Жду полчаса, не придешь — пеняй на себя.

— Я поняла, — ответила уже тишине, поскольку этот псих завершил вызов.

Тем временем Тимур открыл дверь машины и меня обдало самым настоящим холодом.

Мужчина сел за руль и, заметив мой расстроенный вид, удивленно повел бровями:

— Что-то случилось?

— Да. Мне нужно в автошколу, срочно. Похоже, я забыла, что у меня сегодня занятие по вождению.

— Значит поехали, — Тимур завел мотор, и машина с гулом тронулась вперед.

Автошкола показалась на горизонте. Еще издалека я заметила учебный автомобиль. Тимур остановил внедорожник возле ворот и помог выйти из автомобиля. Легкий поцелуй покрыл мою щеку напоследок.

— Извини, я не смогу тебя забрать с занятия. Срочные дела, — виновато протянул Тим.

— Все нормально, доберусь на такси. Хорошего вечера.

— Я тебе позвоню, — Тим прижал меня к себе, еще раз целуя в щеку.

Сердце бешено колотилось внутри, когда я приближалась к учебному автомобилю. Открыла дверь и замерла на месте, заметив свирепое лицо Ариевского, который смотрел будто сквозь меня.

— Ты, что там призрака увидел? — Я сделала попытку пошутить, но инструктор не оценил моих стараний, а еще больше нахмурил брови.

— Я теперь понял, Соболева, почему ты себе позволяешь не ходить на занятия. Тебе они просто не нужны, — деловито заявил Ариевский, обращая свой свирепый вид на меня.

— С чего это ты взял?

— Так, наблюдения, — протянул мужчина. — Один на лексусе последней модели забирает, а другой привозит на Land Rover, стоимостью, как две квартиры в городе. Нормально так себе устроилась.

— Ты завидуешь? — Только и смогла ответить, не скрывая широкой улыбки.

— Чему завидовать? — Удивился автоинструктор.

— Тому, что у тебя нет ни лексуса, ни Land Rover, — я потянулась к рычагу под сиденьем и подвинулась вперед.

Левой ногой выжала сцепление, а запястья положила на самый верхний край руля. Порядок. Движения не скованные, спина плотно прижата к спинке сиденья.

— Машины — всего лишь кусок железа, а дорогие машины — всего лишь понты.

— Ага, — подтвердила я. — Я готова, можно заводить мотор?

— Соболева, заводят мужчин или собак, а мотор — запускают. Давай, запускай, — очередное нравоучение автоинструктора я пропустила мимо ушей и провернула ключ зажигания.

Включила первую передачу вместе с выжатым сцеплением и добавила немного газа, как учил Тимур. Машина плавно тронулась вперед.

— Вторая, — приказным тоном произнес инструктор. Я повторила уже знакомую комбинацию: сцепление, передача, сцепление, газ.

— Не бросай сцепление, — рявкнул Ариевский и я чуть не подпрыгнула на сиденье от высоких нот в его голосе.

— Я не бросала, — попыталась оправдаться, но тщетно.

— Я видел. Соболева, я что, попугай сто раз повторять? Сцепление никогда резко не бросать! Плавно, очень плавно его отпускаешь.

— Тимур, мне просто не удобно в этой обуви. Стараюсь, как могу.

— Мне, что снять свои кеды и дать тебе, чтобы было удобно? — Мужской хохот разнесся по салону авто, заставляя меня покрыться багровым румянцем от стыда.

— Не смешно, — ответила я, обиженно поджав губы.

Целых сорок пять минут я слушала его очередные нравоучения. То я руль неправильно держу, то сцепление бросаю, то путаю передачу, то резко нажимаю на тормоз, то дворники включаю на поворотах. В общем, мои уши пылали огнем от дикого раскатистого гула, иначе я не могла назвать вопли автоинструктора.

Уже в самом конце занятия, Ариевский с серьезным видом на лице заявил:

— Ты необучаемая, Соболева! Тебе никогда не стать нормальным водителем!

Нежданная обида нахлынула на меня мощной волной.

— На себя посмотри! — Огрызнулась я. — Тебе нервы нужно лечить. Псих! — Я выскочила из машины, даже не попрощавшись.

Тимур, резко открыв дверь, вышел вслед за мной. Остановился на пугающе близком расстоянии, и окинул пронзительным взглядом серых глаз. Мне казалось, что та ярость, которую он скрывал в себе, в любой момент вырвется наружу и то, что было раньше, покажется мне цветочками.

— Соболева, никогда не смей перечить мне! Никогда не смей оскорблять! Никогда не хлопай дверью в моей машине! Я твой автоинструктор, и славу богу, что только автоинструктор, будь твоим мужем — закопал бы в день свадьбы! — Откровенно высказавшись, инструктор ушел, выплеснув на меня ведро дерьма, по-другому я не могла назвать словесный понос Ариевского.

Нервно затянулась сигаретой. Слезы пытались собраться в уголках глаз, но я их тщательно сдерживала, лишь иногда шмыгая носом. Замерзшими пальцами набрала номер такси и стала ждать машину. На телефон пришло смс. Я в спешке прочитала его и заметно приободрилась, отвечая на сообщение «Да». Любимые подруги предложили отдохнуть этим вечером, и я согласилась.

В клубе было достаточно шумно. Мы с девчонками без проблем прошли фейсконтроль и, полные решимости оторваться сегодня вечером, ворвались в самый центр танцпола. Светящиеся огоньки мелькали по всему периметру зала, окуная в магию музыки. Я ритмично двигала бедрами, полностью абстрагируясь от действительности. Через полчаса, уже заметно уставшая, решила отдохнуть и выпить какой-нибудь коктейль. Пока бармен готовил напиток, я задумчиво восседала на барном стуле, не обращая внимания на других посетителей.

— Не думал, Соболева, что встречу тебя здесь, — раздался знакомый голос с хрипотцой, и я едва не упала со стула, увидев его.

Крепкие плечи были широко раскинуты в стороны. Плотная джинсовая ткань облегла мужскую грудь, подчеркивая стальные мышцы. Рукава закатаны до локтя, завершая образ брутального мужчины.

— Ты? — мои брови поползли вверх, и я уже собиралась уйти, как он схватил меня за запястье.

— Сядь. Останься.

— Я не хочу оставаться рядом с тобой, — я так и не смогла скрыть свой гнев.

То, что произошло накануне, не позволяло мне относиться с уважением к этому человеку.

— Ладно, извини, хорошо? — Неуверенно протянул мужчина, пристально рассматривая мое лицо.

В ответ я опустила взгляд в пол — просто не могла и не хотела слышать и видеть его.

— Лесь, ну не дуйся на меня, я погорячился, прости, — мужская рука коснулась моего подбородка, а затем подняла его вверх.

— Что ты хочешь, инструктор?

Наконец-то я посмотрела в его глаза, но лучше бы этого не делала. Он улыбался. Красиво улыбался. Оказывается, у него были симпатичные черты лица, когда он не злился.

— Хочу, чтобы ты меня простила. У нас ведь впереди еще четыре месяца, а мы уже ругаемся как кошка с собакой. — Мужчина кивнул головой бармену в знак повторения заказа. И, будто по дуновению ветра, перед нами на стол поставили две рюмки с текилой.

— Выпьем? — Предложил Ариевский.

— Не хочу я с тобой пить! — Возмутилась я, но Тимуру все же удалось всунуть мне в руку рюмку алкоголя.

Поднесла рюмку ко рту и чуть не подавилась, когда мужчина, низко склонившись надо мной, прошептал томным голосом:

— За тебя, Соболева!

На утро голова болела от жуткого похмелья. Я с огромным трудом оторвала голову от подушки и попыталась встать с кровати. Всё тело жутко ломило, будто накануне меня хорошенько погоняли в спортзале. Немудрено, конечно же, протанцевать весь вечер на огромных каблуках, а затем удивляться внезапной крепатуре.

Здравый смысл победил лень. Я всё же поднялась с кровати и уныло поплелась в ванную комнату. В зеркале я встретила удивительную женщину, и даже испугалась, насколько она чертовски паршиво выглядела. Её сонные глаза были похожи на две узкие щели, а некогда голубой цвет радужной оболочки отныне походил на выцветший серый мрамор. Щёки были припухшими, а точнее одутловатыми. А ровный нос больше напоминал картошку, нежели красивую форму с округлым кончиком.

В общем, впечатлений была уйма, но с этим нужно было что-то делать. Пугать подобным видом клиентов — не самая лучшая рекламная акция в банке. Руководствуясь этими побуждениями, я позвонила начальнику отдела и попросила разрешения прийти к обеду. Одобрение было получено. И как хорошо, что дома уже никого не было из родственников, иначе бы я не набрала ванную с пенкой до самых краев и не проявлялась там до посинения губ.

Время предательски подбиралось к двенадцати часам дня. К этому моменту я уже была в полной боевой готовности. Плотный завтрак принёс заметный прилив бодрости, а лёгкий макияж и укладка волос снова вернули Соболеву Алесю вместо удивительной женщины в зеркале.

Поездка на такси заняла не больше получаса. Я рассчиталась с водителем и уверенным шагом направилась в банк. Каково же было мое удивление, когда на меня набросилась коллега едва я переступила порог банка.

— Соболева, гони бабки, — полная энтузиазма воскликнула Яна.

Опомниться я даже не успела. Только достала кошелек, как ушлые руки потянулись к банкнотам.

— Яна, а деньги-то куда? День рождения сегодня у кого-то? — я уже кричала вдогонку удаляющейся девушке, которая всегда мне напоминала Шурочку из "Служебного романа". Та настолько была поглощена коллективными поборами, что даже забыла о работе в бухгалтерии. Так и наша Яна. Активистка по части собирания добровольных пожертвований по любому случаю: родился, женился, развелся, умер и много чего еще.

— Так у Сашки сын родился, — едва не на весь зал крикнула Яна.

— Удивительно, — пробубнила под нос, — сколько здесь работаю, у него каждый год кто-то рождается. Прямо ходячий конвейер, а не мужик.

Обеднев на несколько тысяч, я уныло потопала к рабочему месту. До зарплаты оставалась целая неделя, а в кошельке заметно убавилось с последней выплаты. Возможно, если бы я бросила курить, то не было так печально влачить плачевное состояние. Но эти мысли были сразу изгнаны. Отказаться от многолетней привычки, пускай и вредной, очень трудно. Даже Алан Кар вместе с пластырями от курения были просто бессильными в этом вопросе, а силой воли я никогда не обладала.

Компьютер приветствовал меня своим стандартным «Добро пожаловать». Я уткнулась в

знакомые таблицы, погружаюсь в рабочий процесс. Удивительно, но пару таблеток аспирина творят чудеса и уже к обеду я смогла похвастаться легкой головой и хорошим настроением.

На горизонте показалась местная Шурочка, то бишь Яна. С самой довольной улыбкой, которую я могла наблюдать у девушки только в день зарплаты, Яна уселась за рабочее место, а затем обратила свой взор на меня, хитро сощуриив глаза:

— Леська, а где тебя носило до самого обеда?

— Дома была, — ответила я, уткнувшись в монитор.

— Ага, дома. И по какому такому поводу ты осталась дома? — обернувшись, я встретила взглядом с глазами настоящей хищницы из диких джунглей. Наша Яна всегда была знаменита своей дотошностью и только попробуй ей не ответить, возьмет в плен и выключает мозг, точно, как сокол.

— Уважительный повод. Голова болела, — я снова уткнулась в монитор, и уже не собиралась отвечать назойливой коллеге, как девушка неожиданно подскочила со стула и оказалась на непростительно близком расстоянии.

— Слушай, Соболева, а ты идешь сегодня на пьянку?

— Какую пьянку? — произнесла я без особого интереса в голосе.

— Ну, как, какую? — удивилась Яна, будто бы я спросила, какого числа бывает Новый год.

— За здоровья новорожденного выпить. Санёк угощает, — лукаво подмигнула девушка, — будет весело, обещаю.

Я закатила глаза со громким вздохом на губах:

— Последнее твоё весело — это были стриптизёры, когда мы Анну Ивановну провожали на пенсию. Напомнить, чем все закончилось?

— Ну подумаешь, — протянула коллега, а затем злобно фыркнула, — я же не виновата, что у её мужа напрочь отсутствует чувство юмора.

— У бывшего мужа, — добавила я. — Они развелись после того, как ты выложила в социальные сети пикантные подробности того злосчастного вечера.

— Ой, да ладно тебе. Если бы не я, то кто-нибудь другой это сделал, — пыталась возразить девушка.

— Ну, конечно. Если бы не ты, кто же еще додумался заказать молодых, полуголых мальчиков для женщины пятидесяти пяти лет? — я залилась раскатистым смехом, заставляя коллегу краснеть от воспоминаний.

— Соболева, не позорь меня! — Яна ущипнула меня за руку, заставляя прийти в чувства и я тут же перестала смеяться.

— Кононова! Больно же, — воскликнула я, потирая кожу на бицепсе, — у тебя руки-крюки, наверное, синяк оставила.

— Сойдет, не парься, — только и ответила Яна, как наше внимание привлек шум, исходящий из зала для посетителей.

Одновременно мы ринулись с коллегой к залу. Оказалось, что кто-то перепутал здание банка с местом для проведения банкета, а, может быть, и свадьбы. Несколько молодых мужчин, один за другим, заходили и выходили, оставляя живые цветы в корзинах. Розы, тюльпаны, лилии, чего там только не было. Казалось, что-то это какой-то спектакль, в главных ролях которого был наш охранник Палыч. Он рвал и метал, вынося букеты на улицу, а затем с ужасом обнаруживал несколько новых прямо на входе.

Я, удивленно хлопая ресницами, обратилась к Яне:

— Твои проделки, женщина?

— Ты, что, больная, Соболева? Голова точно не болит? — возмутилась девушка на мои подозрения.

— Только не говори, что ты не стоишь за этим. Это ты так решила Санька поздравить? Не думаю, что, скупив весь цветочный киоск, осчастливишь новоиспеченного папашу.

— Ой, глупая ты женщина, Алеся Игоревна! Зачем мне сдались эти веники? — слишком правдоподобно возразила Яна.

Тем временем, к нам подбежал запыхавшейся Палыч. Вытер салфеткой со лба несколько капель пота, а потом уставился на меня в немом вопросе.

— Алеся Игоревна! — обратился ко мне седоволосый мужчина, немного за пятьдесят, — как все это прикажете понимать?

— Что случилось, Палыч? — отозвалась я, не понимая подобного вопроса.

— Ну, как же так? Цветы, они повсюду! — мужчина развел руки в стороны и окинул взором пространство вокруг себя, которое было напрочь заставлено живыми цветами. — Алеся Игоревна, знаете, я не понимаю, как Вы будете объясняться перед начальством, но будь я на Вашем месте поторопился бы скорее унести отсюда эти букеты.

Тут на арену вышла Кононова. Вездесущая «Все хочу знать» и больше всех требующая «Я должна все знать»:

— Палыч, неужто, эти цветочки предназначены для нашей Алеськи?

— А как же! — изумленно повел бровями Палыч, — в графе получателя указано «Соболева А.И.», лично видел, — добавил охранник.

Тут уже удивилась я.

Ну надо же! Эдуард Дмитриевич превзошел самого себя! Вчерашний букет ему показался слишком малым и не таким широким жестом, как сегодняшней.

Долго думать не пришлось. Просто взяла мобильный телефон. Просто набрала абонента «Э.Д». Просто стала ждать. Один, два, три гудка.

— Да, любимая, — отозвался на том конце провода счастливый голос, отчего я громко вздохнула.

— Я же просила оставить меня в покое. На каком тебе языке объяснить, чтобы ты понял? — я отошла в сторону и старалась, как можно тише говорить.

— Лесь, что случилось? — неожиданно собеседник принял серьезный тон, чем удивил своей искренностью. Похоже, он не в курсе. Значит, это не он.

— Моя работа стала похожей на цветочный магазин, разве, это не твоих рук дело? — уже слишком сомнительно произнесла я.

Если не Эдик, тогда кто?

— Серьезно? — оживился бывший любовник, — ну я тут не при чем.

Я опустила глаза в пол. Нелепо получилось. А, может быть, Эдик скрывает, что это он скупился впрок цветами? Хотя, смысл скрывать?

— Лесь, у тебя кто-то есть? — прервал мое шумное молчание мужчина, который все еще оставался по ту линию мобильной связи.

— Тебя это не должно волновать. Извини за звонок, — я в спешке завершила вызов, увяз в размышлениях.

Ответ на мой вопрос пришел в скором времени. Всего одно сообщение развеяло всю

недосказанность и подозрения:

«Надеюсь, тебе не хватит мусорных баков, чтобы выкинуть цветы. Извини, что вчера так и не позвонил».

— Лесь, что за мужик у тебя, а? Вчера букет, как половина моего аванса, а сегодня цветочный магазин прям? Какой-то олигарх, что ли? — как всегда внезапно Кононова, будто по дуновению ветра, оказалась слишком близко. Кажется, она даже заглянула в экран моего телефона и прочитала сообщение, поскольку ее довольная ухмылка не могла означать иного.

— Янка, ты следишь за мной? — я спрятала телефон за спину, а затем направилась в самую гущу цветочного сада, по-другому нельзя было назвать зал в банке.

— Лесь, а, Лесь! — протянула за моей спиной девушка, — не хочешь мне ничего рассказать? Мы же подружки.

Я обернулась. Натянуто улыбнулась коллеге, а потом подошла к ней, и склонившись, прошептала:

— Раз мы с тобой подружки, то помоги избавиться от цветов, а затем я тебе все расскажу.

— Обещаешь? — оживилась девушка.

— Обещаю, — ответила я.

В скором времени гениальный мозг Кононовой придумал следующее. Каждому клиенту, кто обратился в кассу для совершения тех или иных операций, вручался букет. Данная акция была посвящена воображаемой годовщине банка, который решил столь необычным образом поблагодарить своих клиентов за доверие.

На удивление, но через пару часов от всего цветочного киоска осталось лишь несколько букетов, которые понравились сотрудницам банка. Когда было покончено с необычной акцией, я решила набрать виновника неожиданных подарков и поговорить.

— Алло, — произнес низкий, грудной голос.

— Привет. Тимур, зачем столько цветов? — я решила сразу перейти к делу.

— Ты не оценила и выбросила все в мусорные баки?

— Нет, раздавала посетителям банка, — честно призналась я.

— Жаль, — вздохнул мужчина, — хотел тебя удивить, но похоже, не получилось.

— Не получилось, — также грустно вздохнула, а затем решила кое-что выяснить для себя, — Тимур, кто ты такой, раз можешь легко скупить целый цветочный магазин для женщины, которую знаешь несколько дней?

Между нами зависла пауза, которая казалось вечностью, а не несколькими секундами. Тимур шумно дышал. Я слушала каждый его вдох и выдох, представляя, о чем он сейчас думает. Но ничего не получалось, совсем не получалось...

— Лесь, это имеет значение? — наконец-то заговорил мужчина.

— Имеет, но, если не хочешь, не говори, — ответила я, понимая, что слишком требую от него.

Разве, я имею право что-либо требовать? Нет.

— Я самый обычный, работаю таможенным брокером, — неожиданно сказал Тимур.

— Правда? — удивилась я, сомневаясь до последнего, — почему сразу не сказал?

— Я сказал, как только ты спросила. Просто ты раньше не спрашивала, а я не очень люблю о себе рассказывать.

А затем мы попрощались, договорившись вечером о встрече. Вот только вечер начался совсем неожиданно. Руководство по случаю праздника отпустила половину коллектива на

целый час раньше. Настоящим кортежем из автомобилей желтого цвета с шашечкой «Такси» на крыше, наша дружная компания направилась в один караоке-бар.

Этот бар был нашей отдушиной. Здесь мы часто отмечали торжества, а затем, изрядно набравшись алкоголем, пели песни под караоке. Было весело, как не крути.

Спустя несколько часов, когда столы заметно опустели от угощений, а алкоголь стал единственным топливом для желудка, женская половина коллектива направилась к караоке. Я только успела ответить на звонок Тимура и сказать о своем местонахождении, как меня за руку потянула Кононова.

— Соболева, идём споём! — предложила девушка и я поняла, что выбора у меня нет. Петь, так петь!

Не знаю, по какой причине нас не выгнали со сцены, но то, что исходило из наших губ — нельзя было назвать пением. Это было больше похоже на вопли диких животных или на стаю каких-то таких же диких птиц. Мы не пели, а издавали протяжные звуки, сродни медведицам, вышедших из лесу, не иначе!

Когда прозвучала наша с Кононовой любимая песня, мы запели в унисон:

«О Боже, какой мужчина, я хочу от тебя сына.

И я хочу от тебя дочку, и точка, и точка!

О Боже, какой мужчина, я хочу от тебя сына.

И я хочу от тебя дочку, и точка, и точка!».

И какой же был мой испуг, когда я встретила глазами с ним... Он гордо шагал, широко раскинув плечи. Я затаила дыхание, и кажется, забыла все слова песни, когда он остановился напротив меня.

Я пыталась проглотить ком в горле, когда паническая атака охватила меня с головой. Сердце учащенно забилось, ладони предательски вспотели. Тяжелое дыхание отозвалось болью в грудной клетке. Я задыхалась, но не от недостатка кислорода, а от переизбытка эмоций.

Он был здесь... Рядом... Стоял напротив... Смотрел снизу вверх, прямо в глаза, и я совсем не понимала, как он здесь оказался.

— Привет, — протянул мужчина, а мне лишь оставалось читать по его губам.

Музыка и вопли девчонок не давали и малейшего шанса услышать его голос, такой низкий с хриплыми нотками.

Я спустилась со сцены и направилась к нему. Колени подгибались, и я едва не упала к его ногам, когда мужчина раскрыл объятия, а затем крепкими руками сжали мою талию в тугое кольцо.

А потом этот взгляд серых, холодных глаз. Сегодня они лукаво ухмылялись и отдавали непонятым блеском. Его пальцы всё ещё касались моей талии и я едва могла дышать...

— Отпусти, — прошептала еле слышно, поскольку язык напрочь онемел.

— Уверена? — ухмыльнулся мужчина.

Воспоминания накатили на меня мощной лавиной:

“Он долго и пронзительно смотрит на меня, пока я тяну из трубочки коктейль. Судорожно глотаю и закусываю губу, когда мужские пальцы касаются моей руки. Они проводят извилистую линию, и я ощущаю некий трепет. Мужчина поддевает одним пальцем мой подбородок, а я вынуждена наблюдать за этим и молчать, не понимая, чего он добивается.

Всё происходит слишком быстро, будто в каком-то короткометражном фильме.

Его губы притягательно впиваются в мой рот. Горячий язык скользит по моему, Тимур легко закусывает его, а затем еще сильнее углубляет поцелуй. Мужские руки нагло шарят по изгибам моего тела. Я ощущаю на шее его прикосновения. Кожа отзывается на эти ласки, покрываясь мурашками. Я плотно сжимаю колени, пытаюсь скрыть возбуждение. В его объятиях я плавлюсь словно воск. Он срывает с моих губ сладкие вздохи”.

— Ты следишь за мной, что ли? — спросила я, наконец-то вернувшись в реальность.

— Слежу, — широко улыбнулся и, не говоря ни слова, склонился надо мной, — мы кое-что не закончили вчера.

— Правда? — мой голос заметно дрожал, а потом начало дрожать тело, когда его рука скользнула по спине.

— Правда, приехал к тебе на работу и мне любезно рассказал ваш охранник, где тебя можно найти.

Я разозлилась: то ли на Палыча, у которого длинный язык; то ли на саму себя за минутную слабость.

— Прости, но ты неверно меня понял вчера, — пыталась оправдаться.

В глазах мужчины застыл немой вопрос. И я даже собиралась на него ответить, как в зал вошел второй Тимур и, заметив меня, направился к сцене.

Я отошла от мужчины на несколько шагов, а затем встретилась со взглядом карих глаз.

Тимур, широко улыбнувшись, обнял меня за плечи, а затем нежно поцеловал в щеку.

— Привет, — оживленно произнесла.

— Привет, — ответил он, — извини, что задержался. Попал в пробку.

Неожиданно в наш разговор вмешался владелец серых глаз и низкого голоса с хриплыми нотками:

— Познакомишь нас, Алесья?

Я погрузилась в ступор, не зная, что делать дальше.

— Тимур, — протянул руку Тим, продолжая обнимать меня за талию.

— Тимур, — ответил ему Ариевский, а затем, заметив в моих глазах испуг, добавил: — я автоинструктор Алеси.

Кажется, земля ушла у меня из-под ног, когда Тим произнес:

— А я парень Алеси.

— Рад знакомству, — отозвался Ариевский, а затем обратил свой взор на меня: — до скорых встреч, Соболева.

Я только и смогла кивнуть головой в ответ. А затем он ушёл...

Тим долго и изучающе смотрел вслед удаляющемуся Ариевскому. А последний, в свою очередь, обернулся уже возле самого выхода. Его взгляд принадлежал мне. Мужчина подмигнул, улыбнулся, а потом скрылся за дверью. В этот момент я услышала стук собственного сердца. Казалось, что оно вот-вот выпрыгнет из груди.

Мир перестал существовать, и я снова погрузилась в недавние события из прошлого:

“Он покрывает мое лицо лёгкими поцелуями, оставляя на коже едва уловимое тепло. Его тело плотно прижимается к моему, пока мы вместе сидим на заднем сиденье в автомобиле. Таксист сосредоточенно крутит руль, не обращая внимания на своих пассажиров.

Я закрываю глаза, ощущая, как по телу проносятся спазмы возбуждения. Он срывает с моих губ долгий и мучительно сладкий поцелуй. Его щетина приятно царапает кожу. Я вдыхаю запах мужского одеколона и едва не теряю рассудок, когда его пальцы проводят извилистые линии по моей шее...”

— Алесенька, ты меня слышишь? — из размышлений меня вырвал низкий, грудной голос.

Повернув голову вправо, я посмотрела снизу вверх на удивленное лицо Тимура: тёмные брови высоко вздымались вверх, а на лбу образовалась горизонтальная линия.

— Прости, что? — обратилась я к Тиму.

— Ты меня совсем не слушала, — укоризненно кивнул головой, а затем, склонившись, прошептал: — я правильно тебя понял вчера? Ты дала мне шанс?

— Шанс? — ответила таким же шепотом, — какой?

— Стать тебе ближе.

Между нами зависла пауза. Тимур ждал моего подтверждения, а я не знала, что сказать.

Я запуталась...

Моё сердце предательски молчало, внутренний голос — тоже. Что сказать? Согласиться?

— Хорошо, принимаю молчание за согласие, — произнес Тим, а я только хлопала ресницами, пытаюсь найти ответ в своём сердце.

Следующие полчаса я задумчиво молчала, крепко прижимаясь к спинке сиденья. Тимур управлял автомобилем, на фоне звучала приятная музыка. Вся обстановка располагала к

общению, но оно так и не начиналось. Я не хотела говорить, а Тим не хотел навязываться в собеседники. Так мы и ехали, шумно вздыхая и думая о своём.

Я не сразу заметила, как машина сбавила скорость, а затем и вовсе остановилась. Тимур первым вышел из внедорожника и открыл передо мной дверь. Я удивлённо взглянула на протянутую перед собой руку, но всё же схватилась за нее пальцами и вышла из автомобиля. Огляделась по сторонам. Знакомая площадь была украшена разноцветными гирляндами, сияющими забавными огоньками, а в самом центре красовалась огромная елка. Я запрокинула голову вверх и с огромным любопытством принялась рассматривать символ любимого праздника.

— Скоро Новый год, помнишь? — грудной голос пронесся совсем рядом.

Тим взял меня за руку и, не спросив разрешения, перекрестил наши пальцы в замок.

— Идём? — поинтересовался Тимур и я, согласно кивнув головой, сделала первый шаг.

— Лесь, я давно хотел у тебя узнать. Что тебе нравится? — неожиданно спросил мужчина, а я удивленно приподняла брови.

— В смысле? Что ты имеешь в виду?

— Хобби, еда, фильмы, музыка, кухня. Мне интересно узнать, какая ты.

— Я люблю читать книги, люблю смотреть комедии, еще люблю кататься на лыжах и коньках. Мне нравится конный спорт и плаванье, а в детстве я занималась теннисом. Кухню люблю домашнюю, а к экзотике всегда отношусь настороженно.

После откровенного признания Тим широко улыбнулся, а затем резко остановился:

— Значит, нравится кататься на коньках?

Я проследила за его взглядом и ухмыльнулась. Буквально в нескольких десятках метров светилась большая вывеска с надписью: "Ледовый каток".

— Нет, нет и ещё раз, нет! Тимур, я слишком много выпила, чтобы стать на коньки! — возмутилась я, когда мужчина уверенным шагом направился к катку.

— Слишком? — он остановился и теперь смотрел мне в глаза.

— Слишком, — успела только сказать, как мне в плечо ударил небольшой снежок.

От неожиданности я едва не подпрыгнула на месте. Оказалось, озорные подростки устроили снежную битву прямо посередине улицы, а мы с Тимуром просто вышли на линию огня. Стараясь, как можно раньше покинуть место перестрелки, мы с Тимуром одновременно рванули в сторону, но бегать на высоких каблуках — та ещё задача. В скором времени я поскользнулась и свалилась прямо на спину Тима, повалив его на землю.

— Не ударилась? — протянул мужчина, помогая мне подняться.

— Кажется, колено ушибла, — ответила я, указывая на разбитое в кровь колено.

В считанные секунды Тимур подхватил меня на руки. Я попыталась возмутиться, но всё было тщетно. Мужчина дошёл до ближайшей скамейки, а затем усадил меня на неё.

— Посиди тут. Я сбегаю в аптеку и куплю перекись с пластырем, — произнес Тим, а и ответить я ничего не успела.

Он вернулся через десять минут, держа в руках небольшой пакетик с логотипом какой-то аптеки. Обработал мою рану, а затем заклеил её пластырем. Я наблюдала за этим процессом, не скрывая улыбки. Помнится, только мама лечила мои колени, когда я в детстве падала с велосипеда или с горки, катаясь на лыжах.

— Спасибо тебе, — улыбнулась я, дружески поцеловав мужчину в щеку.

— Думаю, я заслужил большего, — ответил Тимур, подставляя вторую щеку, — целуй.

И я поцеловала, а затем Тим перенял инициативу и накрыл мои губы глубоким поцелуем.

— Поехали ко мне? — неожиданно предложил Тимур, прервав поцелуй.

— Ты торопишься, — честно призналась я.

— Лесь, я не буду приставать, — попытался оправдаться, — просто я замёрз, как собака, а ко мне ехать ближе, чем к тебе. И к тому же, я умею готовить вкусный кофе по-восточному. Ты же любишь кофе?

— Люблю, — только и успела я ответить, как Тим потянул меня за собой.

Оказалось, что Тимур жил в самом центре города. Действительно, к нему мы добрались минут за пять, не больше. Ко мне бы пришлось ехать еще, как минимум, минут тридцать. Конечно же, я сильно удивилась, когда переступила порог трёхкомнатной квартиры. Современный дизайн, дорогая мебель, натяжные потолки, ламинат на полу с подогревом.

Кажется, он говорил, что самый обычный и, вроде, работает таможенным брокером. Но эта квартира не походила на жильё обычных людей, да, к тому же, дорогой автомобиль Тима и айфон последней модели, заставляли меня думать именно так, а не иначе.

— Прошу, — произнес Тимур, указав рукой на высокий стул за столом, похожим на барную стойку.

— Держи, можешь посмотреть, пока я сварю кофе, — Тимур вручил мне пульт от телевизора, и я принялась переключать каналы, в поисках чего-нибудь интересного.

Так ничего и не найдя, остановилась на музыкальном канале. Пока Тим варил кофе в турке, я откровенно любовалась его крепкими руками, на которых виднелись мышцы. Мужчина был среднего телосложения, но имел широкие плечи и узкий таз. Его фигуру, напоминающую треугольную форму, можно было смело назвать спортивной, но никак не массивной. Я остановила свой взгляд на упругих ягодицах и в этот момент Тим резко повернулся. Он сразу понял, куда были устремлены мои глаза накануне, отчего я покрылась алым румянцем.

— Мне показалось или ты действительно сейчас пялилась на мой, хм... зад? — спросил Тимур, поставив передо мной чашку ароматного кофе.

Не ожидая подобной прямолинейности, я проглотила смешок:

— Было сильно палевно? Да?

— Да, — ответил он, — могу предложить тебе шоколад, но, надеюсь, ты откажешься.

— Почему я должна отказываться? — удивилась я. Но Тимур всё же достал из шкафчика шоколадную плитку.

— Потому, что я его тоже люблю и до сегодняшнего дня у меня не было конкурентов в этом доме, — как-то по-детски прозвучало признание и я, не скрывая широкой улыбки, потянулась к шоколадке.

— Значит, ты сладкоежка, — заключила вслух.

— Ага.

— Значит, ты добрый, — продолжила фразу.

— Очень.

— А какие у тебя ещё имеются достоинства?

— Их много, хочешь продемонстрирую одно из них прямо сейчас? — спросил Тим и я согласно кивнула головой.

Тимур поднялся со стула и подошёл ко мне:

— Потанцуем?

Холодный декабрьский ветер безжалостно хлестал по лицу, оставляя на коже красный румянец. Первые пушистые снежинки срывались с неба, когда на улице начало вечереть. Вокруг всё покрывалось белой пеленой, напоминающую тонкое кружево.

Ворота автошколы показались на горизонте. Я грустно вздохнула, заметив учебный автомобиль. Лимонный свет от фонаря очерчивал контур мужского силуэта. В горле образовался ком, а сердце учащенно забилося, когда в этом силуэте я узнала знакомую фигуру. Его плечи были широко раскинуты, а бедра упирались в капот автомобиля. Накинутый поверх головы капюшон полностью скрывал лицо мужчины, из-за чего невозможным было определить поворот головы, но на интуитивном уровне я ощущала тяжелый взгляд, обращенный в мою сторону.

Каблуки сапог постоянно проваливались в толстый слой снега, когда я ступала по дороге. Как бы не старалась взять себя в руки, но учащенное сердцебиение я так и не смогла успокоить. Я практически поравнялась с силуэтом, сделала несколько глубоких вдохов и выдохов. Тщетно. Адреналин пронесся по крови вместе с каким-то непонятным страхом. Когда мужчина повернулся в мою сторону, я замерла и, кажется, совсем забыла дышать...

— Добрый вечер, Соболева, — раздался низкий голос, из-за которого по моей коже всегда бежали мурашки.

— Добрый вечер, — ответила я, казалось, спустя целую вечность, а по факту не более, чем несколько секунд.

— Я думал, ты не придёшь на занятие, — произнес Тимур, а я удивленно повела бровями, требуя подробностей.

Но инструктор не собирался посвящать в ход своих мыслей, а лишь жестом руки указал на водительское сиденье. Я послушно открыла дверь, села за руль, выполнила стандартную подготовку к вождению и стала ждать, когда он присоединится ко мне. Вот только Тимур совсем не торопился и, на удивление, до последнего оттягивал начало урока. А затем он закурил: нервно вдыхал сизый дым и выпускал изо рта серые кольца. Когда сигарета была докурена, а окурок выброшен в мусорный бак, моему терпению пришел конец. Отстегнула ремень безопасности, в спешке выскочила из учебного автомобиля и поравнялась с мужчиной.

— Тимур, а мы сегодня начнем занятие или будем смотреть на звезды? — я старалась говорить ровным тоном, не показывая волнения, но голос предательски запинался.

— Соболева, — протянул Ариевский, а затем сделал один шаг вперед, сокращая между нами дистанцию, — ты же необучаемая, а я — твой кошмар. Зачем нам занятия?

Я опешила в прямом смысле этого слова. То, что он назвал меня «необучаемой» — не впервой для меня, но откуда он узнал, как его называла я?

Набравшись смелости, я все же рискнула испытать судьбу:

— Откуда тебе известно, что я называла тебя своим кошмаром?

Тимур ухмыльнулся на одну сторону, оглядел меня с головы до ног, а затем с насмешкой произнес:

— Леся, Леся. Меня забавляет, что ты ничего не помнишь из событий того вечера в клубе. Клуб, хотя бы, помнишь?

— При чем здесь клуб?

Меня сбивала с толку кошачья ухмылка, которая так и сияла на лице автоинструктора. Больше всего мне бы хотелось забыть тот вечер, забыть все подробности, забыть к таким чертям собачьим, чтобы и не дрогнул ни единый мускул на лице, когда он упоминал о том злосчастном дне.

— Конечно, совсем не при чем. Ладно, я напомню тебе, если ты страдаешь краткосрочной памятью. Все тот же клуб, текила, а затем твои признания, как сильно я тебя раздражаю, и, что являюсь твоим персональным кошмаром. Продолжать говорить о деталях? Или ты опять начнешь оправдываться? — говорил инструктор, а я только и могла отрицательно кивать головой.

Ариевского до жути забавляла моя реакция на его слова. Он улыбался, как довольный кот, объевшийся сметаны, в то время, как я, густо краснела, покрываясь багровым румянцем. Мужской одеколон пробудил во мне некое дежавю, когда инструктор осмелился подойти еще ближе. Нас отделяло друг от друга несколько сантиметров, я даже чувствовала его дыхание на своей коже. Серые, холодные глаза были заметно прищурены, нос ритмично вдыхал и выдыхал воздух, а губы, едва приоткрытые, кажется, призывали к активным действиям. Я подавила в себе порыв сказать колкость и, видимо, сочтя это за перемирие, Тимур решился прикоснуться ко мне.

Его крепкая рука обвила мою талию, прижимая тело к мужским бедрам. Вторая рука зарылась на затылке, заставляя приблизиться. А затем... Он стал целовать, жадно впиваясь в самую глубину рта. Его язык скользил снизу вверх, а губы притязательно сжимали кожу. Он время от времени закусывал мою нижнюю губу, а затем нежно проводил по ней кончиком языка. Мое дыхание сперло и, кажется, подогнулись колени, когда Тимур подхватил меня руки и усадил на капот автомобиля.

Мое тело трепетало... В голове творился настоящий каламбур, и я совсем не отдавала отчета действиям, когда осмелилась положить руки на широкие плечи. Перед глазами был только он и его требовательные губы, которые обещали утопить в неизведанной страсти. Его поцелуи кружили голову и заставляли тело гореть изнутри, несмотря на холодный морозный воздух этим вечером. Я медленно, но уверенно, сходила с ума вместе с ним, не понимая и не желая понимать происходящего. Просто все принимала, как данность, не чая души в этих сумасшедших поцелуях.

— Думаю, нам нужно остановиться, — его голос нарушил странное перемирие, и я, тяжело дыша и быстро моргая ресницами, уставилась на Ариевского.

— Тимур, — протянула я, но указательный палец на моих губах призвал к молчанию.

— Соболева, просто молчи, — мужчина помог мне слезть с капота и усадить на водительское сиденье.

Я так и не смогла унять дрожь в пальцах. Так и не смогла произнести ни единого слова. Все происходило будто бы в автоматическом режиме, диктуемое подсознанием: отрегулировала спинку сиденья, поправила зеркала, проверила нейтральную скорость на коробке передач, запустила мотор, включила ближний свет фар и стала ждать...

— Трогайся, — произнес автоинструктор и я, послушно выжав сцепление, включила первую скорость, опустила стояночный тормоз и слегка нажав на педаль газа правой ногой, начала плавно отпускать сцепление.

Машина тронулась вперед. Затем очередь дошла до второй передачи, а после — третьей. Со скоростью сорок километров в час я наматывала круги по пустой учебной площадке.

Затянувшаяся тишина казалась каким-то пугающим перемирием. Время от времени я бросала в сторону Тимура беглый взгляд, пытаюсь понять, о чем он мог думать. Но гордый профиль не выражал никаких эмоций, от чего я все больше увязала в собственных сомнениях.

Спустя короткое время Ариевский потребовал остановиться, а затем обыденным тоном сообщил о следующем упражнении. Эстакада — трогание на подъем. Несколько минут я внимательно слушала теоретическую часть: следить за тахометром, дожидаясь нужного числа оборотов, и держать одновременно несколько педалей. Все казалось легким и понятным, пока дело не дошло до практической части. Остановив машину на определенном подъеме, я попытался тронуться с места. После неизвестно какой неудачной попытки, Тимур устало потер лоб и обратился ко мне.

— Лесь, зачем тебе вождение? Ну не получается у тебя, понимаешь? Может, перестанешь насиловать учебный автомобиль? — в его голосе не было упреков и даже претензий. Фраза больше звучала, как констатация фактов. Вот только меня совсем не устраивал подобный вердикт.

— Может, это у тебя плохо получается обучать? Может, это ты — плохой учитель, а Тимур? Почему я должна отказываться от заветной мечты? Просто потому, что ты считаешь меня необучаемой? А кто ты такой, чтобы делать подобные выводы? Чего ты добиваешься, автоинструктор? — я хотела сорваться на крик и, возможно, даже сорвалась, если бы не этот ласковый взгляд, скользящий снизу вверх и задерживающийся на моих губах.

Тимур поддался вперед и, не спрашивая никаких разрешений, взял мою руку в свою. Легко коснулся тыльной стороны ладони, повергая меня в шок. А затем прозвучал его низкий голос, который больше походил на едва уловимый шёпот:

— Возможно. Ты знаешь, что обучение должен проводить незаинтересованный учитель?

— В чем заключается твой интерес? — спросила я, боясь услышать ответ.

Я боялась его искренних признаний, но больше всего боялась признать перед самой собой странные чувства к этому брутальному мужчине.

— В тебе, Соболева. Неужели это не понятно? — я только затаила дыхание на подобный ответ, как мужчина продолжил: — дыши, Лесья, потому что я намереваюсь показать тебе, насколько сильно заинтересован.

А дальше следовал долгий и сладкий плен его губ, которые жадно целовали меня до самых настоящих мурашек по коже. Его руки скользили по округлым изгибам моего тела, оставляя жар. Я чуть не задыхалась и едва не теряла рассудок, когда незаметно для самой себя оказалась сидеть на нем сверху. С особым треском пуговицы на моей рубашке порвались. Тимур жадно припал губами к зоне декольте, исследуя шершавым языком каждый миллиметр и я заерзала на мужских коленях, пытаюсь поудобнее устроиться.

Внизу живота все будто бы пылало, когда его рука, нагло задрав вверх юбку, коснулась резинки трусиков. Мир предательски рухнул, стирая без следа здравый смысл и рассудок. Это уже была не я. Это уже был не он. Это были «новые мы», двое сумасшедших, нестерпимо жаждущих друг друга. Я покрывала поцелуями его небритые щеки, прижимаясь оголенным животом к его телу. Ловкие пальцы скользили по моей спине и задерживались на упругих ягодицах, сжимая их до еле ощутимой боли.

Нахлынувшая страсть поглощала в свои сети все больше и больше. Разум покрывался пеленой: мне не избежать плена этих сладких губ и не укрыться от этих властных рук. Все

его прикосновения выворачивали наизнанку каждую клеточку тела, которое просто трепетало и ждало...

Мужчина потянулся рукой к бардачку. Тем временем я уже в спешке снимала с него одежду. Футболка смиренно покоилась на заднем сиденье, поверх которой лежали мужская спортивная кофта и мой кружевной лифчик с белой офисной рубашкой. Неожиданно сиденье откинулось назад, освобождая пространство вокруг. Его руки потянулись к ремню на брюках. Вслед за этим послышался звук расстегивающейся молнии и шелест фольги. Тимур притягательно провел извилистую линию по внутренней стороне бедра, касаясь кожи в том месте, которую не скрывал тонкий слой капроновых чулок.

Я закусила губу, когда он обратил на меня вопросительный взгляд своих серых глаз. Грудь высоко вздымалась вверх, дыхание было тяжелым и порывистым. Последний шанс отказаться, последний шанс остановить все и уйти, но я не ушла и растворилась со сладким вскриком на губах...

Испепеляющая страсть поглотила нас на сиденье учебного автомобиля. В салоне машины воздух стал слишком горячим, отчего наши тела покрылись заметной испариной. Это — взрыв на самой вершине блаженства; эйфория, граничащая другому измерению.

Мир разлетелся на тысячи осколков, а затем заново открылся для нас двоих. Новый мир, только наш мир, мир наслаждений и неугасаемой страсти...

— Ты просто космос, — его голос звучал слишком хрипло, когда я заметно уставшая, но весьма довольная, зарылась лицом на его груди.

— Не хочу отпускать тебя, — произнес Ариевский, когда я, оторвав голову от его груди, принялась одеваться.

Широкая улыбка озарила мое лицо, когда я поймала на своих губах его блуждающий взгляд. Он хотел продолжения, это было очевидным. Я коснулась его щеки рукой. Провела длинную, извилистую линию, а затем очертила контур губ движением указательного пальца. Тимур тут же некрепко сжал зубами мой палец. Я вскрикнула, а он закрыл мой крик сладким, глубоким поцелуем.

Через полчаса мы ехали в машине Тимура. Учебный автомобиль был надежно припаркован в гараже автошколы. Я до последнего не могла поверить в произошедшее. Разве так бывает? Разве это все возможно? Секс с автоинструктором в учебном автомобиле! Об этом никому и не расскажешь, даже близким подругам, даже, чтобы узнать самую тяжелую степень своего сумасшествия.

— О чем задумалась? — тембр его голоса вырвал сознание из альтернативной реальности, которую уже рисовала моя бурная фантазия.

— О будущем, — только и смогла ответить, не найдя подходящих слов.

— Интересно, — ухмыльнулся Тимур, а затем удивил своей прямолинейностью, — надеюсь, ты же не считаешь, что водительские права у тебя теперь в кармане?

— Что? — я, изумленно приподняв брови, уставилась на мужчину, — ты сейчас серьезно?

— Вполне, — и он ответил действительно серьезно. Ответил так, как обычно говорят о самых важных вещах: без насмешки, без лукавства в глазах, без упреков в голосе. — Леся, не думай себе ничего. Это был хороший секс и надеюсь, еще будет и не один, но обучаться вождению тебе все равно придется.

— Да я и не думала об этом, — с нескрываемой обидой, я отвернулась лицом к окну. Желание продолжать разговор уже отсутствовало.

— Не дуйся, лисёнок, — Ариевский коснулся рукой моего плеча, но я резко вздрогнула и еще больше прижалась к двери, увеличивая между нами дистанцию.

— Тормозни, пожалуйста, возле той серой машины, — жестом руки я указала мужчине на место парковки и приготовилась ждать.

Когда машина остановилась в указанном месте, я потянулась рукой к заднему сиденью, чтобы забрать свою сумку, но Тимур, сочтя это трусливым побегом, схватил мою руку чуть выше локтя:

— Лесь, ты же не обиделась, правда?

— Что ты хочешь услышать, инструктор? — в свой ответ я вложила столько горечи, что на мужском лице застыла маска раскаяния.

— Значит, инструктор? — прозвучал риторический вопрос, на который я положительно кивнула головой, хотя этого и не требовалось, — я думал, что теперь все будет по-другому, — добавил, смотря прямо мне в глаза.

— Тимур, до свидания. Спасибо, что подвез. Думаю, ты прав. Теперь все будет по-другому. Я найду другого инструктора. Наше обучение теряет свою актуальность. Я больше не смогу тебя воспринимать, как обычного человека, — я собиралась уйти и даже успела потянуться к ручке на дверях, но у Ариевского был другой ход мыслей.

Он в один миг заблокировал центральный замок, запрещая мне покинуть салон автомобиля, чем не на шутку разозлил мою достаточно спокойную натуру. А затем он сделал попытку приблизиться ко мне, но я выставила руку перед собой, призывая сохранять дистанцию.

— Лесь, ну не хотел я тебя обидеть. Я привык говорить правду. Может, она тебя и обидела, но я не преследовал именно такой цели. Не хочу, чтобы ты изначально воспринимала начало наших отношений, как какой-то учебный роман, — его серые глаза пытались заглянуть будто бы в душу, так пронзительно и изучающе скользили по всему овалу моего лица.

— Не учебный, Ариевский. Вообще не роман, — подытожила я, — а сейчас я хочу уйти, поэтому открой, пожалуйста, дверь и разреши уйти.

— Хорошо, — только и ответил Тимур, а затем все-таки снял блокировку с центрального замка.

— Пока, — произнесла я ни разу не посмотрев на него, моего автоинструктора, личного кошмара, а возможно, уже и ни этого, и ни того.

Но вечер, как оказалось, приготовил мне ещё один сюрприз, когда, переступив порог дома, меня встретили сразу трое людей. Мама сияла, как новогодняя ёлка, настолько сильно сверкало её платье в каких-то пайетках. Сестра изучающе осматривала меня с головы до ног, пытаясь придумать очередную колкость. И лишь Тим осмелился подойти, и поприветствовать. В этот момент мне казалось, что недавняя пикантная сцена с Ариевским была написана прямо на моем лице, поскольку взгляд мужчины был слишком подозрительным. Но все происходило совсем по-другому сценарию.

— Привет, а я решил познакомиться с твоей мамой, — произнес мужчина, делая шаг навстречу.

— Зачем? — только и смогла ответить, пытаясь уклониться от его рук, которые уже расстегивали пуговицы на моем полушубке.

В спешке я рванула в свою комнату, оставляя всю дружную тройку стоять с широко открытыми ртами. Багровый румянец покрыл все лицо, когда я представила, чем могло все

закончиться, позволь я Тиму снять с себя полушубок: отсутствующие пуговицы на рубашке, мятая юбка, порванные чулки, красные царапины на шее от щетины Ариевского. Все это было бы грандиозным фиаско и очередной порцией корвалола для мамы. Конечно же, я не могла позволить такой исход, поэтому уже через дверь я попросила дать мне время переодеться.

Через пять минут удивленный взгляд Тима встретил меня прямо на выходе из комнаты. Я потуже завязала пояс домашнего халата, оттягивая ворот едва не до самых ушей.

— Что случилось, Леся? — произнес Тим, легко касаясь рукой моего плеча.

— Кажется, тебе лучше уйти, — сухо протянула я, но мой ответ не удовлетворил мужчину.

— Почему? — на его лице читалось непонимание, отчего я испытала самый настоящий приступ совести. Внутренний голос твердил признаться во всем, но здравый смысл приказывал молчать.

— Мы слишком торопимся, прости, — прозвучал мой ровный голос, больше похожий на голос палача, который ведаёт все пункты смертельного приговора.

Никогда раньше я не занималась самоедством. Не видела смысла в ненужных угрызениях совести и поисках ответов на давно уже свершившиеся факты. Жалела ли я о сексе с инструктором по вождению? Определенно, нет. Мне было хорошо, ему — тоже. К тому же, секс был прекрасен, можно сказать, один из лучших в моей жизни. И, как не крути, думаю, его было не избежать по многим причинам. Мы вдвоем в тесном замкнутом пространстве, эмоции хлещут через край, а тут сидит справа вполне себе привлекательный мужчина. Он нечаянно касается моих рук, коленей. Его голос все время держит меня в напряжении, нервы натягиваются, как струны на гитаре и главное, чтобы они не порвались на определенном аккорде. Но струны рвутся, всегда рвутся и со мной не происходит исключения.

Самое главное случается утром. Именно утром, когда первые эмоции утихли, а голова уже успела все переосмыслить. И я даже не удивилась, когда первыми мыслями в шесть утра были воспоминания об Ариевском. Открыла припухшие веки, потянулась руками к подушке, пару раз моргнула и все... Картинка за картинкой, деталь за деталью, чувства обострились, и перед глазами появился его образ. Его крепкие руки, властные губы, упругое тело, от которого бросало в дрожь и трясло до помутнения рассудка. Это было блажью, что не говори.

Но счастливые люди не пьют кофе по утрам в угрюмом одиночестве и не затягиваются третьей подряд сигаретой. А затем не листают на просторах интернета темы с заголовком "Секс с автоинструктором".

Только на работе я смогла прийти в чувства. Постоянная суэта, бесконечные диалоги с клиентами, кипы бумаг и договоров, рутина поглотила разум, не давая возможности каким-либо посторонним мыслям пробить броню. Ближе к обеду на телефон пришло сообщение. Я ринулась к смартфону, искренне веруя в адресата, но, видимо, это была всего лишь вера и не более. Тим просил о встрече этим вечером. Смешной смайлик в конце письма вызвал улыбку на лице, прогоняя отголоски грусти.

Я долго сомневалась в адекватности своего поведения, но субъективизм взял верх. Вчерашний секс был ничем иным, как разовой акцией. Был и больше не будет. Чего только не было написано в интернете на форумах касательно этой темы. О будущем можно было и не мечтать. Салон учебного автомобиля — настоящий Клондайк для подобных интрижек на пару раз.

С Тимом обстояло иначе. Он не был похож на ходячий конвейер по обольщению учениц. И пусть его поцелуи не заставляли мою внутреннюю богиню ликовать, как в знаменитых "Пятьдесят оттенков", но в этом мужчине ощущалась свобода и спокойствие. С ним хотелось ровно дышать, без всяких опасений в нехватке кислорода. С ним не задохнешься, нет. Это умеренный климат, с предсказуемой погодой на все случаи жизни.

На встречу я согласилась, не найдя объективных причин для отказа.

Вот только вечер сложился совсем по-другому сценарию. Знакомый внедорожник остановился на парковке возле банка, его я сразу заметила, как только переступила порог здания. Уже по традиции мужчина стоял возле машины и курил сигарету. Лимонный свет от фонаря бросал на гордый профиль тусклое свечение. Несколько глубоких вдохов морозного

воздуха привели в порядок мысли.

— Привет, — поприветствовал Тимур, осматривая меня с головы до ног.

Я осмелилась сделать шаг навстречу, а затем легко коснуться губами гладко выбритой щеки. В ответ он прижал мое тело к груди, зарываясь носом в копне длинных волос.

— Запах счастья. Я скучал по нему, — пояснений не требовалось. Все эмоции читались на его лице. Он был рад видеть и даже более, чем просто рад.

Тим помог забраться в машину, а затем вежливо поинтересовался, как прошел рабочий день. Пока мы ехали, за окном бушевала непогода. Декабрьская метель поглотила в свои объятия целый город, укрывая белым покрывалом. Я задумчиво смотрела в окно, всё время возвращаясь мыслями к другому. Тот, другой, так и не звонил. Никакой инициативы, всё было глухо, как в старых кинолентах без озвучки.

Машина сбавила скорость, а затем и вовсе остановилась на углу одного ресторана. Отстегнула ремень безопасности, закуталась плотнее в шарф и вышла наружу. Минус двадцать по Цельсию заставил заметно вздрогнуть. Тим, приобняв меня за плечи, повел в зал ресторана. На входе вежливый метрдотель встретил с дружелюбной улыбкой. Последовала черед знакомства с содержимым меню заведения. Я долго не могла выбрать блюда. Глаза бегали от одной строчки к другой, так нигде и не останавливаясь. Особого аппетита не было, впрочем, настроения — тоже.

— Лесь, у тебя всё в порядке? — Тим легко коснулся запястья, заставляя обратить взгляд.

Посмотрела на добродушную улыбку, пару раз попыталась ответить взаимностью. Тщетно. Кривая ухмылка на моём лице больше походила на равнодушие, нежели, на радость.

— В порядке, — протянула я, когда молчание оказалось затяжным, а затем добавила, чтобы снять напряженную атмосферу, — сделай выбор ты. Что-то я не могу определиться с кухней.

— Рыба, мясо, птица? — карие глаза сияли, не иначе. Вот только мои глаза совсем не пытались отвечать взаимностью. Блеск угас еще вчера вечером, когда Ариевский остановил машину около моего подъезда.

— Всё равно, — равнодушно пожала плечами, оглядываясь по сторонам.

Уютное место. Здесь было спокойно и комфортно, как дома. Изысканная мебель цвета темного дерева. Струящейся свет от стеклянных люстр замысловатой формы. Наш столик находился в самом углу возле окна. Весь зал ресторана был будто бы на ладони. Без особого интереса мои глаза блуждали по залу. Хотелось увидеть знакомые черты лица. Дотронуться до заметно отросшей щетины на лице. Коснуться припухших губ, а затем зарыться руками под его футболкой, прижимаясь к широкой груди.

Встряхнула головой, когда воспоминания переплелись с реальностью и стали походять на абсурд. Нужно было выкинуть из головы всю ту блажь и как можно скорее. Внимание переключила на Тима. Мужчина с огромным удовольствием поглощал свежее приготовленное блюдо. Заметив мой изучающий взгляд, Тим игриво подмигнул. Подобие улыбки образовалось на лице, когда он коснулся рукой запястья.

— Ты совсем не ешь, — заключил мужчина, кивая головой, — не порядок.

— Ем, — попыталась ретироваться в его глазах. Наколола на вилку кусочек стейка и поднесла ко рту. Следующий кусок предложила ему, — кажется, он, соленный, попробуй.

— Вроде бы, нет, — ответил Тим, — может быть, тебе заказать что-то другое? Десерт?

— Можно, — мужчина одобрительно улыбнулся.

Спустя небольшой отрезок времени аппетит всё же появился, когда официант принес тирамису. Я практически набросилась на десерт. Тим наблюдал за мной с радостным выражением на лице. Его глаза были прикованы к моему рту. Я облизала губы, доев последний кусочек десерта. Мужчина потянулся к салфетке, а затем заботливо вытер уголки моего рта от крошек.

— Ты вся испачкалась, — тембр его голоса заметно снизился, а взгляд стал более томным.

Интуитивно я сжала колени под столом. Появилась неловкость момента.

— Спасибо, — только и смогла ответить.

— Я хотел бы с тобой поговорить.

— О чем? — я старалась унять тоску в сердце, когда представила, о чем пойдет разговор.

— О нас, — слишком тихо произнесли его губы, но я слышала каждый слог, — Лесь, я ведь не сильно тороплюсь, правда?

Грустно вздохнула, отдувая прядь волос, упавшую на щеку. Осмелилась коснуться его руки, перекрестив пальцы. Подняла взгляд, сделала еще один глубокий вздох.

— Понимаешь, вчера кое-что произошло. И я не знаю, как тебе сказать об этом, — Тим слегка поддался вперед, а затем склонился прямо над моим лицом.

— Ты уверена, что должна мне об этом говорить? Я не требую, — его дыхание обожгло кожу.

— Разве тебе неинтересно узнать, почему сегодня я выгляжу такой несчастной?

— Нет, мне интересно сделать тебя счастливой, — его губы коснулись виска. Я встрепенулась, ощущая холодок, бегущий по позвонкам. Мужская рука скользнула по спине и задержалась на талии. Тим придвинулся слишком близко. — Я хочу, чтобы ты всегда улыбалась, но только для меня.

— Ты многое не знаешь.

Я пыталась честно признаться, правда. Но, видит бог, Тим не давал мне этого сделать. Более того, мне даже показалось, что он обо всем догадался.

— А мне и не хочется знать. Просто дай нам время. Дай шанс нашим отношениям, Лесь. Я хочу узнать тебя больше, хочу, чтобы ты узнала меня настоящего.

— А вдруг, узнав друг друга, мы разочаруемся? — мои слова были несмелыми и робкими, как первые шаги ребенка.

— Значит, станем просто друзьями, ну а пока я не готов быть тебе просто другом. Я хочу большего, малыш, — и, наверное, на этом моменте должен был последовать долгий и глубокий поцелуй, но он не последовал. Я просто слегка отодвинулась от мужчины, уклоняясь от его объятий.

Возможно, разговор бы продолжился и еще неизвестно, куда бы зашел, но зазвонил мобильный Тима. Он был вынужден ответить. Отодвинулся от меня на приличное расстояние, протянул сухое: «*Вольский слушает*», а я затаила дыхание, услышав знакомую фамилию.

— Лесь, я вынужден срочно уехать, — с нескрываемой грустью произнес Тимур.

— Что-то случилось? — мне правда было равнодушно грусть на его лице.

— Ага, — протянул мужчина, доставая из бумажника деньги, чтобы рассчитаться за заказ, — похоже, в моей квартире прорвало трубу и сейчас я заливаю водой соседей снизу.

Прости, что бросаю. Я вызову тебе такси, — и он потянулся рукой к телефону, но я остановила его, прикоснувшись к плечу.

— Не нужно, — Тим удивленно повел бровями, — я поеду с тобой.

И мы вместе покинули ресторан, а затем Тимур, как сумасшедший, вдавил педаль газа в пол. Лихо минуя светофоры и перекрестки, машина обгоняла абсолютно всех участников на дороге. Тим нервничал. Я видела, как крылья его носа широко раздувались в стороны, а зубы покусывали нижнюю губу.

Оказавшись в квартире, мы с порога заметили настоящий потоп. Тим, не снимая ботинок, юркнул в ванную комнату, видимо, перекрыть кран на трубе. Я принялась искать ведро и тряпку. Шубу пришлось снять, а сапоги все же не рискнула. Пока Тимур возился с краном, я пыталась убрать влагу с пола. Затем послышался стук в дверь. Пришел слесарь и они с Тимом еще добрых полчаса возились с краном. К тому времени я уже успела прибраться.

Когда за слесарем захлопнулась дверь, в коридоре показался Тимур. Мокрая майка прилипла к его груди, подчеркивая каждую мышцу. Сквозь тонкий клочок ткани виднелось очертания груди, и я смущенно опустила глаза в пол, когда заметила на себе тяжелый взгляд.

Тим сделал шаг на встречу, а я затаила дыхание.

Он коснулся моего подбородка, поднимая его вверх. Я отвела взгляд в сторону, а он, не спрашивая моего разрешения, подхватил на руки и понес в кухню. Усадил на высокий стол, а затем потянулся руками к моему затылку. Снял заколку, и копна светлых волос веером легла на плечи. Он прижался ко мне слишком близко, его дыхание обдало жаром. Приоткрытые губы жаждали поцелуев и он, несомненно, желал утолить эту жажду. Будто под натиском порывистого ветра, наша одежда слетала с тел. На пол летело все, что попадалось под руку. Кажется, мы даже разбили какой-то фарфор, когда Тим, сняв меня со стола, развернул к себе спиной.

Его язык исследовал каждый миллиметр моей шеи. Кожа покрылась мурашками, когда его рука скользнула по внутренней стороне бедра. А затем следовал горячий поцелуй, в который мужчина вложил всю свою неистовость. Я чувствовала, как он разгорячился. Чувствовала его блуждающие руки по всему телу. Он знал, что делает, вот только я не понимала, почему посмела ответить взаимностью.

Трель моего мобильного заставила нас оторваться друг от друга. Не с первой попытки я смогла вырваться из его объятий. Нужно было не отвечать на этот звонок и вообще навсегда заблокировать абонента.

Но я ответила на звонок, не взглянув на дисплей телефона:

— Привет, я соскучился, — в сердце пронесся протяжный импульс, а воздух стал ядовитым.

— Привет, — Тимур уже прижимал мою спину к своей груди и нежно целовал изгиб шеи.

— Ты не рада меня слышать? — я попыталась увернуться от Тима и отойти в сторону, но все было тщетно. Кольцо стальных рук обвило мою талию.

— Позвони в другой раз, я занята, — на последнем слове я едва не вскрикнула, когда Тимур коснулся пальцами моей груди.

— Ты развлекаешься с ним? — я уже хотела завершить вызов, но Тим вырвал телефон, зажатый между ухом и плечом.

Я сразу же круто развернулась, но из-за разницы в росте Тим умело увернулся, не

позволяя забрать смартфон.

— Ты свободен, инструктор, — спокойно произнес Тимур, а я никак не могла поверить в услышанное.

Долго и пронзительно смотрела на кривую ухмылку Тима. Телефон он вернул, сразу же завершив вызов. Закатить скандал — было вершиной безумия, а включить полный игнор — признать полную капитуляцию. На раздумья оставалось несколько секунд, не более. Тимур смекалистый и сразу заподозрил неладное, когда я отозвалась на трель мобильного и отскочила от него, как ошпаренная. Поэтому он последовал за мной, поэтому и целовал, пока я говорила по телефону. Видимо, желал убедиться в правильном исходе дела.

Его глаза сверкнули, будто два догорающих уголька. Потянулся рукой, схватил чуть ниже плеча, прямо за бицепс. Я даже словом не обмолвилась, ощутив на коже тиски.

— Лесь, я ведь ему все ребра сломаю, если он посмеет сунуться к тебе, — на лице Тима значился волчий оскал и от сказанных слов по моей спине прошелся холодок.

— Ну ты чего, малыш? — сгреб моё тело в охапку, прижал к груди, я только носом хлюпать успевала, как он гладил волосы и покрывал поцелуями макушку.

— Откуда ты?

Палец коснулся губ и я замолчала. Пыталась равномерно дышать, но дыхание сбилось и казалось, что вот-вот перестанет биться сердце.

— У меня свои методы, помнишь? Я всё знаю, Лесья, — крепкие руки подхватили моё тело и уже по традиции отнесли в кухню.

Усадил на барный стул. Вышел из комнаты ненадолго, а затем вернулся с мужской футболкой чёрного цвета.

— Твоя одежда мокрая, накинь это, дрожишь сильно, — и меня действительно била дрожь, только сейчас заметила, как стучали зубы, а по коже ползли мурашки.

Послушалась. Надела футболку, сидящую на мне словно короткое платье. Принялась искать заколку на полу. Хотелось остановить время, да и посмотреть в карие глаза было как-то совестно, что ли. Слишком совестно или даже трусливо. Он подошёл сзади, заправил за ухо прядь волос, обвил талию, будто клещами. Ягодицы упирались в мужские бедра, он легко поддался вперёд, а затем развернул к себе лицом. Едва не упала от этого маневра, но сильные руки вовремя подхватили. Футболка неприлично задралась вверх, открывая обзор на нижнее белье. Попыталась её одернуть, хотя это выглядело глупо. Ещё пару минут назад он в полной мере лицезрел тонкое кружево, а сейчас я сторонилась, будто бы ничего и не было.

— Ты же не считаешь меня скотиной, правда? — спросил Тим и я отрицательно кивнула головой.

Он скотина? Из нас двоих я больше походила на это прозвище.

— Нет, но вырывать у меня телефон ты не имел права. Я не понимаю тебя, Тим. Если ты все знаешь, почему я всё ещё здесь, с тобой? — Его чуть ли не покорило от вопроса. Сразу поменялся в лице. На лице напряглись мускулы.

Отошёл в сторону. Потянулся к шкафчику. Достал сигарету, прикурил, включая вытяжку. На лбу собрались горизонтальные складки, он задумчиво молчал. Я не осмелилась подойти. Просто стояла, подпирая плечом стенку. Оказалось, не такой уж он и штиль, не такая уж спокойная гавань. Загадка, ребус, а не мужчина.

— Меня заклинило на тебе, Лесь. Ты все время — вот тут, — рука показала на висок, он еще раз затянулся дымом, а затем продолжил, — я готов закрыть глаза на интрижку с

инструктором, но только один раз.

Тим затушил сигарету и выкинул окурки в мусорную корзину. Подошел к холодильнику, открыл дверцу. Выудил закрытую бутылку водки. Достал рюмку, наполнил ее. Выпил залпом, повторил. Я наблюдала, не зная, как реагировать.

«*Меня заклинило на тебе*», — никак не выходило из головы. Ситуация походила на спектакль абсурда. Я не могла похвастаться подобными чувствами. Симпатия? Да. Влечение? Да. Но меня не заклинило, совсем не заклинило.

— Почему ты молчишь? — он стоял совсем рядом. Боялся коснуться, рука так и застыла в воздухе.

— Я не знаю, что говорить, — осмелилась поднять взгляд. Дышала ровно, точнее, мне так казалось. По факту, всего лишь порывисто хватала воздух.

— Лесь, забудь о нем, хорошо? Там нет будущего. Я могу дать тебе больше, только позволь, — попытался обнять, но я еще сильнее прижалась к стене. Обхватила себя руками, будто бы погрузилась в панцирь. Он понял, не стал испытывать броню на прочность.

Вернулся к столу. Снова потянулся к бутылке. До краев наполнил рюмку, выпил на одном дыхании, не скривился даже. Сел на стул. Взял мобильник, принялся в нем что-то искать. Нашел, видимо. Пододвинул к краю стола телефон, указал на него рукой:

— Смотри.

Сомневалась: подойти или? Подошла, коснулась телефона. Окинула взглядом дисплей и обомлела. Фотокопия паспорта Ариевского, твою дивизию! Ариевский Тимур Олегович, третье августа одна тысяча восемьдесят пятого года рождения. Следующее фото и сердце предательски сжалось, внутри туго затянулся узел, я медленно сползла на стул. Кричащий штамп на странице «Семейное положение» разрушил все, что могло быть или не быть. Женат. Уже пятнадцать лет. Есть дочь, подросток.

— Откуда? — только и шептали губы.

— Неважно, — ответил слишком сухо.

Подошел ко мне. Неожиданно стал на колени. Прикоснулся к рукам нежно и трепетно. Я снова забыла, как дышать. Кажется, это уже хроническое заболевание и, по-моему, требуется медицинская помощь.

— Твое табу, помнишь? Или уже нет? — заглянул прямо в глаза.

Не знала, куда деть взгляд. Тим был слишком осведомлен о моей жизни. Рассказал Ваня? Нет, однозначно. Об Эдике знали только я и сам Эдик. *Тогда откуда и кто?*

— Откуда тебе все известно? — ждала ответа, но он не торопился, а лишь обхватил мои колени обеими руками и целовал каждый миллиметр.

— Ты моя слабость, малыш. Уже давно. Я знаю тебя гораздо раньше, чем ты думаешь, — меня не на шутку испугало признание.

Попыталась встать, но он не позволил, продолжая удерживать руками, будто капканом.

— Ты следил за мной, что ли? — его взгляд походил на настоящие безумие. Зрачки расширились и глаза превратились в сплошные коричневые точки. — Сумасшедший?

— Нет, — возразил, — просто влюбленный дурак. Ты ведь не помнишь меня, да?

Отрицательно кивнула головой. Помню? Разве мы раньше встречались? Нет. Возможно, в прошлой жизни, но я не верю эзотерике, предпочитая опираться на факты.

— Год назад. Новогодний корпоратив в «Калибри». Длинное струящееся платье золотистого цвета. Волосы собраны на затылке заколкой, а некоторые локоны спадают на

плечи. Аж дух перехватило. Ты спускалась с лестницы, обронила сумочку. Я тебе помог поднять, и ты улыбнулась. Понравилась. Улыбка понравилась больше всего. Хотел познакомиться, но тебя позвали. А затем ты встретила его и ушла из ресторана, — к концу исповеди Тима я уже перемещалась в прошлом, пытаюсь что-либо вспомнить.

Тщетно. Не помнила ничего. Помнила только его, Эдика. Помнила, как танцевали с ним, а затем уехали вместе и понеслось. Десять месяцев безудержной страсти.

— Напугал? — тихий голос просто вырвал из калейдоскопа воспоминаний.

Вздрыгнула, ощущая, как футболка задирается вверх. Это были его руки или я так сильно ерзала на стуле?

— Не молчи, говори со мной, малыш, — кажется, язык проглотила. Сказать хотела, но не смогла произнести ни звука.

Остолбенела просто.

— Люблю тебя очень, девочка моя. Моя, слышишь? — его губы опалили кожу.

Он поднялся с колен, прижал мое дрожащее тело к груди. Я слышала стук сердца, не понимая, кому он мог принадлежать. Это было похоже на гудение стиральной машины, а не на сердечный ритм. Запуталась. *Совсем с катушек слетела, похоже.*

— Кто ты такой? — спросила я, когда ко мне вернулась речь.

— Влюбленный придурок. Влюбленный по самые уши, как подросток просто.

Не удалось поверить ему на слово. Качала головой, а он пытался остановить. Получилось.

Заставил поднять подбородок вверх. Легко надавил пальцем на выступающую ямочку. Вздрыгнула.

— Лесь, не бойся, я не сумасшедший, правда. Веришь? — ненадолго вышел из кухни, а затем вернулся с паспортом и коробочкой для кольца.

Снова стал на колени, но только на одно. Протянул паспорт, а затем открыл коробку. Кольцо. Платиновое с большим блестящим камнем. Бриллиант?

— Выходи за меня замуж? — неожиданно протянул.

Только сейчас заметила, как тряслись пальцы, держащие его паспорт.

Зачем?

— Открой последние страницы, — ответил на мой немой вопрос.

Хотела унять дрожь, не смогла. Он помог. Перебирал страницу за страницей. Остановился на нужной. Холост, определенно. Ни единой записи.

— Видишь? Я не женат и никогда не был. Соглашайся, девочка. Я дам тебе все, покажу весь мир и положу его к твоим ногам, только скажи «да», — я медленно сползла со стула. Он пытался помочь, но я отстранилась.

Подошла к столу. Схватила бутылку и принялась жадно пить прямо из горла, пока кашель не начал сотрясать плечи. Не было горечи, хотелось пить, но жажда так и не утолялась. Продолжила припадать губами к горлышку. Напиться совсем не могла, хотя в горле давно уже засел огромный ком.

Пришла в себя, когда из моих рук вырвали бутылку.

— Что ты творишь? — он не кричал. Просто уничтожал волчьим оскалом.

Страшно? Не знала. Хотелось уйти? Нет. Убежать хочется, да побыстрее.

— Кто ты такой? — заставила себя взглянуть на него, но ничего не вышло — глаза все время смотрели на выход.

Нет! Сбежать не получится. Окно? Нет, шестой этаж. Не получится, жить хочу.

— Тимур. Вольский Тимур Андреевич, глава «Трейд карго», тридцатилетний холостяк, и уже год, как убивающейся по Соболевой Алесе Игоревны, — он пытался улыбаться, а мне было не весело совсем.

— Ты же говорил, что обычный таможенный брокер или уже нет? — попятилась назад, шаг за шагом.

— Так и есть, это логистическая компания, таможенное оформление, перевозка грузов, да какая разница? Лесь, ты слышишь меня? Я люблю тебя, скажи что-нибудь наконец? — он потрянул меня за плечи, будто тряпичную куклу.

— Ты маньяк? — протянула неуверенно.

— Нет, ты совсем с катушек слетела? Какой нафиг маньяк? — чертыхнулся еще более громкими словами и отошел назад.

Сел на стул. Зарылся лицом в ладонях.

Я уже хотела ответить и даже вдох глубокий сделала перед монологом, но в дверь громко постучали. Тимур несколько секунд вообще никак не реагировал, пока стук не стал настойчивее и громче. Неохотно поднялся, пошел открывать дверь. Скрипнул замок, послышался топот ног.

— Тимур, пять фирм под арестом. Ищут транзитеров, сейчас цепочки отслеживают. Что делать? — в перепуганном голосе узнала братца.

Ванька. Ну надо же? Так они, оказываются, были сотрудники?

— Заткнись! — раздался рык Тима, — чего разорался? Я не один дома.

— А с кем? Бабу притащил? А Леська? Отшила тебя? — послышалась какая-то потасовка, а затем приближающиеся шаги.

В дверном проеме появилась русая голова братца. Он кинул в мою сторону любопытный взгляд, задерживаясь на черной мужской футболке.

— Опаньки, Алеська! — Ваня обернулся назад, посмотрел на Тимура, а затем снова вернул взгляд, обращенный на меня. — Так я помешал вам, ребята?

— Нет! Да! — почти одновременно закричали мы с Тимуром. Сначала — я, а затем — он.

— В кабинет! — строгий тон Тимура заставил вздрогнуть даже братца.

Они быстро покинули кухню, оставляя меня в гордом одиночестве.

Подняла с пола свою одежду. Стянула с себя мужскую футболку и скривилась, ощутив его запах на своей коже. Терпкий аромат с древесными нотками. Я полностью пропахла им, будто заклеимила себя. Ничего. Приеду домой, закроюсь в ванной и смою к чертям собачьим весь этот абсурд.

Поправила помятую юбку. Руки дрожали, а странный озноб покрывал тело. К горлу подкатывали знакомые спазмы. Едва успела добежать до уборной. Надо же было опустошить почти полную бутылку, не считая нескольких рюмок, выпитых Тимуром? Пришла в себя спустя несколько минут. Не могла отдышаться. Волосы прилипли к мокрому лицу, губы припухли, косметика предательски потекла.

Плевать на эту картину. Плевать на ватные ноги и туманный взгляд. Напилась? Нет. Нажралась, дура!

Вышла из ванны, боясь громко ступать. Сбежать? Да! Что потом? Не знала. Объясниться все равно придется. А нужно ли? Он сказал, любит. Сказал, что заклинило. Значит, не отпустит, не даст уйти. А я ведь хотела, еще вчера хотела все закончить. И почему не послушалась внутреннего голоса? *Соболева, да ты дура!* Нужно было трезветь, срочно.

Тело — предатель. Расслабленное и совсем не хотело подчиняться разуму. Слишком медленно шла, а, возможно, уже ползла, цепляясь руками за стену. Как домой-то ехать в таком состоянии?

На пороге меня подхватили крепкие руки. Талию сжало в тугое кольцо. Шуба слетела с плеч. Его дыхание слишком тяжелое и слишком близко. Оно колыхало волосы на макушке и я вздрагивала.

— Ну куда ты собралась в таком состоянии? Останься, малыш. Я и пальцем тебя не трону, — тон мягкий, грудной голос призывал согласиться.

Я точно не сошла с ума? Нет? Тогда почему доверчиво положила руки на плечи и позволила подхватить обмякшее тело. Он аккуратно уложил меня на постель и я попыталась сопротивляться, когда заботливые руки начали снимать с меня все еще мокрую одежду.

— Перестань, — шептали его губы, — ты же мокрая вся, малыш.

Ему удалось избавить меня от мокрых тряпок. Осталась в нижнем белье, кажется. Он хотел уложить меня спать или заняться сексом? Не понимала. Я не хотела спать — домой хотела. Но он не слышал моих возмущений, а просто снял с себя одежду и лег рядом.

Притянул за плечи, и копна волос рассыпалась на его груди, будто бы так и нужно. Зарылся в них рукой, перебирая пальцами каждую прядь. Что-то ласково шептал. Покрывал поцелуями макушку. Веки сонно слипались. Уйти хотела, но вместо этого обнимала Тима за торс, закинув ногу на его бедро.

Совсем одурела, девка!

— Спи, слабость моя. Все равно будешь моей, я постараюсь, — то ли это был его голос, то ли всего лишь мысли. Но я их слышала или уже спала?

Утром проснулась под размеренное дыхание под боком. Мышцы застыли, как бетон просто, а шея совсем не хотела сгибаться. Понятное дело — килограмм так под девяносто прижали все мои конечности, не оставляя и миллиметра для свободного пространства. Осмелилась поднять одеяло. Увиденная картина недвусмысленно кричала о произошедшем. *Когда?*

Начала ворочаться, а он что-то буркнул себе под нос и повернулся на другой на бок. Встала. На полу возле кровати валялась упаковки фольги. *Сумасшедшая*. Зачем подобрала ее и стала пристально рассматривать, будто бы орудие преступления? Нет, орудие спало, вместе со своим хозяином. Бросила обратно на пол серебристый квадрат. Да к черту все! Вчера и так все бы произошло, если бы Ариевский не прервал. Следил, что ли? Нет. Тут всего один маньяк, следящий за мной целый год. Наверняка сценарист моей жизни не такой драматург, чтобы одновременно двух маньяков посылать. Должен же быть хоть кто-то нормальным? Вот Эдик был нормальным, только женатым оказался, засранец.

Стоп! Ариевский тоже женат? Или мне вчера все это приснилось? И не было никаких там «*Заклинило на тебе*», «*Выходи за меня замуж*»?

Подняла с пола его футболку. Не ходить же голой по чужой квартире? Надела. Снова его запах. Теперь точно с клеймом. Вон квадратик лежал под кроватью, а может, и не один. Вышла из спальни. Пить хотелось В кухне нашла бутылку с водой. Жадно глотала, а не пила — все, как в сухую землю. Взгляд упал на стол: паспорт, коробочка черного цвета, бархатная и такая красивая. Взяла ее в руки, открыла, аж дух перехватило. Платина! А камень какой огромный. Сколько оно стоило? Подумать страшно. А говорил, обычный таможенный брокер. Конечно. Сделала вид, что поверила, не больше.

Чисто из женского любопытства, примеряла колечко. Красивое и, как раз, в пору.

Наверное, снова свои методы использовал, когда узнавал размер безымянного пальца на правой руке. Если бы кто увидел из подруг такую красоту, точно ахнул. А как еще? Да и жених весь такой при себе. Замуж позвал. Стоп! Замуж? Меня вчера туда позвали? Это точно правда, и я все еще не сплю? Тогда зачем качала головой? Кухня ведь никуда не исчезла, и футболка черного цвета все еще была на мне.

— Вижу, ты приняла предложение, — от неожиданного голоса за спиной я уронила на пол бархатную коробочку.

Обернулась. Он стоял в дверном проеме, упираясь плечом о стену. Опустила взгляд вниз. Голый. Зачем я туда посмотрела? Он игриво улыбался, направляясь ко мне, а я смотрела в сторону окна.

Десять дней. Мне было дано десять дней, чтобы принять решение. Решение, которое могло изменить всю жизнь и не только мою. Тимур обещал золотые горы, покровительство и райские перспективы.

Только всё это походило на стихотворение Вертинского:

*«Потому что не надо срывать цветов
И в клетках томить птиц,
Потому что нельзя удержатъ любовь,
Упав перед нею ниц».*

Испугалась? Нет. Окаменело. Внутри всё окаменело: первые зачатки нежности и симпатии. Поторопился. Слишком быстро признался. Зачем? Боязливо стало. Ариевский на горизонте появился и, видимо, показался настоящей угрозой. Наивный. Голова, слава Богу, на плечах и не бросило бы в непонятный омут, не затянуло в болото. Прошло бы, переболело. Грабли, хоть и совсем уже родными стали, но наступать на них снова — глупо, или даже трусливо, что ли. Запуталась. *Двое мужчин — одно имя. Два романа — один выбор.*

Провалялась с книгой все выходные. Отключила телефон, закрылась в комнате. Ела? Не помню. Не хотелось. Родные волновались, точнее, мама переживала. Дашка лишь однажды попыталась поговорить. Ну как поговорить? Один раз постучала в дверь, крикнула: «Хватит нюни распускать» и все. Лимит сестринской заботы исчерпан.

Засыпала при включенном свете с книгой в руках. Хотелось уйти от реальности, убежать хотелось. Только закрывались глаза, и появлялся он. Снился. Совсем обнаглел и даже в подсознание пробрался. Не спрашивал разрешения, просто смотрел, будто в душу заглядывал. Что искал? Внутри давно пусто, черная комната с черной кошкой, не найти ничего. Только оклемалась от романа с Эдиком. Пережила настоящий кошмар. Приобрела и тут же потеряла. Ребенка потеряла на седьмой неделе беременности. А он даже не знал. Не говорила. Не хотела обременять внебрачным малышом.

Жить заново училась. В работу ударилась. В автошколу пошла. Права водительские получить хотела. Да только жизнь по наклонной покатила, снова. Нет, не влюбилась, ни капли. Гормоны, скорее всего, восстановились. А он женатым оказался. Значит, опять родные грабли. Проклята, что ли? Хотя, нет. Вольский же холостяк, да вот только на сумасшедшего сильно похож. Влюбился, заклинило его, а я ведь и повода не давала.

Вечер воскресенья. Стучали в дверь, будто выбить хотели. Закрыла уши подушкой, не помогло, звук еще громче стал, а затем послышались голоса. Мама просила открыть. Послушалась. Чего прятаться-то?

Лениво поднялась с кровати, сунула ноги в тапки. Мышцы проснулись и отозвались странной болью. Открыла щеколду, едва устояла, когда в комнату ворвались женщины. Мама пригвоздила строгим взглядом, будто с ковром сравнивала. Тетя Жанна оказалась не такой смелой. Пыталась выглядывать из-за спины и что-то уяснить для себя.

— Лесь, Ванька пропал, — тетя Жанна перешла к делу, без всяких там «Здравствуй» или «Привет».

— Вы уверены? — я поинтересовалась с недоверием, а они кивнули в ответ головой, одновременно, — а ко мне чего пришли? Деньги на счету закончились, чтобы в полицию позвонить?

Переглянулись между собой. Мама, видимо, рассердилась. На лице мускул дрогнул, а крылья носа раздулись, осталось только искрам из глаз посыпаться.

— Шутки надумала шутить? — едва не вздрогнула от властного тона мамы, — лучше набери его друга, Тимура. Может, он в курсе.

Встрепенулась. Звонить Тимуру? Извольте. Я тут имя его слышать не хотела, не то, чтобы говорить с ним.

— Не буду, — возразила я, скрестив руки на груди. На мой ответ мама едва ногой не топнула от возмущения.

— Как это «не буду»? Что за детский сад, Алесья? — мама сорвалась на крик, вот только ее высокий голос больше походил на визг, отчего я иронично ухмыльнулась.

— Лесенька, пожалуйста, помоги найти Ваньку, — тетя Жанна попыталась подойти с другой стороны. Нежный, умоляющий голосок, да еще за плечи обняла, прижимая к своей груди.

— Дамочки, вашему Ваньке двадцать восемь лет, наверное, загулял мужик. У девушки какой-то околачивается. Чего волнуетесь? — хотела подбодрить, вызвать улыбку, а получилась обратная реакция. Тетя Жанна почти что заплакала, а мама принялась прожигать меня гневным взглядом.

Они обрушили на мою голову настоящий словесный водопад. Все-таки им удалось уговорить. Неохотно потянулась к телефону. Набрала номер Тима, подождала. После седьмого гудка завершила вызов. Уныло пожалала плечами, но дамочки не сдались. Открыли створки шкафа и принялись меня одевать. Сопротивлялась, а толку? Одна слишком тучная женщина, тетя Жанна, в состоянии справиться со мной без помощи друга, а тут еще пособник в виде матери. Победа в этом раунде была за ними, естественно.

Надела синие джинсы, которые успели стать немного свободными в талии. Похоже, я все-таки не ела на выходных. Волосы собрала на затылке в пучок. Пришлось умыться. На макияж времени не осталось, да и желания. Вызвала такси. Нервно курила возле подъезда, ожидая автомобиль с желтой шапкой на крыше. Пока ехала в машине, успела прочитать входящие сообщения. *Он пытался дозвониться.* Тридцать шесть раз и это только за сегодня! Заняться больше нечем, что ли? *Ты женатый, милый, а значит, снова грабли.* Не люблю грабли. Табу!

Оказалась возле знакомого дома. Зашла в лифт и в сердце что-то екнуло. Разволновалась. Видеться с ним совсем не хотелось. Напугал, все-таки. Странный какой-то. Замуж предложил. С места да в карьер. Точно дурак, как и говорил. Лифт остановился на шестом этаже. Вышла из кабинки и оглянулась. А если сказать, что никого не было дома, поверят? *Соболева, ну, правда, детский сад!*

Нажала на дверной звонок. Тишина. Никто не торопился, что мне определенно было на руку. Пусть лучше его не будет дома. Но дверь открылась, когда я уже собиралась уходить.

Картина Репина «Приплыли» застыла прямо на пороге. Я даже не сразу поверила глазам, от того быстро-быстро заморгала. Воздух стал ядовитым, пространство сузилось, хотя никогда раньше я не страдала клаустрофобией.

— Новенькая? Заходи — не успела ответить, как меня потянули за руки.

Это тот случай, когда язык проглотила. Да я его даже не глотала, кажется, вообще никогда не имела. Без языка родилась, похоже.

Картина Репина «Приплыли» в репродукции.

Снова не поверила собственным глазам, хотя они были трезвыми, как стеклышко. Дыхание сбилось. Я даже не заметила, что прижалась к стене, когда он резко вскочил с дивана, отбрасывая в сторону полуголую девицу. Веселились. Праздник был в самом разгаре. Стол ломился от уже пустых бутылок и тарелок, а на полу валялись какие-то женские шмотки. Одежда, недорогая, но вызывающая.

— Леся, что ты здесь делаешь? — он сжал мою руку чуть выше локтя, но я не почувствовала тисков пальцев.

— Опа, Алеська! *Олеся, Олеся, Олеся. Так птицы кричат в поднебесье,* — протянул Ванька, а Тимур, бросив уничтожающий взгляд в его сторону, покрутил пальцем у виска.

Заклинило его. Увидела. Похоже, каждый день клинит, только не на мне одной, а на всем женском поле, в общем.

— Тебя мама ищет, Вань. Ты бы хоть телефон включил, — хотела уйти и даже попыталась, но понятное дело, что у Вольского были другие планы.

Он схватил меня за плечи и вывел из зала, где продолжили развлекаться братец и три девушки. Вошли в кухню. Тим усадил меня на высокий стул. Кажется, еще несколько дней назад я точно также сидела на этом стуле, а он признавался в любви. Врал? Зачем? Не спрашивала же о чувствах. Сам все выложил, как на духу.

— Алесенька, ты неправильно все поняла, — оправдывался. Стал передо мной на колени. Похоже, это уже вошло в привычку, от которой меня начало коробить.

Хотел поцеловать, но я вовремя отвернулась, поэтому касание пришлось из ряда «куда попало». От Тима разило алкоголем. Сильно. На лице заметно отросшая щетина. Сколько дней они пили?

— Ты же не бросишь меня, правда? Я люблю тебя, девочка моя, — произнес он и я поняла, что моему терпению пришел конец.

Оттолкнула от себя. Получилось. Видимо от того, что на ногах едва стоял влюбленный дурак. Поднялась со стула, но Тимур преградил дорогу.

— Пусти, — ускользнуть не вышло. Он не позволил. Даже в пьяном состоянии он был гораздо сильнее меня, тогда почему получилось оттолкнуть минуту назад? Сам позволил, наверное.

— Лесь, давай поговорим, — умоляюще попросил.

— О чем с тобой говорить, Тимур? Ты в зеркале себя видел? Проспись сначала, — я не ругалась, нет. Смысл закатывать скандал пьяному человеку? Все равно ничего не поймет, все равно потом вернемся к этому разговору.

— Лесь, это подруги с братом твоим пришли. Я не звал их, правда, — зачем он оправдывался?

Перевела дух. Посмотрела на него снизу вверх. Красивый. Девушки любят таких мужчин. Вот только мудаком оказался, как и все предыдущие. *Ничего не меняется, Соболева. Кроме твоих трусов, а точнее, того, что под ними, никому ничего не нужно!*

— Тим, тебе лучше отпустить меня сейчас, я не шучу. Давай, поговорим завтра, когда протрезвеешь, — пыталась убедить его в логичности своих слов, но тщетно. Не слышал, совсем не хотел слушать.

— Малыш, я не спал с ними. Ни с кем, правда. Ванька просто привел проститутку, — я

скривилась от последнего слова.

— Замечательно, Тимур. Проститутки — высший пилотаж. Не трогай меня, — крикнула, когда он решил меня обнять, — мне стоять с тобой рядом противно не то, чтобы прикасаться.

Воспользовалась неожиданной паузой, пока Тим, споткнувшись о стол, пытался меня догнать. Выбежала из квартиры. Не смогла глубоко вздохнуть. В груди сильно защемило. Ревность? Нет. Разочарование, обида.

Слезы душили горло, но глаза были сухими. Странно. И как-то жарко стало, будто в июле в общественном транспорте. Задыхалась, просто.

Поймала какую-то попутку. Запрыгнула в салон. Перед глазами сплошная пелена. Не помню, как добиралась домой. Не помню, как зашла к себе в квартиру. На пороге встретили мама и тетя Жанна. Что-то спросили. Тряхнули за плечи. Переживали. За кого?

— Да у Тимура ваш Ванька, девочек заказали и водкой затарились, — во мне надорвалась струна и я закричала. Нет, не кричала даже, а орала, как сумасшедшая.

Дальше туман. Кровать, комната, плыло все. Никого не хотелось видеть и слышать. И плевать, что родственники стучали в дверь. Не открывала. Сегодня не открывала никому. Пусть хоть весь мир перевернется вверх дном!

Телефонный звонок. То ли это было раннее утро, то ли, глубокая ночь. Ничего не понимала спросонья. Удивительно, что вообще заснула. Полночи рыдала в подушку. Наволочка мокрая стала. Мысли в покое не оставляли. *Два Тимура. Один краше другого.* Я точно не проклята, нет? Тогда почему мне попадались одни придурки? Неужели нормальные мужики закончились? Хотя, нет. Нормальные есть. Спят у своих жен под боком. И зарплату всю до копейки приносят, и проституток в дом не приводят, и учениц в учебной машине не соблазняют. Есть такие мужики, уверена, есть. Вот только, разобрали их давно. По самой молодости, видимо.

Встревоженный голос на том конце провода врывал из царства Морфея:

— Тимур разбился.

Вскочила с кровати. Резко слишком. Голова закружилась.

— Живой? — уже читала про себя молитву «Отче наш».

— Не знаю, забрали в реанимацию в тяжелом состоянии.

Я медленно сползла по стенке...

Четыре часа утра. Город спал беспробудным сном. В окнах жилых домов кое-где горел свет. Светофоры на перекрёстках мигали желтым цветом. Пустые улицы.

Я торопила таксиста, повторяя одно и тоже: "Пожалуйста, быстрее". Седоволосый шофер вжимал педаль газа в пол и топил, что есть мочи. Секунды казались минутами, а минуты — часами. Никогда раньше мне не хотелось ускорить время, как сегодня, сейчас. Мысли съедали всю изнутри. Что только не передумала, что только не проиграла в голове. Тщетно. Одна и та же затертая пластинка крутилась по неизвестно какому кругу.

Первая городская больница. Отворила нараспашку деревянную дверь, ускорила шаг. Бежать, куда? Нашла заспанного охранника на проходной. С трудом объяснилась, пытаюсь унять дрожь в голосе. А дальше ноги понесли невесть куда. Третий этаж, правое крыло, поворот налево, кажется. Уже собиралась вернуться обратно, на проходную, но кто-то коснулся плеча. Вздрогнула от неожиданности. В мужском силуэте узнала Ваньку, бросилась в его объятия. Слезы задушили. В горле что-то застряло. Поток соленых капелек хлынул из глаз. Не сдержалась.

И когда прошла обида? А разочарование? Кажется, их и не было никогда. Забыла. Наплевала на всё, лишь бы он выжил, лишь бы снова улыбался и называл "моя слабость".

— Леська, всё будет хорошо, — братец прижимал к своей груди и монотонно повторял одно и тоже.

— Как это произошло? — решила взглянуть на Ваньку. Он отвел взгляд в сторону, чертыхнулся себе под нос три раза к ряду, и лишь потом осмелился посмотреть на меня.

— Лесь, да он же за тобой помчался, как только ты из квартиры убежала. Я его остановить хотел, так он мне в табло зарядил, наорал ещё, что баб к нему в дом притащил. За руль сел. Выскочил на встречу, видимо, на обгон пошёл, а дальше не справился с управлением. Решил уйти от лобового столкновения и врезался в остановку автобусную. Машину разбил в хлам. Всё, нет больше у Тимура Land Rover, — ещё громче стали мои всхлипывания, когда братец поведал подробности аварии.

Я совсем перестала сдерживать эмоции. Зарылась лицом на мужском плече и рыдала до тех пор, пока не промочила насквозь трикотажный гольф. Хаяла саму себя за все, что сделала и не должна была делать. Убежала от него. Совсем головой думать не хотела. Он же пьяный в стельку был, да к тому же так ярко оправдывался. Доказать хотел, а я и слушать не стала — гордость выиграла. Не оценила ситуацию, не предвидела дальнейший ход событий.

— Ну всё, Алеська, перестань. Живой и это главное. Ты лучше замуж за него выходи, когда он выздоровеет. Видишь, как тебя мужик любит. На руках носить будет, будешь за ним, как за стеной каменной. Хочешь ванну из шампанского, хочешь шубу из норки, хочешь звёзды с неба достанет. Все сделает, что не попросишь, — говорил брат, а я только кивала головой на все его доводы.

Внутренний голос добавлял драматизма. Всё давил и давил изнутри. Слушала. Не осмелилась спорить. Если бы только время повернуть вспять. Если бы заново прожить этот день. Не убежала. Осталась. Прогнала бы к лесной бабушке всю эту шайку и зарылась лицом на его груди. Долго-долго лежала бы в тишине и слушала его тихое сопение под боком, а утром встала пораньше, приготовила бы кофе по-восточному в турке, как он любит, и с

нежностью смотрела, как он с аппетитом поедает только что приготовленные блинчики.

— Ну-ну, Лесь, — шептал голос Ваньки, такой родной.

Я будто в детство вернулась, когда братец сдувал с лица слёзы. Смеялась тогда громко, прямо захлеб. Да, разве, можно сдуть слёзы?

Невозможно прожить жизнь заново. Нельзя повторить дубль, как в кино. Машины времени не существует. Это суровая реальность, такая, как есть.

Чьи-то еле уловимые шаги послышались за спиной. Не обернулась. Продолжила прижиматься к родному человеку и тихо всхлипывать на его плече. Дыхание. Тяжелое и сбитое. Его слышала сразу. Что-то кольнуло в сердце. Какой-то протяжный импульс пронесся с головы до пят, затрагивая каждую живую клетку. А затем его низкий голос. Замерла! На месте застыла просто. Заморгала быстро-быстро, боясь обернуться. Только голову осмелилась поднять и посмотреть на братца. Всё прочитала. Каждую эмоцию распознала.

— Рано со счетов меня списали, — ухмыльнулся Тим. Ощутила ухмылку по голосу.

Круто развернулась, оказываясь к нему лицом. Ноги ватными стали. Шаг вперёд сделала и едва лужицей не растеклась на кафельной плитке. Ванька удержал. В считанные секунды подхватил обмякшее тело. Долго смотрела на израненные черты лица. Разбитые губы, глубокий порез вдоль всей левой щеки, заплывший глаз, будто пчелы покусали на пасеке. Он с трудом стоял на ногах. Одной рукой опирался на стену, а другой — обхватил меня чуть выше талии.

Гримаса боли исказила его лицо, когда я прижалась к телу. Встрепенулась, отстранилась, боясь причинить новую волну боли. Хотела отойти, но он за руку схватил. Не разрешил отдалиться.

— Волновалась? — я только головой кивнула несколько раз, а затем будто с цепи сорвалась. На цыпочки поднялась, шее руками обхватила его лицо и принялась покрывать легкими поцелуями уцелевшие участки кожи.

— Я не сплю, Тимур? Точно, не сплю? — шептала, а может, лишь в голове задавала вопрос. Но он всё понял. Легко ущипнул меня за руку. Сразу же очнулась, а затем плотину прорвало, не иначе.

На брата набросилась. Кулаками хаотично махала, ударить хотела. Да не позволил. Будто клещами схватил, руки за спину завёл. Обезоружил просто. Черный пояс по Джиуджитсу, о чём разговор?

— Придурок! Ты же говорил, в реанимации он, в тяжёлом состоянии. Что за шутки, а? — с упрёками набросилась, раз кулаки не смогли попасть в цель.

— Что ты ей наплел? — за спиной его голос раздался. Он широко улыбался, наблюдая за нами со стороны.

— Ничего особенного. Ты рано вышел. Ещё бы минут десять и была бы Леська без пяти минут, как Вольская. Весь гольф своим ручьями промочила. Рыдала тут на плече, — мужчины переглянулись между собой, а мне только оставалось читать по глазам. Тщетно. Ни единого знака не распознала.

— Иди ко мне, малыш, — дышать легче стало, когда Ванька клещи свои убрал. Запястья потеряла. Кожа неприятно саднила. Видимо, силу не рассчитал, пальцами хорошо пропечатался по нежной коже.

Окинула взглядом фигуру Тима. Жалко его стало. В сердце снова закололо, будто

совесть иглами каждую клетку проткнула. Внутренний голос спутал мысли. Радоваться нужно, что жив, что стоит сейчас передо мной и улыбается, объятья раскрывает, да я всё не решаюсь. Совестно, боязно и обидно. Три эмоции в одном флаконе. Братец ещё углей в печь подкинул. Напугал, что в тяжёлом состоянии в реанимации. Испугалась. Все слёзы выплакала.

— Не бросай меня, пожалуйста, — разбитые губы коснулись виска, кожу опалило горячим дыханием. Я не ответила, а лишь крепче прижалась к мужской груди. Тим заметно скривился, едва не вздрагивая от моих касаний. Отстранилась, но далеко уйти не дал он.

— Тебе больно? — голос дрожал, да я и не пыталась говорить ровно. Все равно, что со мной, лишь бы пережить этот эпизод.

— Пару ребер сломал, а так все нормально. Лесь, поехали домой, ко мне? Я не могу без тебя, — признание сорвалось с губ, а я прижала ладонь к его рту — нет, больше ни слова.

Слишком много сил забирал пустой разговор. Не нужно ничего объяснять. Все видела и понимала. С катушек слетел Вольский. Заклинило его конкретно. С такими темпами вся эта любовь могла перейти в маниакальный синдром. *А дальше что?*

Послушалась. Внутреннего голоса послушалась. Позволила Ваньке вызвать такси и усадить нас с Тимуром в машину. Всю дорогу молчали. Веки слипались. Бесполезно бороться со сном, когда организм истощен и жаждет отдыха. Заснула на его плече. Так хорошо было, спокойно. И даже касание его подбородка к макушке не вызывало раздражений. Куклой тряпичной стала. Обмякла в теплом салоне автомобиля.

Оказавшись в квартире Тимура, вызвалась помочь. Сняла порванную футболку, отшвырнула в сторону. Пыталась отвести взгляд от тугого корсета, что фиксировал поломанные рёбра. Тим рукой потянулся. Привлёк к себе. Нежно поцеловал. Вздрогнула, заметив очередную гримасу боли на его лице. Но он не позволил уйти, снова прижал к себе, точно мазохист. Пусть будет больно, но лишь бы рядом со мной. Лишь бы слышать моё дыхание и ощущать тепло кожи на теле.

Странная штука любовь. Она поработила Тимура. Одержимым стал, зависимым. Боялся отпустить. Всё время спрашивал, не уйду ли я. Но я не ушла. Так и заснула рядом с ним, когда первые лучи рассвета, пробившись сквозь занавесках на окнах. Мир замер на короткий миг.

На работу не пошла. Позвонила в отдел персонала, попросила отгулы на три дня. Домой хотела вернуться, чтобы вещи кое-какие сложить на первое время. Но не вернулась. Тимур не отпустил. Лежал на постели, будто маленький капризный мальчик с температурой, и всё время требовал заботы и внимания.

К вечеру у Вольского действительно поднялась температура. Горел весь. Только ко лбу тыльной стороной ладони прикоснулась, как кожу обдало жаром. Испарина на теле появилась. Позвонила в скорую. Ответили, что нет свободной бригады. Посоветовали холодный душ и таблетки.

Заставила Тимура принять душ. Да только он за собой потащил, прямо под струю холодной воды. Окаатило, будто с ведра. Тим обнял за плечи, прижав к себе. Сердце учащенно забилося, дыхание затруднилось. Мысли из головы улетучились. Всё стало неважным.

— Лесья, любимая девочка. Никогда не бросай меня. Сдохну без тебя, как собака беспризорная, — он целовал мои веки, скулы, пока я звучно стучала зубами от холода. Головой кивнула. На все, что угодно согласна была, лишь бы он поправился, на ноги

поднялся.

В полотенце закутались. Сидела на кровати и смотрела, как он промокает влагу с тела. Дух перехватило. В глазах защипало. Слезы сдержала. *Это было началом пути. Его пути, который выбрал Вольский.* Упрямый. Не отступится. Жизни не даст. Поперек дороги встанет. Не успокоится, пока своей не сделает, пока кольцо на палец не оденет.

— Тимур, я в аптеку схожу. Лекарства нужно купить, — принялась одеваться. Уже успела джинсы натянуть, да волосы в хвост завязать. Руки в воздухе зависли, когда он рядом оказался.

Склонился надо мной. За плечи обнял. Взгляд на грудь опустил. Замер. А затем:

— Ты очень красивая. Природа, как опытный скульптор, наградила тебя без изъянов. Голову мне кружишь, разум забираешь. Боюсь тебя потерять. Боюсь, что уйдешь к другому. Целый год ждал, когда ты оклемаешься от романа. Не хотел в жизни твоей появляться, пока в сердце был другой. С братом твоим специально познакомился, подружился, чтобы к тебе быть ближе. Виду не показывал, что знаю его сестру. А тут на пешеходном переходе ты появилась. Ванька опередил меня, решив свахой поработать. Ты, как только в машину мою села, так я сразу всё решил. Моей будешь. А потом твой бывший цветы подарил. Разозлился очень. Хотел ему ноги сломать, да ты дорогой веник в мусорный бак выбросила. Умница. Хотел впечатлить тебя. Целый цветочный киоск купил. Не понравилось. Все ждал, торопиться боялся, хотя руки так и тянулись к запретным местам. Сдерживался. Оказалось, зря. Инструктор на горизонте показался. Думал, сначала у вас взаимная неприязнь, расслабился даже. А дальше, сама знаешь, и я знаю. Домой поэтому к тебе приехал. Хотел в глаза твои посмотреть. Не призналась, побоялась сказать. Решил все держать под контролем. Правду тебе открыл, в чувствах признался. Замуж позвал. Я же не отстану, Лесь, понимаешь? Ты мне душу измотала за целый год. *Больше нет обратной дороги.* Моей будешь по любому раскладу. Не захочешь быть женой, так любовницей будь. Просто рядом. Где я, там и ты. Только играть со мной не вздумай. Последствия печальными будут.

Дар речи потеряла. В глаза его карие посмотрела и на месте застыла. Зрачки в точки коричневые превратились. Обезумел просто! За плечи меня тряс и вытянуть хоть одно слово пытался. Молчала. По спине холодок прошёлся. Струна надорвалась. Взвизг, как раненой волчице, захотелось. Не знала куда себя деть.

— Лесь, Лесь. Девочка, — шептали его губы, опалая жарким дыханием.

— Я в аптеку, — только и смогла ответить.

Резко рванула в сторону. Надела кофту через голову. В коридор выбежала. Он следом пошёл. За руку схватил. Остановилась, боясь воспротивиться.

— Ты точно в аптеку? — недоверчиво посмотрел. В ответ кивнула головой. Отпустил.

Спускалась по ступенькам, не оглядываясь. Не бежал за мной, нет. Он в голове сидел и каждую фразу заново проговаривал. Сумасшедший. Таких ещё не встречала раньше.

На улицу вышла и вздохнула кислород полной грудью. Голова закружилась, колени подогнулись. На лавочку присела. За виски пальцами схватилась. Тщетно. Мысли не уходили. Не хотели сбавлять обороты.

К аптеке дошла на ватных ногах. Лекарства купила. Фармацевт долго и изучающее смотрела, будто в душу заглянуть пыталась. Отвернулась и уже даже сдачу взяла, как пошатнулась. Едва не упала. Пожилой мужчина вовремя за талию приобнял да на стул усадил. Неравнодушные люди в чувство привести пытались. Фармацевт давление померял. Упало. Девяносто на семьдесят. Таблетку какую-то в рот запихнули, стакан воды дали.

Посидела на стуле ещё несколько минут, а затем покинула аптеку.

Ненамного успела отойти, как встретилась лицом к лицу с ним. Сердце в пятки ушло и затаилось там, боясь биться. Серые холодные глаза пронзительно смотрели, выворачивая всё внутри наизнанку. Оказалась не готовой к встрече. Не ожидала.

— Привет, — протянул он нерешительно, а я и вовсе молчала.

Просто стояли друг напротив друга и молчали. Окаменели все эмоции. Даже мускул на лице не дрогнул, когда он коснулся плеча. Круги перед глазами появились. Разной формы и цветов кружили перед глазами, будто бабочки на широком поле. Ноги пошатнулись. Не удержалась. Рухнула прямо на землю, к его ногам.

Пелена окутала всё сознание...

Иногда реальность походит на бред, а фантазии принимаются за действительность. Трудно понять, найти четкую грань, отделяющую блеф от истины. Так было со мной. Всё происходило, будто не здесь и не сейчас. И даже его горячее дыхание, опаляющее кожу, и даже крепкие руки, обнимающие обмякшее тело, — всё казалось таким далёким и нереальным.

— Здравствуй, грабли, — промямлила я, когда первым, кого увидела перед собой, был не на шутку перепуганный Ариевский.

— Лисёнок, сколько пальцев? — мужчина продемонстрировал раскрытую ладонь, и я утвердительно ответила "пять". Он едва улыбнулся и, кажется, что-то одобрительно произнёс, но странный гул в голове отодвинул всё на второй план.

Не воспротивилась, когда его заботливые руки оторвали хрупкое тело от земли. Сразу стало так легко и комфортно, отчего зарылась лицом на мужском плече. *Если это сон, то, пожалуйста, не дайте мне проснуться!*

В его машине было намного теплее, чем на улице. И кресло оказалось гораздо удобнее, чем асфальт, запорошенный снегом. А запах... Кофе с корицей, так и хотелось его вдыхать и вдыхать. Странно, во сне точно чувствуют запахи?

Несколько раз к ряду махнула рукой перед собой, но он не исчез. Продолжал сидеть на водительском кресле и смотреть на меня встревоженным взглядом. Даже ущипнула для убедительности, но он не хотел исчезать, совсем походил на реального.

— Себя щипай, — широко улыбнулся, забирая мою руку и прижимая к груди в области сердца. Затем улыбка померкла. Сдвинул брови на переносице в одну линию. Нахмурился. — Ты почему в обморок упала, когда меня увидела?

Хриплые ноты отозвались протяжным импульсом где-то внутри. Подняла взгляд на его серые глаза, которые нынче походили на блестящий металл. Красивые. Глаза красивые, миндалевидной формы. Чёрные, густые ресницы обрамляют веки.

Он быстро-быстро моргал, смотря перед собой, а я улыбалась, будто пациентка с известной палаты номер шесть.

— Соболева, что с тобой? — помахал рукой прямо перед моим лицом, словно отгоня назойливых насекомых. — Может, ты головой ударилась, когда улеглась у моих ног?

— Я не знаю, Ти-мур, — произнесла его имя по слогам, поскольку речевой аппарат воспротивился подчиниться разуму.

— Так, всё. Поехали в больницу!

Ариевский вставил ключ зажигания, запустил мотор, выжал сцепление, включил первую передачу, опустил стояночный тормоз, при этом сделал всё настолько быстро, будто гонщик с приличным стажем. Усмехнулась своим наблюдениям. Ну, конечно, же, автоинструктор. У него все движения отточены до автоматизма просто.

— Мне нужно вернуться домой, — удивительно, но речь возобновилась, стоило только вспомнить о Вольском, из-за которого, в принципе, и вышла на улицу, а затем встретила его.

— Вернемся, но сначала покажем тебя медикам, — мужской голос звучал слишком утвердительно и даже спорить не стоило в этот момент, но мой внутренний голос умел убеждать в совершенно обратном.

— Ты не понимаешь. Тиму плохо, у него поднялась температура и я должна ему помочь. Я за лекарствами в аптеку ходила. Вот, — потянулась к сумочке. Достала маленький пакетик с логотипом аптеки и едва под нос Ариевскому не сунула.

— О себе подумай, мать Тереза. Ты как по улице ходить собралась? Уверена, что больше в обморок не упадешь? — не нашлась, что ответить. Безусловно, он был прав, но вот внутренний голос не собирался соглашаться до последнего.

— Хорошо, я обращусь в больницу, но только Тиму лекарства отдам.

Ариевский не планировал менять своего решения. Это я сразу поняла по строгому взгляду, брошенному ненароком. За одну секунду на лице отразились сразу несколько эмоций. Раздражение, тревога и забота.

Вжалась всем телом в сиденье и принялась молчать. *Может, действительно головой ударилась, когда лужицей растеклась у его ног, и мне вообще всё это сейчас снилось?*

За окном бушевала непогода. Ветер колыхал голые ветки деревьев. Белый серпантин срывался с неба, устилая все вокруг ажурным пледом. Снегопад. Я куталась в куртку, звучно стуча зубами от холода. Тимур время от времени кидал в мою сторону беглый взгляд, а затем снова смотрел на дорогу. Лишь звук шуршащих резиновых покрышек нарушал тишину, царившую в салоне автомобиля. Даже не слышалось дыхания, а, возможно, всему виной был странный гул в голове, который я принимала за шелест колес. С этим мой внутренний голос не намеревался вступать в словесный батл.

По стечению обстоятельств оказались всё в той же первой городской больнице. Со вчерашнего дня, конечно же, здесь ничего не изменилось, разве только вахтер выглядел по-другому.

Тяжелые шаги за дверью всё время отвлекали, пока медики проводили осмотр. Один врач сменял другого и каждый без особого пристрастия продолжал задавать практически одни и те же вопросы. Широкая улыбка озарила мое лицо, когда медсестра, не выдержав раздражающих под дверью шагов, вышла из кабинета, чтобы сделать замечание Ариевскому. На удивление, но это помогло, правда ненадолго. Спустя полчаса медики пришли к единому консенсусу. Госпитализация в неврологическое отделение для дальнейшей диагностики и лечения. К этому я точно оказалась не готовой. Даже со стула заметно сползла, едва не рухнув на пол.

Тем временем, медсестра позвала Тимура и принялась что-то объяснить. Ариевский внимательно слушал и лишь иногда поглядывал в мою сторону. В их разговор я особо не вникала, кажется, от меня этого и не требовалось. Его рука приобняла за плечо, когда у меня в очередной раз подогнулись колени. Ухмыльнулась. Заботливый оказался. Переживал искренне. На ежа ершистого похож стал. Весь всклокоченный такой.

— Можно, тебя кое о чем попросить? — меньше всего хотелось о чём-либо просить Ариевского, но это, похоже, был единственный вариант.

— Проси, — отозвался низкий голос с хрипотцой.

— Отвези, пожалуйста, лекарства по адресу, который я тебе укажу. У меня телефона с собой нет, а Тим один дома остался, волноваться будет очень, — вложила в интонацию мягкость, да не помогло только.

Боевую стойку занял, не иначе. Напыжился весь. Взглядом все дыры прожег на моём лице, разве только искры из глаз не посыпались.

— Соболева, ты совсем обнаглела? — за руку схватил чуть выше локтя. Склонился

низко, упираясь подбородком прямо над моим ухом. — Я не мальчик тебе на побегушках и не отец твой. Какого дьявола я должен к твоему... мажору ехать?

Не ожидала. Такой прямолинейности точно не предполагала услышать. Он был прав, безусловно. На кой ему сдалось по городу мотаться, чтобы мне жизнь облегчить, да не мне даже, а Вольскому.

— Извини, ты прав, — голос дрогнул, слёзы проглотила. Глубоко вздохнула, пытаюсь в чувства себя привести. — Ты и так слишком много для меня сделал, спасибо.

Остановилось. Сердце, будто остановилась. Струны внутри натянулись, когда он за талию обнял. Дыхание кожу опалило. Снова язык проглотила. Похоже, вовремя в больницу обратились, поскольку без помощи медиков я точно с катушек слетела бы, однозначно.

— Лисёнок, я за тебя переживаю, — по спине гладить стал. Лбом к лбу прижался и так хорошо стало, спокойно. — Боюсь из виду тебя потерять на минуту даже. Ты совсем слабенькой стала. Похудела. В себе закрылась, слёзы глотаешь. Не такой ты была в последнюю нашу встречу. А всего неделя прошла, не больше. Мне к твоему мажору не то, чтобы ехать не хочется, мне о его существовании даже думать противно.

Ухмыльнулась. Взаимные чувства у двух Тимуров. Интересно, знают ли об этом?

— Я понимаю. Всё понимаю. Ладно, не нужно ехать. Телефон, хотя бы, дай. Я маме позвоню. Скажу, что в больнице, а там она с братом свяжется и, — договорить не дал. Палец к губам приложил. Замолчать пришлось.

Телефон из кармана всё-таки достал. В руки сунул. Номер по памяти набрала. Мама взволновалась очень. Вопросами закидала. Тимур трубку отобрал. Дальше сам разговор продолжил, а мне оставалось только наблюдать со стороны. Залюбовалась им. Взрослый такой, на девять лет меня старше, а перед мамой моей совсем растерялся, будто мальчишка просто.

— Всё хорошо. Мама скоро приедет. Вещи твои привезёт. — Приобнял, а затем в макушку поцеловал, совсем как отец когда-то. — Всё будет хорошо.

Поверила. Не знаю почему, но ему поверила и совсем о граблях родных забыла. Даже тему не стала поднимать о его семейном положении. Да и зачем? Он рядом. Пусть ненадолго, пусть на короткий миг, но рядом. Слышать его голос, чувствовать дыхание на коже, видеть тревогу на его лице. О большем и думать не смела. Всё неважным таким стало. Всё на второй план отошло, а, возможно, и куда дальше.

В палате оказалась. В платной. Одна кровать, умывальник, санузел, телевизор и холодильник. Курорт просто, а не больница. В сердце надежда зародилась. Возможно, он останется здесь, со мной и тогда бы... Головой махнула несколько раз к ряду, пытаюсь прогнать фантазии. Нельзя думать о будущем, которого нет. *Не смей, Соболева, придумывать мультики!* О здоровье нужно волноваться да пытаться выздороветь, а не в желе превращаться при виде Ариевского. Вот только, как это сделать, когда он так смотрит, будто глазами раздевает? А тут ещё и сердце вскачь пустилось, галопом почти скачет, а не бьётся.

На кровать уложил. Рядом на край сел. Руку в свою взял и к губам поднес. Веки отяжелели. Спать захотелось. За последние несколько дней со сном совсем туго было, поэтому и в царство Морфея провалилась.

Сколько проспала? Не знаю. Глаза открыла и перед собой его увидела. Рядом сидел, всё на том же краю кровати. Встревоженно смотрел, будто я исчезнуть могла. Улыбнулся. В глазах блеск отразился, а на лице — подобие радости.

— Я сказал бы, с добрым утром, но уже давно не утро. Как ты себя чувствуешь? Я поесть

принёс, так что бегом ужинать, — тон строгий, но без злобы.

— Не хочу, — отрицательно головой только успела кивнуть, как его руки взяли мое тело в плен.

— Соболева, я тебе сейчас дам "Не хочу"! Марш за стол. Худенькая совсем стала. Ветром скоро сдувать начнёт, гири с собой носить придётся, — ухмыльнулась его заботе.

Печется да выговаривает, как родитель просто. Интересно, он со своей дочерью тоже так общается? В сердце тоска защемила. Ну, зачем о дочери его вспомнила? Мазохистка, что ли?

Есть все же пришлось. Под строгим контролем Ариевского. Все подсовывал под руки. «Это попробуй, то попробуй», — совсем продохнуть не давал. Полный рот набила, жевать едва успевала, а он одобрительно головой кивал и все приговаривал «Еще чуть-чуть».

— За маму, за папу, — точно в родителя превратился. Ложку отобрал и кормить принялся. Уворачивалась, как могла. Тщетно.

— У меня нет папы, — воспротивилась в очередной раз. Наелась совсем, да только Тимур иначе считал.

— Тогда давай за меня, а, лисенок? Еще одну ложечку, пожалуйста, — поддалась на уговоры. Съела еще одну ложку.

— Умница, — только сказать успел, как дверь нараспашку открылась.

Сердце в пятки ушло. Недвусмысленная картина предстала Вольскому на обзор. Я сидела на коленях у Тимура, будто ребенок малый, и позволяла себя кормить. Волчий оскал на лице Вольского отразился печальной струной где-то внутри. Сильнее прижалась к Ариевскому. Внутренний голос только пикнуть успел и, кажется, под стол спрятался, предательски забившись в угол.

Вслед за Тимом вошли братец и мама. Мама прятала взгляд куда-то в пол, в то время, как я, откровенно смотрела ей прямо в глаза. Ну, разве так можно? Разве можно дочери своей свинью подсунуть? Зачем Тиму все рассказала, если знала, что я не одна в больнице? Для чего всю эту интригу затеяла? Мужчины же не из металла сделаны. Фейс друг другу начистят, а всё из-за кого?

Вольского немного качнуло, когда он с порога два резких шага сделал. К стене прижался, схватившись за бок. На лице гримаса боли застыла. Я в тот час на коленях Ариевского подскочила. В считанные секунды возле Тима оказалась. За руку его взяла, испугавшись очень. Железные тиски сковали пальцы. Вольский презрительный взгляд бросил куда-то за мою спину.

— Не нужно, Тим, — опередила его. Нежным голосом протянула, намереваясь гнев смягчить.

— Выйдете все. — Рывкнул Вольский, окидывая взглядом всех присутствующих, а затем к Ариевскому обратился, — ты остаешься.

Ванька и слова сказать не успел, как мама за руку схватила. Почти вытолкала его из палаты. Наедине остались. Ариевский продолжал сидеть на стуле, слегка выпятив вперед грудь. Возможно, в другой жизни меня бы позабавило, как мужики приосаниваются друг перед другом. Но я по-прежнему не верила эзотерике, а потому и боязно стало.

Возле Вольского всё время стояла. Волновалась, что он с поломанными ребрами в драку надумает полезть. Сам же говорил, что ребра сломает Ариевскому, если тот посмеет сунуться ко мне, а так получилось, что у самого ребра в тугом корсете, причём по его собственной глупости, не иначе.

— Тим, не надо, — руки на грудь положила, когда Вольский намерился приблизиться к нему, моему бывшему кошмару.

— Малыш, не вмешивайся. У нас с тобой будет отдельный разговор, — меня тактично отодвинули в сторону, будто небольшую тумбочку.

Я только моргнула, как Тим к Ариевскому подошёл и сел за один стол. Мужчин разделял какой-то метр, а, может быть, и того меньше. Напряженная обстановка царила в комнате. Я слышала тяжелое дыхание каждого из них.

Воспоминания в подкорку ворвались. Лет десять назад я проходила подобное, когда два одноклассника пытались одновременно ухаживать за одной белобрысой девочкой. Подрались тогда сильно, даже к директору школы вызывали, причем всю троицу. Так стыдно мне никогда не было. Удивительно, время идёт, но ничего не меняется. Мужики по-прежнему не могут поделить своих игрушек. Только игрушкой быть совсем не хотелось. Не о таком я мечтала, когда книги о большой любви взапой читала, будучи юной девицей.

— Слушай, инструктор. Я много говорить не буду. Просто предупрежу. Один, мать его, раз! Отвали от Леси. Исчезни с нашего горизонта, иначе, — я дрогнула от высоких нот в голосе. Всем телом в стену вжалась, боясь пошевелиться.

— Что? Что "иначе"? — оскалился Ариевский. Его голос был привычным, вот только звучал как-то странно, что ли. Будто кусок здорового металла лязгал о бетонный пол.

— Ты, врое, мужик не глупый, но похоже, решил в героя-любовника поиграть. Так вот.

Не с той играешь, инструктор. Я любому почки отобью за неё. Понимаешь, о чём говорю?

Вольский угрожающе приблизился к Тимуру, да только последний и бровью не повёл. Казалось, что пылкая речь Тима его вообще никаким боком не задела. От того он и ухмылялся криво, на одну сторону.

— Тебе бы повзрослеть не мешало, молодой человек. Времена царской империи и крепостного права давно остались в прошлом, или твои мажорские принципы не считаются с мнением других людей? Ты у Леси спрашивал, хочет ли она, чтобы я исчез? — Одновременно мужчины обернулись в мою сторону, а я точно с линолеумом сравнялась. По стеночке, сантиметр за сантиметром, сползать стала.

Две пары глаз уставились на меня. Холодный пот покрыл всю спину. *Добегалась, девка!*

— Лесь, выйди! — первым заговорил Вольский. Взглядом пронзительным окинул, будто гвоздем к той самой стене прибил.

Ощутила себя героиней из стихотворения Марины Цветаевой:

*"Пригвождена к позорному столбу
Славянской совести старинной,
С змеею в сердце и с клеймом на лбу,
Я утверждаю, что — невинна".*

Очнулась, когда Вольский повторил свою просьбу, которую Ариевский не стал оспаривать. Хоть в чём-то они достигли единогласия, не считая того, чья же всё-таки игрушка Соболева Алесь.

На подкашивающихся ногах вышла из палаты. К двери прижалась. Подслушивать нехорошо, но как по-другому узнать, что они там не убивают друг друга?

— Лесь, доченька, — протянула мама, касаясь моего плеча. В ответ я только шикнуть успела, как за дверью послышался громкий стук, будто кулак в дерево припечатали, а, может, и не только кулак.

Задержалась. В палату ворваться захотелось да прогнать их двоих к лесной бабушке. Чего придумали мужики: мою персону делить пытаются, а я, разве, скатерть-самобранка, которую можно с собой таскать и по случаю друга угостить?

Мама на арену вышла. Телом своим дорогу преградила. "Не пущу", — говорит. Я даже за дверную ручку схватиться не успела. Соболева старшая оборону принялась держать.

— Мам, пусти. Они же подерутся сейчас, — оскалилась, будто волчица молодая, только маму совсем не проняло. Не дрогнула ни единая мышца на лице.

— Алесь, не лезь к ним. Сдурела совсем? — голос высокие ноты набрал. Разозлилась на меня очень, хотя злиться должна была я. Это по её милости два Тимура лоб в лоб столкнулись.

— Я не сдурела, а вот вы все, похоже, точно дурь себе в голову вбили, — взглядом окинула брата и маму. Головой укоризненно покачала. Думала, к совести призвать, но, видимо, не знакомо это чувство моим родственникам. — Почему стоите под дверью и не вмешиваетесь?

Ванька подошел. За плечи приобнял, отвлекая внимание. Через мужское плечо на маму посмотрела. Язык, будто ядом пропитался. Выскаться захотелось и упреков насыпать по самое "Не хочу".

— Алеська, не переживай. Тебе ни к чему сейчас волнения. Мужики они взрослые.

Сами разберутся. Я, конечно же, как брат всегда на твоей стороне буду, но только неправильно всё это, понимаешь? — шаг в сторону сделала.

От Ваньки отошла. Недоверчиво посмотрела на высокого шатена:

— Я понимаю, как раз. Вот только, что мне с этим делать, а, Вань? Не люблю я друга твоего и не хочу ему голову морочить. Но только он иначе считает. Проходу мне не даёт, границы стереть пытается. Вот, что с этим делать?

Братец заметно поежился, не ожидая такого ответа. Наверняка считал, что у нас с Вольским взаимные чувства, а инструктор, типа, третьего лишнего. Но в реальности совсем по-другому было. Лишней была только я, похоже. *Тим любил меня, а Тимур — себя в моей любви.* Идиллия прям.

Диалог не продолжился. За дверью громкий стук раздался, будто кто-то на пол упал. Испугалась сильно. К двери подбежала и за ручку дернула. Мама в сторону отскочила, словно теннисный мячик от ракетки отбился.

— Отпусти его, — на спину мужскую набросилась. За плечи схватила, впиваясь ногтями в кожу.

— Не лезь, — крикнул Ванька за моей спиной, и в тот час сгреб мое тело в охапку. Царапать начала. Пыталась ногой стукнуть, куда придется. Не получилось. В сторону оттолкнул, а там уже к маме в руки перешла, будто на лавку запасных посадили после получения красной карточки.

Оставалось только наблюдать и ждать. Ждать, когда братец Ариевского стащит с Вольского. Минуты часами показались. Ванька только сумел подойти к мужикам, которые на полу валялись, как сразу локтем по коленной чашечке прилетело. Выругался вслух, а затем, словно с цепи сорвался. Разозлили Ваньку, что не к добру было, однозначно. Он же в армии по контракту служил, много чего повидал. Схватил Ариевского да с Вольского стащил. Тимур попробовал сопротивление оказать, но тщетно. Ванька оборонительную позицию занял, за друга вступившись.

Я из рук маминых вырвалась. Сломая голову к Ариевскому бросилась:

— У него же рёбра сломаны. Ты убить его решил? — всё кричала и кричала, пытаюсь кулаками размахивать перед лицом. Но Тимур, будто не слышал ничего. За запястья меня схватил, а сам продолжал искры бросать в сторону Вольского.

— Уходи, Тимур! — крикнула я, испугавшись высоких нот в собственном голосе.

Ариевского, словно ведром холодной воды окатили. Взгляд на моё лицо обратил. Всю злость прочитала. Дыхание, будто ядом обожгло. Всё успокоиться не мог.

— Да пошли вы все, — выругался Тимур, освобождая мои руки. К выходу направился, а затем ненадолго остановился, — Леся, мой тебе совет: беги от него, подальше и побыстрее.

Дверь хлопнула, едва с петель не соскочив. В комнате тишина пугающая образовалась, лишь ритмичные звуки сердец разбавляли молчание. Три пары глаз уставились на меня. Мама с Ванькой смотрели с каким-то осуждением во взгляде, а Тим, кажется, с неким облегчением.

Ко мне первой вернулся дар речи. Руки в боки расставила, напыжилась вся.

— Что вы все уставились на меня, как на икону? Осуждаете, да? На здоровье. Это моя

жизнь, понятно вам всем? Мама, от тебя я вообще не ожидала подобного. Ты за дочь горой должна стоять, а по факту — Тимура в больницу притащила. Для чего спрашивается? А ты, Вольский, точно дурак, как и говорил! Просто мастер по косякам. Зачем в драку полез, когда на ногах едва стоишь?

Троица молчаливо потупила взор в пол. Мама даже говорить не пыталась, не то, чтобы оправдываться. Ванька вообще партизаном оказался. Плечами виновато пожал, а затем маму за руку взял, намереваясь поскорее покинуть палату. Мы с Вольским наедине остались. Говорить с ним не было желания. Разозлилась очень на его выходку, а это уже дважды за два дня.

Тим, будто почувствовав мое раздражение, побоялся подойти. Молча поднял с пола стул, уселся на него, а затем достал из кармана брюк носовой платок, принялся вытирать с разбитого лица кровь. Наблюдать за столь печальной картиной было выше сил. Я, как и говорил Ариевский, долбаная мать Тереза, ринулась к Вольскому. Отобрала носовой платок, смочила его водой и лишь тогда стала промокать разбитые губы, нос. Тим время от времени кривился, но звука не произносил. Я же, в свою очередь, старалась, как можно меньше прикасаться к коже, чтобы не причинять боль.

— Лесь, давай поговорим, — осмелился произнести Тим, убирая с лица мою руку. Я вскинула брови вверх в удивлении. О чём говорить? Всё и так ясно, как дважды два.

— Ты подумала о моем предложении? Если тебе нужно больше времени, то я готов ждать, сколько ты скажешь. Будь моей, — его руки потянулись к моей талии.

Не спрашивая разрешения, Вольский обхватил крепким кольцом, усаживая меня на колени. Я попыталась встать, но безрезультатно. Тим превосходил меня по физической силе в своём любом состоянии.

— Подумала, — сделала несколько глубоких вдохов для большей храбрости и продолжила, — ничего не получится. Я не хочу. Ты хороший парень, но не получается, Тимур. Совсем у нас с тобой не получается, понимаешь?

— Хороший парень — это не профессия, Лесь. Это из-за него ты не хочешь быть со мной?

Встрепенулась. Вскочила с колен и отошла в сторону. Руками себя за плечи обняла, будто защищаясь от всего мира. В сердце печальная струна отозвалась. Смотреть на него и понимать, что сейчас я собственными словами разбиваю сердце — трусливо очень. Я, будто палач на смертном одре.

— Нет, Тим. Проблема не в том, что я люблю другого, проблема в том, что тебя никогда не смогу полюбить.

Обследование заняло несколько дней. Не найдя ничего серьезного, медики решили отпустить меня домой на амбулаторное лечение. Артериальная гипотония — не приговор и её вполне можно вылечить, как сказали врачи в неврологическом отделении. Причиной обморока был низкий скачок давления и, как оказалось, довольно частое явление при таком заболевании. Плюс ещё стрессы добавили ложку дегтя.

В день выписки приехал братец. Он как-то по-особенному смотрел на меня, пытаясь не вступить в диалог. Томительное молчание тяготило, будто за плечами туристический рюкзак. Хотелось скинуть этот груз и идти дальше, да только свирепое выражение на лице Ваньки говорило совершенно о другом. Кажется, я слышала его мысли. Он, безусловно, осуждал. Не мудрено, конечно же. Порвать отношения с его другом и остаться хорошей, разве бывает такое?

Оказавшись на улице, потянулась к пачке сигарет. Уже успела достать одну, как крепкая рука выхватила сигарету и швырнула в мусорный бак. Разозлилась очень.

— А ты не обнаглел, Вань? — протянула я, покрываясь багровыми пятнами на щеках, то ли от ярости, то ли от морозного воздуха.

— Дура, тебя только из больницы выписали, а ты бегом за сигареты. Совсем мозги прокурила, — рявкнул грубый голос, в котором трудно было узнать брата. Но это был он. Стоял напротив и сверлил дыры где-то на уровне моих глазах.

Криво ухмыльнулась на одну сторону. Окинула взглядом высокого шатена и, как ни в чем не бывало, потянулась за другой сигаретой. Ванька прямо-таки опешил. Моргал долго-долго, не веря происходящей картине. Младшая сестра его ослушалась, когда такое было? Огрызалась? Да. Спорила? Да. Но никогда раньше не делала наперекор.

— Леся, твою мать, выкинь сигарету! — едва не орал Ванька, а я лишь довольно улыбалась, делая очередную затяжку. Курить особо не хотелось, но вот злить братца — было очень даже забавным.

— Сейчас докурю и выкину, — испытывать терпение Ваньки было той еще задачей.

Я видела искры в его глазах, которые так и норовили поджечь все вокруг. Слышала его тяжёлое дыхание, отчего грудная клетка высоко вздымалась вверх. Но так и не выбросила сигарету, пока жёлтый огонёк не подобрался к фильтру.

Один — ноль. Этот раунд был за мной. Ванька не посмел применить физическую силу, хоть и обещал обратное.

К машине подошли одновременно. Братец возился с моими сумками, запихивая их в багажник, будто сетки с луком, а я сидела на переднем сиденье и листала треки на музыкальной панели. Со стороны водителя громко хлопнула дверь. Ванька уселся за руль и что-то пробурчал себе под нос. Я даже не стала вслушиваться в непонятный гул, прибавляя звук на проигрывателе. Мотор заработал, заставляя машину немного вибрировать. Включилась печка, и я искренне обрадовалась потоку горячего воздуха. Порядок, можно и поспать в дороге.

Да только поспать не удалось. Через пару кварталов от больницы машина резко остановилась. Экстренное торможение — мне такое Ариевский показывал в автошколе. Резиновые покрышки завизжали на всю улицу, а зад автомобиля едва в занос не кинуло, зима

всё-таки. Хорошо, что я ремнями безопасности не пренебрегла, иначе бы в больницу обратно попала. Удариться головой о торпеду было очень вероятным.

Братец из машины выскочил, как ошпаренный. Руками стал размахивать, будто важный павлин на хозяйском дворе. Рукой в сторону светофора показал и заорал во всё горло, а точнее, укрыл отборным русским матом рядом стоящую девушку.

Тут мой внутренний голос проснулся. Заставил выйти из автомобиля и звук убавить важному павлину. От машины ненамного отошла и в ступор едва не погрузилась. Зареванная, с растекшейся косметикой по всему лицу, стояла Кононова, громко хлюпая носом. Я в тот час к ней с объятиями кинулась, когда дар речи вернулся.

— Яна, милая, не плачь. Все хорошо. Все живы. Идём со мной, — за руку потянула. Кононова не сопротивлялась даже, лишь всхлипывать громче стала.

На заднее сиденье ее усадила, сев рядом. Ванька только недовольно бровями повёл, решив промолчать.

— Лесь, я не виновата, понимаешь? Я же не хотела, правда, — говорила Янка, а я уже махала брату, чтобы с места трогался.

— Всё нормально. Ваня не злится, правда, Вань? — братец только "угу" протянул, не желая вмешиваться.

— Какой Ванька? — оживилась Яна.

— Братец мой. Вон, видишь угрюмого мужика за рулем, который трехэтажным матом тебя отругал. Знакомьтесь, кстати.

Я не смогла скрыть довольной улыбки, когда Янка кинула изучающий взгляд на Ваньку. Похоже, до Кононовой только дошло, что горе-водитель, который ее чуть не сбил на красный цвет светофора, и есть мой братец.

— Да причем здесь твой братец? Я не о нём сейчас говорила. Меня Антон бросил, когда я посмела его маме слово поперек сказать. Да я не хотела, правда. Она сама скандал устроила, а я только защищалась, — снова потекли лужицы из глаз, смывая остатки черной туши на ресницах.

— Так, всё с тобой понятно, — деловито заявила я, понимая свой промах. Девушку любимый человек бросил, поэтому она и на красный свет на перекрестке выскочила, не осознавая реальной угрозы. Стресс, состояние аффекта. Синонимов много и все они подходили к этой ситуации. — Ванька, поехали в какое-нибудь кафе, а лучше — в бар.

— Зачем? — удивилась Янка, продолжая хлюпать опухшим носом.

— Будем горе твоё в вине топить, — только ответила я, ухмыляясь своим мыслям.

Ну, надо же, какая удача в руки приплыла. Янка свободная дама теперь, а Ванька давно холостой. Теперь мой черед свахой поработать, в отместку брату за Вольского, так сказать.

Два — ноль. Этот раунд тоже за мной. Интересно, а братец вообще в курсе, что я тут счёт веду и выигрываю?

В кафе оказались буквально через десять минут. За столик сели в самом дальнем углу. Ванька попытался тактично слинять, да только я клещами его за руку схватила, а под столом каблуком его ботинок к полу припечатала. Не сбежать ему от меня, пусть и не пытается даже. Братец заметно скривился, но рот открывать не стал. В меню уставился, из носа пар выпускает, а не воздух. Пришел официант. Заказ сделали персон на пять, не меньше. А чего мелочиться? Ванька всё равно заплатит. Он же с Вольским работает, значит, при деньгах. Сестру в кафе привёл, разве обеднеет?

На стол бутылку поставили. Водка. Она самая противная, но самая правильная в такие моменты. Дурь из головы за раз выбивает. Ванька рюмку налил и пододвинул к Яне.

— Себе наливай! — едва не приказным тоном произнесла я, отчего на лбу брата складка залегла, глубокая такая, горизонтальная. — Мне пить нельзя, я лекарства принимаю, а тебе — можно. Не будет же девушка в одиночестве пить.

— Я за рулём, — попытался возмутиться братец, да я снова под столом каблуком на ботинок наступила.

— На такси поедешь, — возразила я.

Китайская стена предательски пала перед моим каблуком под столом. Не стал братец испытывать прочность моей обуви и налил себе рюмку с некой злостью во взгляде:

— Чёрт с тобой, Алеся. Выпью. Только Тимура наберу, чтобы компанию нам составил.

Тут уже я со стула сползать стала. *Два — один.* Похоже, братец в игру подключился. Смекалистый какой.

Тимура он всё же набрал. Правда тот трубку не взял, чему я искренне обрадовалась, не скрывая улыбки. *Три — один.* Нет, я точно одержу победу.

Когда бутылка опустела наполовину, я решила незаметно ускользнуть. Всем сообщила, что в дамскую комнату схожу, а на самом деле к чёрному выходу пошла, заранее заметив его в самом начале. На душе так легко и спокойно стало, оказавшись, я на свежем воздухе. Домой захотелось очень. Горячую ванную с пенкой принять, слушая любимую музыку в наушниках. Так и поступила, когда вернулась домой на такси. И хорошо, что квартира встретила уютной тишиной, иначе бы не насладилась в полной мере одиночеством.

Провалилась в ванной добрый час, а то и больше. Счет времени потеряла, добавляя новую порцию горячей воды. Затем в кухню отправилась, чтобы приготовить любимый кофе. И хорошо, что медики разрешили его пить один раз в день, иначе бы уши в трубочку свернулись от скуки по любимому напитку.

Расположилась на диванном уголке в кухне. Включила музыкальный канал, налила американо с молоком в стеклянную чашку, подкурила сигарету и принялась получать удовольствие. Должна же быть хоть какая-то польза от больничного?

Стук в дверь нарушил все планы. И кого недобрые силы притащили к моему порогу? Мама на смене работает, значит, до утра не будет. Сестра на каникулы к бабушке в другой город уехала. Получается, чужой кто-то. С внутренним голосом к единому мнению пришли. Открывать не будем! Пусть хоть кулаки в кровь о дверь разобьют. Не откроем!

Да только дверь сама открылась, к моему откровенному испугу. Я даже пошевелиться не успела, как с порога знакомый голос раздался:

— Так птицы кричат в поднебесье. Олеся, Олеся, Олеся, — на распев протянул Ванька нелюбимую песню с самого детства.

Ну, вот и запасные ключигодились, которые мама любезно дала племяннику и родной сестре на всякий случай. Вот только не думала, что этот самый случай настанет, когда я решусь в одном тонком, шелковом халатике распивать кофе за просмотром телевизора.

Так и прилипла к диванному уголку, когда в кухню знакомая тройца вошла. Сигарету едва не проглотила, увидев его. *Три — два.* А игра, похоже, продолжается.

Ванька всё же к Вольскому дозвонился и не придумал ничего лучшего, как его ко мне в дом притащить. Тим, понятное дело, согласился. Мы же временный перерыв взяли, так сказать. Точнее, это Тим предложил, я же попрощалась с ним, как и с Тимуром. *Не хочу*

наступать на грабли, не хочу быть чьей-то слабостью. Любви хочу взаимной, да видимо, не в этой жизни. *Похоже, Соболева, нужно познакомиться с эзотерикой всё-таки.* А вдруг все причины кроются в прошлых жизнях? Может, действительно, слишком счастлива была когда-то, а теперь, так сказать, баланс природный восстанавливает заблудшая душа. Почём знать?

Взгляд карих глаз к дивану прибил, будто к столбу объявления приклеивают. Я, как та бумага, послушно в спинку вжалась, боясь и слово сказать. Минута вечностью показалась. В висках зашумело очень. Вольский в дверном проеме стоял, боясь шевелиться. Друг на друга уставились в немом вопросе. Он явно недоумевал, что я делаю одна дома в откровенно вызывающем халатике, который ничего особо не прикрывал. А я в загадках билась, придумывая разный вариант исхода событий.

Затем Тим с места рванул. По квартире несколько кругов сделал. Каждую дверь открыл, даже шкаф скрипнул. Искал что-то или кого-то. В слух засмеялась, наблюдая за его маниакальным синдромом. Совсем головой тронулся мужик. Думает, Ариевского прячу. А как же! Прячу, только на самом видном месте, но недоступном. В сердце прячу, в самом дальнем уголке, чтобы никто не нашел. Чтобы даже внутренний голос не добрался. А если все же решит найти, чтобы все ноги поломал, пока по тёмным закоулкам души будет рыскать. Не найти никому. Чёрная комната с черной кошкой. Бесполезно искать.

— Вольский, ты вчерашний день ищешь? Так он давно закончился. Не найдешь, — уголки глаз от выступивших слёз вытерла. Живот едва от смеха не надорвала.

— Леся, где он? — Тим игнор включил, вид самый серьезный принял. Сначала даже подумала, что пьяный заявился, а нет. Трезвый. Прозрачнее стеклышка.

— Кто "он"? — попыталась серьезный вид принять, как у Тимура, да только не получилось. Смешок проглотила, а затем прыснула со всей силы, когда Вольский штору отодвинул, чтобы убедиться в глупости своей.

— Инструктор твой! — наконец-то ответил, а затем взгляд на моё лицо устремил. Обиделся, что я слёзы от смеха глотаю.

— В автошколе, наверное. Мне откуда знать? — решила успокоиться. С дивана встала, аккуратно обходя Вольского.

В зале Ваньку с Кононовой застала. Целовались на моём диване. Ухмыльнулась. Значит, сваха с меня куда лучше, чем с брата. Янка теперь в него клещами вцепится и всё. Пиши, пропало. А точнее, Ванька пропал, только ему об этом никто не сказал. Да и не скажет, пока штамп на странице с семейным положением не добавится. Вот тут-то я повеселюсь. Братец меня замуж хотел выдать, а получится, что я его раньше в семейно-строительный отправлю.

В кухню вернулась. Там уже Тим на диване сидел. В телефоне своём рыскал. Искал что-то.

— Кофе будешь? — поинтересовалась чисто из вежливости, но он согласился.

Пришлось готовить. В турке по-восточному, как он любит. В голове диалог с внутренним голосом начался. Голос требовал Вольского вместе с новоиспеченной парочкой к прадедушкам лесным отправить. Сопротивлялась. И так много экшена было на этой неделе. Не перенесу очередной разбор полетов. Пусть уж сидят, раз пришли. А я, сославшись на плохое самочувствие, по-тихому сбегу в спальню да изнутри закроюсь для надёжности.

— Как ты себя чувствуешь? Почему мне не позвонила, сказать, когда тебя выпишут? — отчитываться принялся, будто имеет право на это.

Хмуро брови свела на переносице, пытаюсь в руках себя сдержать. Ни к чему эта забота.

Тошнит просто от Вольского. За километр воротит даже. Скоро ненавистным станет из-за своей гиперопеки. И чего он мог во мне найти? Я же колючая, как та роза чайная. Руки все расцарапаешь, пока цветок надумаешь сорвать.

— Давай лучше о тебе поговорим, Тим. Как рёбра? Заживают? Как машина? Починил? Как работа? Больничный взял или у руководителей не полагается болеть? — ерничать решила, это он сразу понял. От того и мышца на скуле напряглась. От того и ухмыльнулся криво на одну сторону.

— Всё нормально, не переживай. У меня день рождения скоро, — будто невзначай заявил.

— А ещё скоро Новый год, — добавила я.

— Придёшь? — улыбнулся с надеждой какой-то.

— А если скажу "нет", ты сам придешь, верно? — в край обнаглела. Издевалась над ним просто. Да всё равно уже было. Не даст же по шее за словесный батл?

— Возможно. Лесь, я всё ещё не теряю надежду, — деловито заявил, будто на переговорах с контрагентом. Только я не фирма. Со мной бесполезно переговоры вести. Проще попугая убедить в том, что он кошка.

— Тебе никто не запрещает её терять. Она же последней умирает, Тимур, правда?

— Лесь, а если я перестану быть хорошим парнем и тогда, — замялся на полуслове, а я продолжила за него.

— Станешь плохим королем. Методы свои используешь. Возможно, добьешься желаемого, но насильно мил не будешь, верно? — глаза его ответили. Согласен был. Да только не хотел этого признавать.

Думал сначала ухаживать за мной. С перепугу в любви признался и замуж позвал. Потом просил быть его. А теперь угрожать надумал. Да только в шахматы, видимо, в детстве совсем не играл. Просчитался Вольский. Давно уже шах и мат его чёрному королю выпал. Игра закончена. Фиаско.

— Алесь, тебя же никто никогда не любил так, как я. Почему ты такая упрямая? Зачем оборону держишь? Я, в отличие от твоих других, будущее тебе предложил. Законной супругой хотел назвать и фамилию свою дать. Но тебе, видимо, больше в любовницах нравится быть. Ты в детский сад свой не наигралась. К любви запретной тянет. А чего там хорошего, а, Лесь? На втором плане всегда быть и ждать, когда ты понадобишься, чтобы нужду справиться, так, что ли?

Внутри всё в тугой узел затянулось. Ладони зачесались. Хотелось смачную пощечину влепить. Сдержалась. Видимо, лекарства действуют, что в больнице прописали, иначе бы давно прогнала Вольского из своей квартиры.

— Тимур, ты так ничего и не понял. Я устала тебе повторять. И если ты действительно меня считаешь такой, как назвал, почему ты всё ещё здесь?

— Да потому, что забыть тебя никак не могу. На коленях перед тобой ползал, а ты холодная королева, что в сердце, что в постели, — с дивана вскочил и из квартиры вышел, громко хлопая дверью.

На тридцатилетие к Вольскому я всё же не пошла. Обида съедала изнутри. Слова его разум не покидали. Так и прокручивались в голове по неизвестно какому кругу. *"Ты в детский сад свой не наигралась. К любви запретной тянет. На коленях перед тобой ползал, а ты холодная королева, что в сердце, что в постели"*, — каждое слово в память врезалось, оставляя за собой мелкие трещины. Доверие потеряно. Никогда больше Вольскому не подойти ко мне. Никогда не обнять. Гордость девичью задел, словами громкими бросаясь. Подобного я ни от одного мужчины не слышала. Как бы не расходились любовные корабли на исходе романа, никто не позволял и взглядом осудить, а тут — Остапа понесло, точнее, Тима понесло, да совсем не в ту степь. Акт бессилия высказал, как мальчишка униженный просто.

Тридцатое декабря на понедельник пришелся. Я уже и думать забыла о новогоднем корпоративе, который устроила автошкола. Деньги на банкет сдала больше месяца назад, кажется, это даже было до знакомства с Ариевским. Староста группы в покое не оставила, пока я не пообещала прийти в ресторан, где намечалось застолье.

Идти на празднование совсем не хотелось. Точнее, не хотелось видеть его, моего личного кошмара. Не хотелось даже вспоминать о его существовании, да только сердце с разумом не считалось. Ариевский в душу пробрался и никак уходить не хотел. Снился. Улыбался, как умел только он. Взглядом раздевал, заставляя кожу мурашками покрываться. В холодном поту каждую ночь просыпалась. С кровати вскакивала и топала в ванную комнату, чтобы умыть лицо холодной водой и в чувства прийти. Совсем обнаглел инструктор, терзая меня во снах. С ума сойти можно было. Но я держалась. Вспоминала последнюю встречу с ним, его гневный взгляд, громкую фразу *"Да пошли вы все"* и тогда немного отпускало.

Стрелка на часах подобралась к семи вечера. Такси подъехало к назначенному месту, и я, рассчитавшись с водителем, вышла из автомобиля. Холодный морозный воздух опалил лицо. Кожу защипало, будто на терапии иглоукалывания. Поежилась, плотнее кутаясь в полушубок. Поток порывистого ветра под одежду забрался. Подол платья так и стремился задраться. Удержала. Легкая струящаяся ткань вторила движениям. Шаг и небольшой шлейф скользнул по тротуарной плитке, запорошенной снегом. Еще один шаг и разрез до середины бедра открыл на обзор левую ногу.

Подошла к главному ходу. Дух перехватило от увиденного. Старинное здание конца девятнадцатого века во всей красе. Резная отделка с позолотой. Высокие белые колонны. Даже голову вверх пришлось поднять, чтобы оценить их величие. Песчинкой ощутила себя на фоне исторической архитектуры. По лестнице поднялась. После двадцатой ступеньки перестала считать.

Внутри отказалось ещё восхитительнее. Белый мрамор устилал пол. Огромные зеркала, обрамленные резным багетом в золотом цвете, удивили больше всего. Так и представила, как лет сто пятьдесят назад кружатся в вальсе молодые парни и девушки, а живой оркестр неустанно задаёт ритм.

Головой тряхнула, чтобы в реальность вернуться. В гардеробной оставила верхнюю одежду. Поправила причёску перед огромным зеркалом. Окинула взглядом наряд и довольно

улыбнулась. Порядок. Платье в пору. Легкая ткань цвета бордо облегла изгибы. Вырез на всю спину завершал образ.

Вошла в зал, оглядываясь по сторонам. В дальнем углу заметила знакомые лица. Соседка по парте, так сказать, рукой приветливо махнула, увидев меня. Пока шагала через весь зал к скромной компании, думала, щёки вспыхнут. Ноги предательски подкашивались. Каждый шаг давался с большим трудом. По позвоночнику холодок пробежался. Тысячи мурашек. Сердце галопом скакало, так и норовя загон перепрыгнуть, то бишь, грудную клетку. Дыхание сбилось и стало таким тяжелым, будто я десятикилометровый марафон пробежала.

Тяжёлый взгляд прожигал спину. Я ощущала каждой клеточкой присутствие его... Он был рядом, совсем близко. Стоял с несколькими мужчинами возле барной стойки, о чём-то мило беседуя. Мы единожды встретились взглядом. Несколько секунд смотрели друг на друга, прямо в глаза. За этот короткий миг в памяти калейдоскоп эмоций ожил. Картинка за картинкой, деталь за деталью, всё вспомнилось. Первая встреча, первая улыбка, первый поцелуй, который застал меня врасплох. Ничего не забыла, хотя надо бы было забыть. Но не забывалось. Совсем не получалось память стереть.

— Леся, чудесно выглядишь, — протянула Вика, соседка по парте, распахивая свои объятия.

— Спасибо, дорогая. Взаимно, — вежливо отозвалась, а сама так и пыталась бегло взглянуть в его сторону.

И взглянула, пока он вполоборота стоял. Будто почувствовав внимание, обернулся, застав меня врасплох. Не знала куда себя деть от стыда, да только он другого мнения был, по всей видимости. Улыбнулся искренне, салютуя бокалом в руке. Головой кивнула на этот жест и тут же отвернулась.

В скором времени за стол сели. По обе стороны от меня одноклассницы вели оживленные беседы. Я не вливалась в эти разговоры, мыслями находясь не здесь и не сейчас. В прошлом была, совсем недавно. Снова вспоминался он, а точнее, его крепкие руки, прижимающие к мужской груди с особой пылкостью.

Через полчаса решила выйти на террасу подышать воздухом. Глоток кислорода должен был голову очистить от навязчивых мыслей. Ухмыльнулась про себя. Вольского маньяком называла, а сама совсем не лучше. Будто копия его. Только и делаю, что схожу с ума, иначе не назовешь бред, что в подкорке прочно засел.

Оказавшись наедине, вздохнула полной грудью. Сердце обычный ритм приняло. Порядок. На небо взглянула. Сегодня было на что посмотреть. Россыпь звёзд устилала темную синеву. Красота.

На террасе дверь скрипнула. Несколько шагов и я уже дышать перестала, понимая, кто одиночество мое нарушил. Мужской одеколон окутал пространство. Его запах. Горький, с примесью табака и каких-то свежих нот. Голова закружилась просто. Горячее дыхание опалило шею. Даже вздрогнула, когда за спиной послышался нерешительный шаг.

— Простудишься, — всего одно слово, и я уже лужицей готова была растечься перед его ногами. Оголенных плеч коснулась теплая ткань. Пиджак. Он с особой заботой накинул на меня свою вещь, а я могла только дышать. Слов не было. Совсем дар речи потеряла.

Крепкие руки в плен взяли. Обнял, прижимая к своей груди. Обернуться боялась. Больше всего боялась обернуться и увидеть тот взгляд, что душу наизнанку выворачивал. Да только он иначе считал. Сам развернул меня. Лицом к лицу оказались. Взгляд в сторону

отвела, но он подбородка коснулся, заставляя посмотреть на него.

— Ты дрожишь, — голову склонил, прижимаясь лбом.

— Холодно, — ответила, звучно стуча зубами. Он только улыбнулся на эту фразу, крепче прижимая к груди. Носом его шеи коснулась, и тогда какая-то волна накатила. Дрожь сильнее стала, заметнее.

— Обманываешь, лисёнок. Мурашки твои совсем не от холода. — Головой укоризненно покачал, а затем над самым ухом прошептал, — девочка моя, я же тебя, как открытую книгу читаю.

— Я хочу в зал вернуться, — попыталась от него отстраниться. Тщетно. Еще крепче к себе прижал. Живот к животу прикоснулся. Сердца в унисон забились, а дыхание, будто в единое целое слилось. Один вдох, один выдох...

— Давай еще немного постоим, — мужская рука под пиджак скользнула. Нежные пальцы длинную извилистую линию провели вдоль всего позвоночника.

Колени предательски подогнулись. Совсем сил не осталось для сопротивления. Битва проиграна. Я у его ног практически. Опять в желе превратилась, *одурела просто*. Тимур рукой к затылку прижался, приближая лицо. Жадные губы лавиной страсти накрыли. Горячее дыхание губы обожгло. Глубокий поцелуй остатки разума забрал. Руками его шею обвила, желая еще ближе стать. Пальцами в короткие волосы зарылась. С ума сошли на этой террасе. На улице минус пять по Цельсию, да только нам не холодно совсем. Внутри пламя горело, сжигая все мосты. Внутренний голос ликовать принялся. Согласилась с ним, отвечая со всей жадностью на крышесносный поцелуй.

— Тимур, подожди, — отстранилась, насколько позволил он. Взгляд подняла, тяжело дыша. С мыслями собралась, точнее, пыталась частицы пазла в единое целое сложить. — Неправильные у нас с тобой отношения. И вообще, всё, что мы делаем — неправильно. Ты женатый, а я не хочу быть запасным аэродромом. Извини.

Врасплох его застала. Едва рот не открыл от удивления. Опешил просто. Долго-долго рассматривал меня, будто впервые увидел. Каждую деталь изучал, останавливаясь на припухших губах. На лбу складки собрались.

— Лесь, всё не так, — говорить принялся, да только я слушать не собиралась.

Пальцем его губ коснулась, чтобы оправдываться перестал. Проходила эту школу раньше. Все знаю. Знаю, что последует потом. Знаю, поэтому и не хочу громких фраз слышать.

— Молчи, Ариевский, — пресекла ещё одну попытку, а затем сняла с себя пиджак. Аккуратно свернула его пополам и протянула перед собой, — спасибо.

— Стой, — высокие ноты в голосе послышались. Не обернулась.

— Я всё сказала, — через спину бросила. Дверь открыла, в спешке вышла. Бежать захотелось, да только высокие каблуки не позволили шаг ускорить.

Сердце едва не выпрыгнуло из груди. Эмоции мощной волной накрыли. Все правильно. Всё верно. Соболева, *беги от него и подальше, чтобы в болото не затянуло*. Чтобы трясина с головой не поглотила. Там нет будущего, там только боль и разочарование.

В зал вернулась. У порога официанта встретила. К бокалу с шампанским потянулась. Даже успела в руки взять холодное стекло, но только личный кошмар рядом оказался. Нагло отобрал алкоголь и вернул на поднос всё тому же официанту.

— Ты сегодня трезвой будешь, Лесенька, — слащавым голосом протянул, а я даже и слова сказать не успела в ответ. За руку взял чуть выше локтя.

— Отпусти, — зашипела.

Если бы можно было ядом плевать, то давно на Ариевского весь годовой запас истратила. Столько желчи внутри скопилось, столько горечи.

Отпустил. Тиски пальцев разжал, и так свободно стало, так легко. Полной грудью вздохнула. Решила к столу вернуться. Не успела пройти несколько метров. Дорогу преградил высокий блондин. Взглядом окинул с головы до ног. Ухмыльнулся, о чём-то думая про себя.

— Потанцуем? — светлые брови изогнулись, ожидая ответа. Отказать хотела, да только личный кошмар в спину дышал. Совсем не хотел оставлять в покое Ариевский.

Согласно головой кивнула. Руки доверчиво мужских плеч коснулись. Всё же лучше с незнакомым мужчиной танцевать, нежели испытывать степень сумасшествия с Тимуром.

В танце закружились. Сердце музыке вторило, то ускоряя ритм, то замедляя. С партнёром одну волну поймали, будто всю жизнь танцевали вместе. Мужчина улыбался все время, иногда поглядывая за мою спину. Затем его лицо хмурый вид приняло. Дистанцию увеличил, а вскоре музыка затихла.

Его запах почудился. Думала, снова с ума схожу, а нет. Личный кошмар рядом оказался, прямо за спиной. Обернуться боялась.

— Я украду у тебя девушку? — Ариевский к блондину обратился, а тот согласно головой кивнул.

Меня передали будто эстафету, не спрашивая, не предлагая варианты. Нужно было бы возмутиться и уйти, но не получилось. На глазах у автошколы устраивать сцену не особо хотелось. Это наедине с ним я была смелой, а на публике лишь неуверенно руки на мужские плечи положила и принялась овечек считать, чтобы в серых глазах не утонуть. Но счет овечек не помог. Как только его пальцы коснулись моей спины, сразу всё из головы вылетело. Везде был только он, что в сердце, что в мыслях.

Взгляд на его губы опустила и опешила просто. Тимур слово в слово повторял текст песни, а я не знала, как это понимать. Да только смысл особенный был для меня, возможно, для него — тоже, иначе, что могло всё это значить:

*"Когда я впервые увидел тебя,
Этот смех,
Ты мне напомнила, по-моему,
Сразу всех,
Кого я любил, с кем хотел быть вместе.
Я стоял, как вкопанный,
У меня не было слов".*

— Не дуйся на меня, лисёнок, — горячее дыхание опалило изгиб шеи, когда Ариевский на ухо шептал. — Это всё бумаги, не женат я давно, веришь?

— Я верю фактам, Тимур, — произнесла с самым серьезным выражением на лице, но его это только позабавило. Ухмыльнулся криво на одну сторону, а затем глаза вверх закатил.

— Значит, не поверила? — взгляд устремил, ожидая ответа.

— Нет. Не верю сказкам, выросла. — В серых глазах блеск отразился, а губ улыбка коснулась. Рассмеялся негромко, но искренне. В ответ я только брови изогнула в недоумении.

— Я давно это понял, — улыбка померкла также быстро, как и возникла. Рукой к моим

волосам потянулся. — Взрослая девочка, моя девочка.

В замешательство погрузилась. Не знала, что ответить на последнюю фразу, да и нужно ли было отвечать — тоже не знала. Он, действительно, меня читал, как открытую книгу. Каждую эмоцию, каждый отклик — знал наперёд. Оттого и разубеждать не спешил. Знал, что одними словами не добьётся ничего. В ход руки пустил. Касался нежно и трепетно, точно повторяя слова песни "Дай мне нежность", что ещё звучала на весь зал.

Когда утихли последние ноты волнительной музыки, завершился танец. Уйти захотелось, а точнее, исчезнуть. Шаг в сторону сделала, увеличивая дистанцию, да только тиски мужских пальцев еще крепче талию сжали. Тимур к себе притянул одним рывком. Ноги едва не запутались от такого маневра, но он удержал.

— Отпусти. На нас вся автошкола смотрит, — пыталась его к совести призвать, чтобы одумался вовремя. Чтобы злые языки не начали злословить об учебном романе между курсанткой и инструктором.

— Знаю. Больше скажу, если сейчас не согласишься пойти со мной, то поцелую тебя прямо здесь, при всех, — опешила просто. Щёки пламенем охватило.

— Ты не посмеешь, — голос предательски задрожал.

Ком в горле образовался, когда Тимур склонился надо мной:

— Проверим? Мне плевать на свою репутацию, а тебе?

В висках гул появился. Последняя фраза в голове засела. Поверила. Он мог выполнить обещание. Такой мужик, как Ариевский, слов на ветер не бросает. Это сразу поняла, когда мое трепещущее тело в мужские бёдра уперлось. Целовать надумал. Даже успел склониться в преддверии позорного действия.

— Не нужно, — глаза ответили вместо губ.

— Идём. Ты первая, — кольцо рук на талии ослабло. В сторону рванула, отдаляясь от него.

Шаг за шагом. Метр за метром, уходила прочь. Не оглядываясь назад, не смотря по сторонам. Просто шла в сторону выхода, не зная, чем всё обернётся.

Если можно было измерить глупость в килограммах, то мне бы понадобились грузовые весы. Другие не подошли, однозначно. Ведь количество моего безумия было соизмеримо с огромным грузовиком, да ещё и с приличным прицепом. Иначе, как можно было объяснить мое присутствие в доме Ариевского? Знала же о граблях любимых. Помнила их зачётный "шлепок" прямо в голову, да и не только. Почему тогда позволила усадить себя в такси и отвезти невесть куда?

Невесть куда оказалось квартирой на окраине города, которая встретила гостей пугающей тишиной. Первым переступил порог Тимур.

— Прощу, — торжественно протянул инструктор, указывая жестом руки на свою обитель.

Замешкалась. Стояла, точно, как вкопанная, боясь сделать шаг в неизвестность.

— Тебя на руках отнести или всё же сама пойдешь? — ухмыльнулся криво на одну сторону, а затем одним большим шагом преодолел дистанцию. Я только вздрогнуть успела, как он сгреб тело в охапку, прижимая к своей груди.

— Зачем ты привёл меня к себе домой? — голос едва не дрожал. Я пыталась выглядеть спокойной, но так и не смогла унять очевидный озноб. Лихорадило всю, да только не от болезни. Причиной тряски был никто иной, как Ариевский.

Его жаркое дыхание, обжигаящее кожу, будоражило в венах кровь. Адреналин выбрасывался с бешеной скоростью, заставляя испытывать острые ощущения, сродни роупджампингу, который я своё время практиковала в студенческие годы.

— Ты же взрослая девочка и не веришь в сказки. Зачем я, по-твоему, мог привести к себе домой? — в глаза его посмотрела и едва не утонула в их глубине.

Дыхание сперло. Кажется, даже кислород стал каким-то тяжёлым, что ли. Будто тягучий газ на автомобильной заправке, а не воздух.

— Чтобы соблазнить? — предположила, теряясь в догадках.

Тимур заметный смешок проглотил, закатывая глаза. Неожиданно за руку потянул, пришлось на дрожащих ногах в квартиру зайти. Дверь захлопнулась. В металл спиной вжалась. Его руки талию обвили. Бёдрами прижался вплотную, не оставляя и сантиметра для свободного пространства.

— Угадала, почти, — выдохнул прямо в губы. Ещё сильнее к двери прижалась, когда он рукой к лицу потянулся. Линию провел, длинную, извилистую. От виска до подбородка, исследуя каждый миллиметр кожи. — Ты красивая, Соболева, знаешь?

Ком в горле застрял. Облизала пересохшие губы, наблюдая за его взглядом. Раздевал глазами. Смотрел так, будто всю меня видел насквозь. Дышал шумно, отчего грудная клетка высоко вверх вздымалась. Невидимые импульсы проскользнули. С цепи сорвались, оба. Набросились друг на друга, целуя и кусая губы до дрожи в коленях.

На пол шуба упала, вслед за ней — его пиджак. Мужские руки коснулись оголенных плеч и спины. Знакомые спазмы пробежали вдоль всего позвоночника. Колени предательски подогнулись. Удержал. Подхватил на руки, не прерывая поцелуй.

Очнулась в спальне, на кровати. Интимный полумрак вторил безудержной страсти, что в плен взяла двоих сумасшедших. Не любовь поглотила, нет. Похоть, самая настоящая.

Невозможно описать букет эмоций, накрывший будто лавиной. Его захотелось, очень. Почувствовать на себе тяжесть тела, ощутить прикосновение его бархатной кожи на своей груди.

— Тимур, подожди, — где-то отголоски разума проснулись. Руками в грудь его уперлась, пытаюсь дистанцию увеличить. — Я так не хочу, — сердце из груди вырвалось просто. Кажется, его — тоже.

В глазах цвета стали немой вопрос застыл. Долго смотрел снизу вверх, пытаюсь дыхание восстановить. Молчал, ожидая ответа. Да только я сама молчала, не зная, как объясниться.

Это тот случай, когда хочется и колется. Когда тянет, но не должно тянуть. Когда над пропастью стоишь, а сзади подол платья за дерево цепляется, упасть не позволяя. Падать не хотелось. Больше всего не хотелось в неизвестной пропасти погибнуть. Ведь роман с женатым не заканчивается свадьбой — я точно знала по себе. По горькому опыту знала, не понаслышке.

— Чего ты боишься, Лесь? — низкие ноты его голоса молчание прервали. — Думаешь, обманываю тебя? — прочитал, как открытую книгу просто. С языка сорвал то, что не осмелилась вслух сказать.

Боялась его штампа в паспорте. Боялась любимых грабель. А вдруг, жена в командировке, и весь этот фарс закончится рано или поздно?

— Идем, — за руку взял, заставляя с кровати подняться. Доверилась. Молча встала с кровати, ступая за ним след в след.

Щелкнул выключатель. Комнату озарил яркий свет люминесцентной лампы. Заморгала быстро-быстро, привыкая к освещению. Тимур к шкафу подвёл. Открыл его створки и замер на месте.

— Смотри, здесь только моя одежда, видишь? — взглядом полки окинула. Действительно, кроме нескольких стопок с мужской одеждой ничего не наблюдалось.

Одним движением закрыл шкаф. Снова за руку взял, а я уже и не спрашивала свой внутренний голос "Зачем". И так было всё очевидным. Решил берлогу свою показать, доказывая, что она холостяцкая. Дальше следовал черёд ванной комнаты. Понимала абсурдность ситуации, даже неловко было от представляемых доказательств таким образом, но всё же глазами высматривала баночки с гелем для душа. Искала что-то, напоминающее о сожительстве в доме женского пола, но ни единой зацепки не увидела. Не розового полотенца, не второй зубной щетки, не шампуня известного бренда для блеска волос. *Не было ничего!*

— Холодильник смотреть будем? Можно ещё в корзину для грязного белья заглянуть для стопроцентной верности, — усмехнулся Тимур, обнажая белые зубы.

Бросила в его сторону косой взгляд. В сердце будто ёкнуло что-то. Разве такое бывает? Женатый, но только по паспорту.

— Лисёнок, нет у меня жены, правда. Она на бумагах только. Давно я с ней не живу. Уже два года как. — На вопросы мои ответил, что в голове крутились.

— Почему не развелись? — голос вернулся, а вместе с ним — уверенность.

К Ариевскому подошла, обращая взгляд на его улыбку широкую, на ямочку на левой щеке, которую раньше никогда не замечала.

— Полина не хотела. Ей для карьеры было плюсом, что замужем. А мне все равно было. К тому же, родители мои до последнего верили, что мы сойдёмся. Особенно — отец. Он до

сих пор надеется. Хочет, чтобы внучка в полноценной семье росла, да только мы давно уже неполноценные, — пыталась грусть в его голосе уловить, но не смогла. Видимо, давно ситуацию отпустил.

— А где она сейчас, твоя Полина? Дочка с ней живёт? — расспрашивать принялась, желая подробности узнать.

— Чёрт её знает. То ли Кипр, то ли Таиланд. Она переводчиком работает. Тремя языками владеет, вот и катается по миру, в поисках лучшей жизни. Дочка у моих родителей живет, так удобнее для всех. Давай не будем о моей бывшей говорить? Что-то я проголодался совсем, так и не успел на корпоративе поесть. Тебя увидел и тормоза отказали. Закажем доставку еды? Или ты пригостишь? — ко мне подошёл, обнимая сзади. Лёгкими поцелуями начал изгиб шеи покрывать.

— Тимур, — вскрикнула, когда его рука скользнула под вырез платья на спине.

— Угу, — промычал прямо в ухо.

— Кто-то говорил, что проголодался, — обернулась, одаривая Ариевского проницательным взглядом.

— Говорил. А ещё говорил, что тормоза отказали. Выбирай, что первое, — голос игривый тон принял, а руки настойчивей стали. Так и блуждали по изгибам тела, откровенно трогая то, к чему тянуло больше всего.

Попыталась из объятий выскользнуть. Получилось. Позволил к холодильнику подойти. Дверцу открыла, осматривая содержимое полок. Холостяцкий набор предстал взору. Яйца, колбаса, бекон, сыр, молоко и всё. Не густо, одним словом.

— Ты воздухом питаешься? — шутить принялась, а сама уже доставала яйца с молоком и колбасу, — омлет годится?

— Годится, — головой кивнул, помогая к столу продукты отнести. — Стой здесь, ничего не трогай, — из кухни вышел на одну минуту. Вернулся, держа в руках свою рубашку серого цвета.

— Переоденься, лисёнок, — в недоумении уставилась, пытаюсь понять причину заботы. — Не хочу, чтобы платье испачкала.

Разряд электрического тока пронёсся по телу, когда соприкоснулись наши пальцы. Взгляд устремили друг на друга, затаив дыхание. Тимур один шаг навстречу сделал, а затем одним рывком сгреб моё тело в охапку. Тормоза отказали у обоих. Одежду с тел срывали, поглощённые безудержной страстью. Жаркие поцелуи пронзали губы, а руки скользили по всему телу.

Это одержимость на грани помутнения рассудка. Болезненное влечение со всеми вытекающими симптомами. Сума сошли друг от друга просто.

Первый раунд начался прямо в кухне на обеденном столе. Ласками упивалась, что дарили сильные руки и требовательные губы. Это дуэт из сплетенных тел. Пылкий тандем, не знающий границ.

— Девочка моя, сладкая, — губы шептали, а затем эти же губы впивались в мой рот с тихим стоном.

— Твоя, — вторила ему таким же шепотом.

Меня первую накрыла эйфория, когда тело, едва не билось в крышесносных конвульсиях. На тысячу осколков разлетелась, не иначе. Поцелуй губы накрыл. Такой нежный, неторопливый. Горячие тела, покрытые испариной, обрели покой, когда соприкоснулись друг с другом. На руки к себе усадил, прижимая голову к груди. Стук его

сердца вторил моему. Кажется, один ритм на двоих появился. Невидимая нить оплела, связывая воедино. *Да не нить это даже, а настоящая кованная цепь, не порвать никому.*

Первые мысли в голову ворвались: *"Влюбилась. По самые уши просто"*. Осознание собственных чувств, как гром среди ясного неба пронзило. Встрепенулась, прислушиваясь к вихрю бабочек, кружащихся в животе. Вот теперь точно к психиатру можно записаться на консультацию. Лечиться нужно, пока не поздно. Пока совсем голову не оторвало.

"Мой. Мой мужчина", — ликовал внутренний голос, с чем я даже спорить не пыталась. Теперь мой, как и я его. *Едины и неделимы.*

— Любимая, — встрепенулась, услышав его голос. Каждый звук впитала в себя, прокручивая в голове *"Любимая"*. — Я все еще голодный.

Губами мочку уха прикусил, опалая кожу горячим дыханием. С рук его соскочила и принялась искать серую рубашку среди разбросанной одежды на полу. Обернулась назад. Обомлела, затаив дыхание. Только сейчас смогла в полной мере разглядеть своего мужчину. Стройный. Рельефные мышцы перекачиваются на груди. Плоский живот, а внизу — дорожка из завитков темных волос. Невидимый ком проглотила, устремляя взгляд еще ниже. Он заметил. Усмехнулся вслух, притягивая к себе одной рукой.

— Лисенок, когда говорил голодный, то имел в виду желудок, — в макушку поцеловал, пропуская между пальцами пряди волос.

Язык прикусила, пытаюсь сдержать громкие фразы, которые грозились наружу вырваться. Эта ненормальная влюбленность в плен взяла. Ни о чем другом думать не могла. *Только он...* Только его сильные руки и требовательные губы.

В спешке рубашку накинула на голое тело. Его запах окутал. Мурашки по позвоночникам побежали, когда я впитывала в себя его аромат. *Теперь это мой любимый аромат, запах моего мужчины.*

Принялась за готовку. Тимур, как умел помогал, точнее, пытался, а по факту — всего лишь тело клещами сжимал, срывая с губ короткие поцелуи. Ужинали вместе. Из рук выпускать не хотел, как тогда в больнице. Едва из ложечки не кормил. Нравилось. Забота его нравилась, а еще — этот взгляд нравился, что боготворил меня, не иначе. В его глазах отражение своё увидела. Притянула к себе, впиваясь пальцами в шею. Да какой там ужин, когда незаметно второй акт начался?

Продолжили на кровати. Тело снова знакомой испариной покрылось, когда кровать провисла под тяжестью наших тел. Кажется, впору было задохнуться от переизбытка чувств и эмоций. Невозможно так идеально подходить друг другу, как подходили мы. Все на интуитивном уровне, каждый вздох, каждое касание. В сердце радость поселилась от осознания того, что это только начало. *Начало нового мира, который открылся только для нас.* Границы стерты, мосты сожжены, обратную дорогу смыл дождь, нет ходов к отступлению. *Я его до единой клеточки...*

Утро началось с затекших конечностей. Лениво открыла глаза, оглядываясь по сторонам. Обрадовалась, что любимый мужчина рядом лежал, тисками сжимая талию. Его голова покоилась на моем плече, даже пошевелиться боялась, чтобы не разбудить.

Трель мобильного телефона окончательно вырвала из лап Морфея. Тимур буркнул что-то под нос, зарываясь в моих волосах.

— Это тебе звонят, просыпайся, — ласково протянула, сдувая с его лица упавшие пряди моих волос.

Зажмурился, как мальчишка просто, а затем резко глаза открыл. Моргал долго-долго,

фокусируя взгляд на моем лице:

— Доброе утро, — низкий голос раздался.

— Доброе, — начала его щеки поцелуями покрывать, нежными и едва невесомыми, — вставай, соня.

Ариевский еще что-то пробубнил себе под нос, но с кровати все же поднялся. Взгляд упал на его оголенное тело, пока мужчина направлялся из спальни в коридор. Дыхание затаила, пожирая глазами его подтянутое тело. Где-то в кухне его голос послышался. По телефону говорил, о чем-то громко возмущаясь. Вернулся в скором времени. Принялся одеваться. Наспех натянул боксеры, надел джинсы и накинул рубашку на голое тело. Ко мне подошел, склонился низко, одаривая глубоким поцелуем.

— Одевайся, любовь моя, к нам гости едут, — тыльной стороной ладони извилистую линию провел вдоль всего овала лица. Усмехнулся на одну сторону, ловя мой перепуганный взгляд.

— Тимур, мое вчерашнее платье порвалось, — протянула едва уловимым шёпотом.

— Накинь мой халат, — от губ оторвался. Подошел к шкафу. Достал большой домашний халат синего цвета и торжественно вручил в руки, не забыв поцеловать напоследок.

Подниматься с кровати совсем не хотелось. Хотелось лежать под теплым одеялом и вдыхать его запах, которым пропиталось постельное белье и мои волосы. Зажмурилась на миг, ощущая себя безмерно счастливой. *Неужели, дождалась?* Счастье нагрянуло, настоящее, без всяких там грабелей за углом?

С кровати всё же поднялась. В ванную направилась, чтобы в порядок себя привести перед зеркалом. Даже душ успела принять и волосы помыть, как раздался стук в дверь. Голоса мужские послышались. Тимур в голос смеялся, а ему вторили двое неизвестных мужчин. Неуверенно к ручке потянулась. Прятаться не имело смысла. Сколько ещё гостить будут, не до вечера же в ванной сидеть, ожидая ухода?

Осмелилась выйти. На скрип двери Тимур обернулся. Застыл на месте, как вкопанный, увидев на мне свой халат. Даже ком в горле, кажется, проглотил. Смотрели друг на друга, долго и пронзительно. Если бы не гости, то давно уже любимые руки снимали одежду. Головой качнула, пытаюсь нежданные грезы прогнать. Интересно, сколько нужно времени, чтобы от наваждения избавиться, чтобы лужицей не растекаться по полу от одного только взгляда глаз цвета стали?

— Лисенок, иди к нам, — объятья распахнул, как только к нему приблизилась.

Неприлично так быть счастливыми, как были мы. Кажется, даже гости уловили безмерную радость в наших сердцах, оттого и молчали, тихо наблюдая, как мы умиляемся друг другом.

— Знакомьтесь, — Тимур первым в чувство пришел, — это Димас и Артем. Кстати, твой несостоявшийся автоинструктор, лисёнок.

Опешила, когда взглядом с блондином встретила. Это он вчера меня в танце кружил, поглядывая всё время за спину. Понятно дело, кто за спиной стоял. Ариевский взглядом уничтожал, как минимум, наблюдая за дистанцией между партнерами.

— Добрый день, — только и смогла произнести, пряча лицо на плече Тимура.

Мы долго не могли попрощаться. Целовались возле подъезда моего дома, прячась за деревом как подростки просто. Дыхание обжигало кожу, а губы саднило от мучительно сладких касаний. Не могла наглядеться на него, не могла налюбоваться своим мужчиной. Надышаться им не могла — в омут затягивало все больше. Дрожь пронзительней стала, когда он прижался лбом к моему лбу. Минута целой вечностью показалась. Просто стояли рядом, крепко сжимая друг друга в объятиях. Уходить не хотелось. Не хотелось из рук выпускать его пальцы. Не хотелось даже из поля зрения выпускать. Давно голову потеряла, наконец-то смогла признаться перед самой собой. И от этих признаний как-то легче стало, на душе спокойнее, что ли. Даже внутренний голос молчал, наслаждаясь происходящим.

— Давай, лисёнок, в дом беги, замёрзла же, — губы его шептали, а руки даже не пытались отпустить.

— Мне совсем не холодно, — головой отрицательно кивала, заглядывая в глубину серых глаз.

— Так, Соболева, не спорь со старшими. Марш в дом, пока я тебя отчитывать не принялся. Нос синий уже, как у алкоголички просто, — в голос засмеялись, оба.

— Ну и сравнения у тебя, Тимур, — в ответ на мою реплику, Ариевский за нос ущипнул двумя пальцами, отчего скривиться пришлось и наигранно губы надуть.

— Лисёнок, а сейчас я серьезно. Иди домой, пока я в состоянии отпустить. Ещё пару минут и в машину тебя усажу. Мама волноваться будет. — Улыбалась, наблюдая за серьёзным выражением на лице.

Напоследок губ его коснулась. Трепетно и нежно упивалась глубоким поцелуем. Каждой клеточкой впитывала в себя волнительные мгновения, стараясь в памяти отложить счастливое время до секунды просто.

— Тимур, что теперь с нами будет? — С языка сорвалось. Удержать за зубами не смогла то, что не оставляло в покое с самого утра.

— Любить друг друга будем, пока я в порошок не сотрусь или у тебя голова не заболит, — голос игривый тон принял, а губ кошачья ухмылка коснулась.

— А, если серьёзно? — Принялась ответа ждать, обращая взгляд на любимые губы. И когда это его губы любимыми успели стать? Всё как-то быстро произошло, спонтанно, не верится даже.

— А, если серьёзно, то сейчас ты перестаешь висеть на моей шее и домой идёшь. Начинаешь готовиться к празднику. Салатик там делаешь, оливье, например. Можешь "Иронию судьбы" для настроения посмотреть. А затем ждёшь до одиннадцати часов. Я приеду за тобой, и мы будем встречать Новый год.

— Обещаешь? — Лицом уткнулась в крепкое плечо.

Запах его голову кружил. Так, наверное, только у меня было. У Ариевского даже голос не дрожал, не то, чтобы там какие-то проблемы с головой. Тимур вёл себя достаточно сдержанно, как мне казалось. На влюбленного мало походил, скорее всего, на заинтересованного. От того и рискнула спросить: "Обещаешь"? Его реакция не заставила себя долго ждать. Глаза вверх закатил, будто я одну и ту же пластинку крутила по неизвестно какому кругу. Удивил, но не так, чтобы значения особого могла предать. Просто

ещё один плюстик поставила в копилку к остальным. Не влюбленный, нет, и даже не пытается этого скрыть. Да и скрывать зачем? Не обещал же ничего такого, разве только любить обещал, пока в порошок не сотрётся. Но, думаю, это признание было совсем с другим подтекстом.

Наконец-то смогли попрощаться. На ватных ногах домой поплелась. По лестнице ступала, считая каждую ступеньку. Совсем не хотелось в квартиру возвращаться. Хотелось к нему. Хотелось на коленях его устроиться, прижимаясь к груди. Слушать его размеренное дыхание хотелось и целовать. Больше всего хотелось целовать.

Тут внутренний голос объявился:

"Соболева, с такими темпами придётся целую коллегия психиатров созывать. Один точно не справится". Соглашалась на утверждения. Крыша поехала, здесь и гадать нечего!

Переступив порог квартиры, принялась маму с сестрой звать. Да только тишина встретила вместо родственников. Удивилась даже. Комнаты все обошла, но так и никого и не встретила. Одна. К телефону потянулась. Очень не вовремя батарейка села. Пока шагала в спальню за зарядкой, возле входной двери какая-то суета послышалась. Щёлкнул дверной замок, оповещая о приходе домашних. Наконец-то.

— Я уже думала вас в розыск объявлять, — достаточно громко произнесла, направляясь к входной двери.

— Это тебя надо было в розыск объявлять, сестрица. Где ты ночью шлялась? — также громко ответила Дашка.

— Мадам, что за выражения? — Решила сестрицу отчитать, а затем всё как-то неожиданно произошло. Даже глазам своим не поверила, отчего моргать принялась быстро-быстро.

К стене прижалась, боясь шелохнуться. По позвоночнику холодок пробежался, а в сердце протяжный импульс отозвался. Дар речи потеряла, забывая, как правильно дышать. Попыталась в руки себя взять. Принялась платье помятое поправлять, одергивая с плеча сползающую бретельку.

Мама первой разулась и, схватив два пакета, в кухню убежала, даже не поздоровавшись. Сестрица смелее оказалась. Стояла тихо в сторонке, наблюдая за происходящим.

— Привет, — протянул он, широко улыбаясь. Взглядом с головы до ног окинул, делая про себя какие-то отметки, видимо.

Я только головой в ответ кивнуть смогла — настолько остолбенела от внезапного прихода Вольского. Вольский, в свою очередь, выглядел неплохо. Можно даже сказать, хорошо. Одетый со вкусом, как и прежде. Лицо гладко выбритое, чистые волосы, бодрячком одним словом. В то время, как я, ощущала себя разбитым корытом из сказки А. Пушкина "О рыбаке и рыбке".

— А мы с мамой в супермаркете Тимурчика встретили. Он нас домой подвёз, — как-то радостно заявила сестрица, нарушая затянувшееся молчание.

Я настолько была поражена появлению Вольского в своём доме, что даже не обратила внимание на уменьшительно ласкательное "Тимурчик", что вырвалось изо рта семнадцатилетней девицы. То, что Дашке пришелся по вкусу Тим, я не сомневалась. Но в глубине души искренне надеялась, что зерно симпатии не прорастает во что-то большее. Всё-таки Вольский был почти в два раза старше сестры и, к тому же, имел со мной достаточно близкие отношения. А это никуда не годилось, совсем не годилось.

— Тимур, ты будешь кофе? — На арену мама вышла. Заботой решила окружить

почтительного гостя.

Я даже не удивилась, что мама к Вольскому на "ты" обратилась. Видимо, в этом доме Тимурчик в любимчиках ходил, кроме меня, естественно. И когда он успел стать таким близким моей семье? Кажется, я вообще была здесь лишней, поскольку Тимур любезно принял приглашение, а Дашка даже торжественно его курточку взяла и в шкаф повесила.

— Алеся, а ты будешь кофе? — Наконец-то мама обо мне вспомнила, а я-то думала, что она дочь на зятя несостоявшегося променяла. Махнулась, так сказать, не глядя.

— Буду, — буркнула себе под нос, но Дашка услышала, от того и не упустила возможности очередную колкость бросить.

— Будет она. Видимо ночью совсем не спала. Посмотри, мам, на её вид помятый, как и платье. Кстати, Леська, где ты его порвать умудрилась? — бесцеремонно протянула сестрица, широко улыбаясь.

Щёки алым румянцем покрылись, когда Тим решил пронзительным взглядом в мои глаза посмотреть. Увидел что-то, видимо, от того и желваки на лице заиграли. Догадался, что ли, где я платье умудрилась помять и порвать? А с другой стороны, плевать мне было на Вольского и на всякие его там взгляды. Тот последний разговор, когда меня возвели в ранг "холодной королевы", все точки над "и" расставил.

Поэтому я со спокойной душой повернулась в сторону сдружившейся троицы и с самой ироничной ухмылкой на лице протянула:

— Не спала, представляешь? Только тебе, Дашка, ещё дорости надо, чтобы по ночам не спать и приходить в платье помятом на следующий день. Завидуй молча.

Опешили мои дорогие. Все до одного рот открыли от неожиданности. Да я сама не ожидала подобной дерзости. Но, честно признаться, совесть не проснулась, а наоборот. Внутренний голос ликовал, аплодируя стоя. Будет урок малолетке, как остроумием блистать. Это же Дашка перед Вольским выпендривалась. Думала в грязи меня искупать, как обычно. Глупая и маленькая совсем. Не понимала, что Тимур до неё абсолютно никакого дела не было.

— Девочки, не ссорьтесь, — мама первая в чувства пришла. На стол три чашки кофе поставила, а сама, сославшись на занятость, к печке юркнула.

— Я курить, — демонстративно взяла чашку и направилась в коридор.

— Лесья, хватит! — Окликнула мама. — Ты же будущая мать, куда ты куришь?

Тут Вольскому как-то плохо стало от последней фразы. Позеленел будто. Глазами зыркнул по сторонам, а затем на меня уставился:

— Ты беременная? — Протянул Тим.

Громко в голос рассмеялась, сотрясая плечи. Беременная? Тим действительно мог подумать такое! Вроде бы взрослый мальчик, а в чудеса верит.

Дружная тройка в немом вопросе уставилась на меня. Кажется, даже мама на минуту призадумалась из-за странной реакции Вольского на обычные нравоучения. Мама в голове что-то прокрутила, от того на лице струна печали отозвалась. Нравился ей Тимурчик. Еще тогда это поняла в больнице, когда мужики в палате сцепились, как подростки просто. Возможно, в другой жизни все могло быть иначе, не встретить я Ариевского. Но я его встретила по велению судьбы, и с этим уже никто ничего не мог поделать.

— Лесья, отвечай, когда тебя спрашивают, — мама тону строгости придала, скрестив руки на груди для большей убедительности.

— Не беременная я, с чего вы взяли этот бред? — В пору было всем средний палец

показать, но это больше было характерно для Дашки. Мне же оставалось пожать плечами и молчать, прикусив язык.

— Точно? — Все не унималась глава семьи Соболевых, пронзая в меня свой пронцательный взгляд. Даже поежится пришлось под строгим надзором голубых глаз, точной копией моих.

— Ты сомневаешься в моих словах, мам? — Протянула я уже с заметной грустью в голосе.

Мама отрицательно головой кивнула в ответ, а затем к печке вернулась, продолжая готовку по случаю Нового года. Только Тимур все никак успокоиться не мог. За мной поплелся на балкон, когда я все же покурить решила. Наедине оказались, как когда-то. Даже дежавю накрыло, словно волной. Совсем недавно с Тимуром так уютно было просто молчать, а теперь от одного только его присутствия в моем доме провалиться хотелось сквозь землю.

На балконе в дальний угол забилась. Кофе потягивала маленькими глотками, стараясь внимание сконцентрировать на чем угодно, лишь бы его не замечать. Но он другого мнения был на этот счет, по всей видимости. Не спрашивая разрешения, подошел слишком близко. Голову низко склонил, едва не упираясь подбородком в мое плечо. Встрепенулась на мгновение. Отойти в сторону хотела, да не получилось. Совсем к углу прижалась, не имея ходов к отступлению.

— Ты неприлично счастливой выглядишь. — Протянул еле слышно, но я все услышала. Каждое эхо грусти распознала. Не хотела отвечать на его реплику, да он и не требовал. Молча, стоял сзади меня, боясь еще один шаг сделать, что разделял наши тела.

— Извиниться хотел перед тобой, Леся, — монолог свой продолжил. Я заметно поежилась от холода. Сигарета была давно докурена, а кофе выпит. Причин находиться и дальше на балконе не было. Уйти решила. Резко развернулась на сто восемьдесят градусов и в грудь его упёрлась.

— Пройти дай, — в глаза его карие посмотрела, и грусть увидела в их глубине.

Его руки в плен взяли. Обвили мои плечи с особой пылкостью. Сопротивляться пыталась, да бесполезно. Ещё сильнее к себе прижал, а затем ничего лучшего не придумал, как одной свободной рукой за затылок схватить и губами впиться в мой рот. Укусила. За губу его укусила, отчего он взвыл, как раненый медведь просто. Секундной заминкой воспользовалась, разжимая объятия. Не позволил уйти. За руку схватил чуть выше локтя и на себя рванул. Колени подогнулись от такого маневра.

— Леся, я все еще люблю тебя. Прости меня, я очень виноват. Тогда не знал, что говорю. Злой был. Как тебя увидел в том соблазнительном пеньюаре, так самый худший вариант развития событий представил. Прости, пожалуйста, прости, — каялся Вольский, будто на исповеди. Только меня не проняло, совсем не проняло.

— Тимур, между нами все закончилось. Ничего уже не поменять. Не получилось, понимаешь? Живи своей жизнью, забудь обо мне, пожалуйста, — пыталась его вразумить. Пыталась донести, что в сердце моем нет места для него, и никогда не будет.

В лице поменялся. Серьезный вид принял. Волосы на голове взъерошил, а затем на меня взглянул снизу вверх:

— Хорошо. Иди, Леся, беги к своему инструктору. Я больше не держу тебя и больше не побеспокою, — разговор закончился. Тимур первым покинул балкон, а затем, попрощавшись с моими родственниками, покинул квартиру.

На душе должно было стать легче, но не стало. Будто скрипка плакала, надрывая струны. Какой-то сумбур творился в голове. Отпустил? Так легко? Говорил, что не отпустит, что своей сделает. Не поверила ему. Всё слишком просто закончилось. *А закончились ли?*

К вечеру голова разболелась. Несмотря на суету вокруг в преддверии Нового года, праздника я не ощущала. Не было настроения, хоть и посмотрела по рекомендации Ариевского знаменитую "Иронию судьбы". Даже салатик сделала и не один. Только всё не то было, всё не так. Пустота внутри поселилась, странная мгла. Будто к той чёрной комнате с чёрной кошкой вернулась. И даже любимый мужчина не смог развеселить, когда в назначенное время раздалась трель мобильного телефона. На звонок ответила, но без особого энтузиазма. Тимур это почувствовал сразу. Интонацию в голосе уловил и принялся расспрашивать, что к чему. Уклончиво отвечала, не желая говорить о сцене на балконе.

Мама долго возмущалась, что Новый год встречать буду не дома. Обиделась даже, поджимая губы. За Вольского ещё отругала. Пришлось целую тираду выслушать о том, что в девках до старости сидеть буду. Что таких мужиков как Вольский не бросают. Не суют им в руки тыкву позорную, а замуж бегут и детишек рожают. Не соглашалась с материнскими доводами.

Едва в грудь себя кулаком не била, доказывая обратное:

— Не люблю его, мам, понимаешь. К другому сердце тянется, не к Вольскому.

— А ты и не люби. Он за двоих тебя любить будет. Глупая ты, моя девочка. Ничего не понимаешь! Я жизнь прожила, мне виднее. Ничего хорошего не ждёт тебя с тем другим. Замуж не позовёт потому, что был уже женат. Потому, что нахлебался на всю жизнь вперёд. Не нужны ему теперь брачные узы. А ты так и останешься в любовницах — в лучшем случае. Леся, очнись, доченька. Тебе не всегда двадцать пять будет. Не всегда ты будешь стройной и красивой. Вон, смотри, смена подрастает, — мама в сторону Дашки показала и мне тогда совсем грустно стало от осознания правды.

Всё так и есть. Не всегда буду молодой, не всегда буду стройной. Жизнь быстротечна, как не крути. Но, что с сердцем делать, которое и слышать ни о ком другом не хочет? Как заставить себя жить с нелюбимым мужчиной? Как позволить ему губы свои целовать? Знаю, так многие живут, но я так не хотела. Не хотела быть одной из тех, кто замуж по нужде выходит. Любви хотелось, настоящей и взаимной.

Расплакались на кухне вместе с мамой. Выпили по несколько рюмок водки и тогда душа наружу вырвалась. Мама слушала обо всем, но молчала. О выкидыше рассказала, про Эдика, который голову морочил почти год. Хотелось с кем-то горечью поделиться. Надоело всю эту боль в душе носить, как багаж просто.

— Знаешь, доченька. Ты меня напомнила. Вот слушаю тебя и себя вспоминаю. По молодости в отца твоего влюбилась. Помню, как в груди было тесно от одного только взгляда. Роман был у нас изумительный. Любовь безумная. Да только сама знаешь, чем обернулось всё. Наигрался со мной, нагулялся, а потом к жене укатил в другой город. Вот тебя на память оставил. А Игоря, отчима твоего, не любила. Даже смотреть в его сторону не могла — так противен был. Но тебе отец был нужен, а мне — опора и поддержка. Замуж пришлось выйти. Бабушка твоя тогда настояла. Помню, как трудно первый год было. Он ко мне, а я от него. По углам едва не пряталась, да только время само всё решило. Влюбилась в Игоря, спустя годы. Просто в один день проснулась и поняла, что лучше мужчины и быть не может. Тогда я только и смогла узнать, что такое настоящая любовь. Оказалось, она совсем рядом была, даже руку не нужно было протягивать, — мама слёзы плотала, вспоминая

покойного отца, то есть, отчима.

Выпили с ней ещё по несколько рюмок, а затем в дверь постучали. Дашка ринулась открывать. Его голос сразу узнала, даже к порогу не нужно было идти. В сердце импульсы замешкались. По венам какая-то радость пронеслась.

"Нет. Моя история другой будет", — внутренний голос твердил.

С места вскочила и к нему галопом понеслась. Шею кольцом рук обвила, впиваясь в любимые губы. *Если невозможно счастье продлить, то можно хотя бы сполна его получить здесь и сейчас?* И неважно, что будет завтра. Важно, что сейчас имею.

— Соскучился, — к щеке прижался, шумно дыша.

За спиной шарканье ног слышалось. Мама. Наблюдала за нами, едва слёзы не глотая. Грусть внутри поселилась. Теперь я понимала, почему мама тогда так поступила. Зачем в больницу Вольского притащила. Чувствовала, что дочка пропадет. Да только не успела мама. Я с самого начала пропала, с первого урока по вождению.

Успенская вспомнилась со своей песней, даже язык за зубами пришлось удерживать, чтобы в голос не запеть:

«На него, на него я смотрю и понимаю — пропадаю я.

Ничего, ничего, ничего о нем не зная пропадаю я.

За него, за него все отдам и потеряю, пропадаю я.

Без него, без него, без него судьба другая — не моя».

— Береги её, Тимур, — обратилась мама к Ариевскому. — Она очень ранимая девочка, не разбивай ей, пожалуйста, сердце.

— Мам, — попыталась вмешаться я, но Тимур пальцами к губам прикоснулся, призывая молчать.

— Оксана Сергеевна, всё будет хорошо. Люблю я вашу Лесю. Жизни теперь без неё не представляю, — радостно заявил Тимур, а я уже лужицей растекалась у его ног.

Он любит меня?

Тимур смотрел перед собой на запорошенную снегом дорогу, а я не могла наглядеться на любимые руки, крепко держащие руль. Дышала через раз, вспоминая сцену на пороге моей квартиры. "*Люблю я вашу Лесю. Жизни теперь без неё не представляю*", — всё в голове крутилось по неизвестно какому кругу. Не ожидала. Даже думать не смела о подобных признаниях. Всё внезапно случилось, спонтанно. В чувствах признался прямо перед самыми близкими людьми. Удивил очень.

— О чём задумалась, лисёнок? — Знакомый голос раздался, вырывая из раздумий.

— О тебе, — призналась честно, улыбаясь. Последние полчаса я только и делала, что сияла, как новогодняя ёлка. Иначе нельзя было назвать улыбку, что с губ не сползала.

Мужская рука потянулась к моей. Тимур перекрестил наши пальцы, довольно улыбаясь.

— Я тоже о тебе думаю. Постоянно, — больше мы не говорили, пока не приехали к нему домой. Да и говорить было не зачем. Когда два влюбленных сердца бьются в унисон, слова не нужны. Все чувствуется и понимается на интуитивном уровне просто.

За десять минут до полуночи мы попали в квартиру Ариевского. В спешке скинули верхнюю одежду и принялись накрывать на стол еду, купленную в ресторане. Тимур открывал шампанское, а я расставляла тарелки под монотонную речь президента, поздравляющего по телевидению. Начался обратный отсчёт времени.

Смотрели друг другу в глаза, каждый думая о своём. Когда начали бить куранты, я потянулась к мужчине, вставая на цыпочки. Одной рукой обвила его за шею, а другой — за талию.

— Я люблю тебя, Ариевский Тимур Олегович, — в любви призналась впервые в жизни.

— И я тебя, лисенок, — губы его мой рот накрыли. Нежно целовались под бой курантов.

— С Новым годом, — над ухом его протянула.

— С новым счастьем, — вторил любимый мужчина, прижимаясь лбом к моему.

Еда на столе так и нетронутой оказалась. Да какая там еда, когда любимый мужчина своим телом в бёдра вжался. Возникшая энергетика снова крышу снесла обоим. Тормоза по привычке отказали. Жадные губы поцелуи срывали. Руки блуждали вдоль всего тела. Тимур пальцами линию очертил вокруг сокровенного места, а я едва не задохнулась от внезапной волны. К груди его прижалась, желая ещё ближе стать. Так и вскрикнула, когда он к себе спиной развернул, а затем, задрав вверх платье, повторил вчерашний марафон.

Страсть разум загуманила. Я только дышать успевала через раз. Волосы на столе рассыпались веером. Пальцами ухватила за кромку, сжимая до побеления костяшек. На лбу знакомая испарина выступила. Наслаждение себя долго ждать не заставило. Волной накрыло, срывая с губ громкий крик. Тело в его руках трепетать принялось. Обмякла совсем. Колени предательски подогнулись от сладкой истомы. По позвоночнику мурашки пробежали.

— Моя. Сладкая. Любимая. Девочка. — Каждое слово отдельно произнёс, вкладывая особый смысл.

— Твоя, — вторила ему таким же особым шёпотом.

Мир перестал существовать этой ночью. Никому не было место в этом доме, кроме нас двоих. Любовь, как крепкий выдержанный напиток, в голову ударила. Опьянели совсем,

пребывая в каком-то непривычном физическом состоянии.

Душ решили вместе принять. Долго стояли под струями горячей воды, рассматривая друг друга. Его нежные руки с особой заботой растирали мои плечи мочалкой, спускаясь всё ниже и ниже. Я наслаждалась его ласками, пытаюсь отвечать взаимностью. Робко коснулась бицепсов, локтей, проводя извилистые линии до кончиков пальцев. А затем к спине его дотронулась, и ощутила, как перекачиваются мышцы под моими ладонями. Тимура надолго не хватило. На руки поднял и прижал моё тело к кафельной плитке. Так и продолжили второй раунд прямо в душе. Было в этом продолжении что-то новое, необычное, но не менее страстное, чем на праздничном столе. Кульминация настала в этот раз одновременно. В поцелуе глубоко слились, выдыхая друг другу в рот тихие стоны.

Из ванной комнаты на руках нёс. К широкой груди прижимал и шептал на ушко "Любимая". Не верилось в счастье необъятное. Казалось, что в другое измерение попала. Чтс не по правде всё, не по-настоящему.

Оказалось, что иногда так бывает, когда любовь приходит неожиданно, как инфекция какая-то. Забирается тебе под кожу и ждёт звёздного часа, пока в один миг весь организм не охватит, пока не завладеет каждой живой клеткой. Любовь к Тимуру будто неизлечимая болезнь нагрянула. С первого самого слова, с первой моей фразы *"Все-таки решил спасти добро, чтобы не пропало"*. Так всё и получилось, только не спас он меня, а пропасть заставил. Пропасть надолго, как никогда раньше не пропадала. Настолько глубоко его любовь проникла, кажется, даже в ДНК пробралась.

Нетронутую еду пришлось в холодильник убрать. Тимур с нескрываемым энтузиазмом помогал в этом деле, а затем, уже в кухне, животом к моей спине прижался. Сердце учащенно забилось, несмотря на усталость во всём теле. Сколько уже раз за сутки было? Видимо, правду говорил, обещая любить меня, пока в порошок не сотрётся. И откуда в нём столько страсти?

Я игриво бёдрами вильнула, прижимаясь ещё ближе. Губу закусил, когда его горячее дыхание кожу обожгло.

— Ненасытная девчонка, — шёпотом протянул, кусая за мочку уха. — Лисёнок, я ведь не от батареек заряжаюсь. Мне иногда спать приходится.

— Слабак. — Подначивать принялась, зная, к чему всё это приведёт. — Тебе же, вроде бы, тридцать четыре, верно? Или ты в паспорте дату рождения на два десятка уменьшил?

Громкий хохот раздался на всю квартиру. Тимур в голос смеялся, сотрясая плечи. А затем резко к себе развернул. Лицом к лицу оказалась. Снова в глубине его глаз утонула. Интересно, что лужицей не растеклась у ног. Видимо, организм противоядие начал вырабатывать от инфекции под названием *"Ариевский. Личный кошмар. Ты пропала, Соболева. Версия один, точка, ноль"*.

— Уменьшил, а заодно и пластическую операцию сделал, чтобы тебя закадрить, — подмигнул игриво, а потом серьёзным стал, как депутат на политических дебатах. — Откуда тебе известно, сколько мне лет? Я не говорил, помнится.

Тимур ожидать принялся. Смотрел с высоты своего роста, будто книгу читал. Я нервничать начала, вспоминая подробности знакомства с его биографией.

— Фотокопию твоего паспорта видела, — ответить всё же пришлось, отчего голос заметно дрогнул.

— Где? — Серые глаза пронизательно скользнули вдоль всего овала моего лица.

Внутри даже узел затянулся от такого пристального внимания.

— Тим показывал, — глубоко выдохнула, пряча взгляд в пол.

— Даже так?! — Тон его голоса не понравился. Мы, будто в прошлое вернулись, когда Ариевский откровенно хамил мне при каждом удобном случае.

— Даже так, — ответила с какой-то горечью, что ли.

Тимур объятия разжал и как-то неуютно стало, непривычно. Не понятная струна натянулась в наших отношениях. Предчувствие конфликта не покидало сознание. Нервничать принялся, это сразу заметила.

— Леся, что у вас с ним за отношения были и почему он тебе показывал копию моего паспорта? — Тимур в сторону отошёл, а затем из шкафчика пачку сигарет достал и предложил одну мне. Согласилась. Приняла из его рук сигарету. Дрожащими пальцами курить принялась, выдыхая серый дым в открытую форточку.

Минутное молчание позволило с мыслями собраться. Я знала, что разговор рано или поздно случится, но оттягивала его до последнего, как могла. С прошлым Ариевского мы всё выяснили, а вот с моим — так и не разобрались.

— Тимур, ты действительно хочешь это знать? — Ариевский согласно головой кивнул в ответ. — Боюсь, тебе не понравится.

— А ты попробуй, лисёнок. Хотя, я и так догадываюсь о чём речь пойдёт, — серые глаза заметно прищурились, а губ кривая ухмылка коснулась.

— Тим замуж предлагал, а паспорт твой показал, чтобы к тебе интерес потеряла, — осмелилась одну десятую долю правды сказать.

— А ты, значит, не согласилась. Чего так?

— Не любила его. К тебе тянуло с самого начала, — сигарету докурила, затушив в стеклянной пепельнице.

— Как долго вы вместе были? — Всё не унимался Тимур.

— Меньше месяца.

— И замуж позвал? Это сейчас так модно у мажоров?

Насмехаться принялся, а мне как-то не по себе, что ли, стало. И даже за Вольского немного обидно. Почему Тимур его мажором считал? Тим ведь совсем не такой. Да, он обеспечен, но это только его заслуги, насколько мне известно. Свои деньги Вольский сам зарабатывал. На голову с неба они не сыпались, да и не на родительской шее сидел.

— Он не мажор, Тимур. Ты не знаешь его! А замуж позвал, потому что влюблён был давно. Ещё до нашего официального знакомства. — Едва не воскликнула в защиту Вольского, отчего Тимур удивленно повел бровями.

— Даже так? — Знакомая фраза кольнула где-то в сердце. Опять эта надменность в голосе послышалась.

— Ты повторяешься, — хотелось тему закрыть и не вспоминать о Вольском никогда.

— Знаю. Ладно, лисёнок, не хочу больше о твоём бывшем слышать. Всё в прошлом, так ведь? — В глаза мои посмотрел, ожидая ответа, а я и ответила, одобрительно кивая головой. — Идем спать. Надо мои батарейки подзарядить.

И мы действительно пошли спать, точнее только Тимур пошёл, меня же на руках отнесли до самой кровати. Голова только подушки коснуться успела, как любимый мужчина в глубокий сон провалился. Я, в свою очередь, долго не могла заснуть. Крутилась, вертелась, да тщетно. Сон не приходил. Решила ещё одну сигарету покурить и в мыслях разобраться, что в покое не оставляли.

В сумочке мобильник завибрировал. В спешке рванула в прихожую, чтобы побыстрее на звонок ответить, не разбудив Тимура.

— С Новым годом, — низкий грудной голос раздался по ту линию провода.

— С Новым годом, Тим, — прошептала, оглядываясь по сторонам.

— Хочу тебе пожелать исполнения всех желаний, хочу, чтобы ты счастлива была, Алесенька, — голос его дрогнул на моём имени. Я даже представила, как на мужском лице мускул заиграл. Так и виделась отчетливая картинка.

Да я и так слишком счастлива была, уже. Но ему не стала об этом говорить, чтобы соль на свежую рану не сыпать. И так на душе было слишком паршиво от осознания того, что сердце Вольскому разбила. Да не разбила даже, а растоптала ногами в грязи. Мама весь мозг промыла, хорошенько отчитала, приводя весомые доводы. Всё так и есть. Несправедливой я была к Тиму. Зачем надежду давала, зачем на поцелуи его отвечала, когда в душе ничего не ёкало? Нельзя было так поступать. Неправильно, не по-человечески, что ли.

— Спасибо, Тим. Взаимно. Будь счастлив, — вежливо ответила, а сама губу закусила, чтобы лишнего не сказать.

В голове его фраза помнилась, что я неприлично счастливой выгляжу. Так и было, на все сто процентов. Счастлива до неприличия в глазах общества.

— Не надо, Лесь. Счастливым без тебя? Смеёшься? — В голосе грусть уловила и ещё какие-то-то странные ноты. Выпил похоже.

— Извини. Не хотела, — в пору было вызов завершить и удалить номер Вольского из телефонной книги. Первое, как раз, я была в состоянии сделать прямо сейчас, а вот со вторым пунктом почему-то не торопилась.

— Я твоей маме подарок передал. Прими его, пожалуйста. Он от чистого сердца. — Шумно дышать принялась. Подарок? Разве есть поводы его дарить? — Это в честь Нового года, Лесь. Я давно его приобрел, задолго до всех событий.

— Не нужно было, Тим, — хотела отказаться от подарка. Неправильно это всё. Так не должно было быть, но было. — Ты ставишь меня в неловкое положение.

— Лесь, просто прими его и все. Не захочешь пользоваться, то сестре отдашь, но только мне не возвращай, договорились? Пожалуйста, — протянул умоляюще.

В ответ, я ком в горле проглотила. Сзади шарканье ног послышалось. Вздрогнула от неожиданности, когда Ариевский в дверном проеме показался. Неужели разбила?

— Хорошо. Извини, мне идти нужно, — виновато голову опустила, стараясь не смотреть в глаза цвета стали.

Тимур к дверному косяку спиной прижался, скрестив руки на груди. На меня смотрел, пытаюсь понять происходящее.

— Если что-то будет нужно, то обращайся. Я к твоим услугам, всегда. — Вызов завершила первой. Устало потерла сонные глаза, а затем взгляд на любимого мужчину обратила.

Ариевский продолжал молча стоять. Смотрел на меня вопросительно, ожидая объяснений. А объяснить, как раз, я не хотела. Слишком запуталась в этих отношениях "Тимур, Лесь, Тимур". Кто-то в этом замкнутом круге был третьим лишним и, надеюсь, что это была не я.

Отвернулась в сторону, пытаюсь выиграть время, чтобы красный румянец прошёл. Чтобы не заметил, как внутри всё трепетало. Да только Тимур давно эту школу проходил, не обвести вокруг пальца. Не скрыть осадки грусти, что душу съедали до каждой живой клетки

просто.

— Я жду объяснений, если ты ещё этого не поняла, — в интонации властные нотки послышались.

Не уйти от разговора. *Всё, пропала, Соболева. Не избежать очередной карусели. Лучше за стул крепче держись на крутых поворотах.*

— По телефону говорила, — протянула уныло, едва не запинаясь на каждом слого.

— Вижу, что не со стулом, — ухмыльнулся криво на одну сторону, а меня аж передернуло от услышанной иронии. — Ты говорила с ним?

Головой еле заметно кивнула в ответ, но только он все заметил. К стене спиной прижался, скрестив руки на груди. Ожидающую позицию занял, не делая шагов вперед. Просто смотрел, просто размышлял о чем-то про себя. Мне лишь оставалось по глазам его читать, что никогда раньше не умела. Да и сейчас не смогла. Не разобрала ни единой фразы, ничего не смогла понять.

— И что мы будем делать? — Наконец-то Ариевский затянувшееся молчание прервал.

— Не знаю, Тимур. Я тебе все сказала. С тобой я, а не с ним, — пыталась в глазах его ретироваться. Пыталась честной быть, да только не оценили мою честность. Не поняли искренних признаний.

— А мне, кажется, что мажор твой всегда будет нашей тенью. Тебе же нравится такой вариант, так ведь, Алесья? Нравится, что запасной аэродром ожидает на случай неудачной взлетной полосы.

Крикнуть захотелось. Громко и в голос. Чтобы весь мир услышал, что не нужен мне Вольский. *Не нужен этот запасной аэродром.* Да только не крикнула, не пискнула даже. К Ариевскому на ватных ногах подошла и на месте застыла, боясь личное пространство нарушить.

— Все не так. Ты неправильно понял, неправильные выводы сделал. Извини, я слишком устала, чтобы продолжать этот бессмысленный разговор, — уйти решила. Шаг в сторону сделала, но только на этом все и закончилось.

Тимур за руку схватил чуть выше локтя, притягивая к себе вплотную. А затем пронизательным взглядом впился в овал моего лица:

— Леся, я не прощаю измен, никогда. На будущее тебе, если что. Ты теперь моя и точка. Узнаю, что этот молодой кобель около твоей юбки околачивается, расстанемся сразу же.

Опешила просто. К полу приклеилась просто. Дар речи отняло от слов вышесказанных. *Значит, расстанемся?* Вот, как он ценит наши отношения, *а ценит ли?* Тимур готов был бороться из-за меня, секс случайный простил даже, а этот и слышать ничего не хочет. Сразу все точки над "И" расставил. Перед фактом поставил.

Головой кивнула в ответ. Дар речи так и не вернулся. В спальню пошла, а затем, уткнувшись лицом в подушку, одинокую слезу пустила.

Утром, как ни в чем не бывало, Тимур прежним стал. Поцелуем нежным разбудил, сдувая упавшие волосы на мое лицо. Зажмурилась, не желая просыпаться и приятный сон прерывать. *Он снился. Мы в танце кружились. В свадебном...*

Проснуться все же пришлось, поскольку кое-что в ягодицы уперлось, в ожидании нового раунда. Батарейки подзарядись у Ариевского, по всей видимости. Так и началось утро со знакомого тандема переплетенных тел на широкой кровати. Все произошло быстро и с кульминацией у двоих. По-другому у нас не получалось, настолько идеально подходили друг другу в постели.

Домой к обеду вернулась. На пороге квартиры Дашка встретила, едва не возмущаясь:

— Ну так нечестно. Почему я должна Новый год с мамой встречать, а Леська — нет?

— Потому что кому-то подрасти нужно, — в шутку за нос сестру ущипнула, та в ответ язык показала.

Мама на горизонте показалась, держа в руках небольшую коробочку в праздничной упаковке. Сердце в пятки ушло. Это же подарок Вольского. *"Удивительно, но от Ариевского я так ничего и не дождалась"*, — внутренний голос проснулся и тут же был выгнан из головы.

— Это тебе, доченька. Тимурчик ночью приезжал. Просил лично в руки передать, — в сердце печальная струна задержалась от интонации в голосе, с которой мама "Тимурчик" произнесла.

Взяла коробку из материнских рук и в комнату направилась. Оставшись наедине, решила распаковать подарок. Пальцы заметно дрожали, снимая обертку. Глаза не сразу поверили в увиденное. Моргать принялась быстро-быстро, да только подарок никуда не исчезал и все также продолжал лежать на моих коленях. Оригинальный айфон последней модели. С ума сойти просто! К телефону записка прилагалась *"Включи меня"*. Послушалась. А затем, следуя указаниям записки, запустила музыкальный плеер, в котором была всего одна песня:

*"Я ніколи нікому тебе не віддам,
Хочу бачити, чути, любити щодня...
Я ніколи нікого ще так не кохав,
Я так довго, так довго на тебе чекав..."*

Скоростной поезд мчался по рельсам, останавливаясь лишь в больших городах на несколько минут. За окном мелькали: белоснежные поля, голые кроны деревьев и где-то вдалеке одинокие домишки.

Я решала сканворд, уткнувшись лицом в гляцевый журнал. Соседка по купе, Кононова Яна, неугомонно щебетала под боком. Её словесный водопад переходил все границы дозволенного. Она без умолку ведала истории из личной жизни, как своей, так и вовсе незнакомых мне людей.

Впору было уснуть, чтобы избавиться от навязчивого белого шума, но сон никак не приходил. Стоило только закрыть глаза, как передо мной появлялся *он*. Наша последняя встреча отчётливо жила в памяти. Тимур привез меня на железнодорожный вокзал, а затем долго не выпускал из своих объятий. Много целовал, то нежно, то страстно, срывая с губ негромкие стоны. Потом ещё долго не могли проститься. Приклеились друг к другу прямо там, на перроне. Всё никак не могли оторваться и свыкнуться с мыслью о вынужденном расставании на целых три недели! Рабочая командировка предполагала мой отъезд в столицу, чего Ариевский совсем не ожидал. Да и я не ожидала. Точнее, командировка была плановой, вот только я о ней забыла, охваченная не учебным романом с самым лучшим мужчиной на планете!

Из воспоминаний меня вырвал высокий голос Яны. Девушка с шумом плюхнулась на койку рядом со мной, а затем принялась что-то искать в недрах дорожной сумки.

— Нашла, — победно произнесла Кононова, доставая из сумки бутылку. — Настойка, домашняя. Будем пробу снимать.

— Боюсь, что одной пробой не закончится. Что-то тут многовато для пробы, — на столе стояла литровая пластиковая бутылка с темной жидкостью.

— Соболева, а тебе, что плохо? Когда ты ещё сможешь расслабиться? Жизнь ключом бьёт, подруга! Нужно ловить момент, — задор в глазах Кононовой был сравним с детской радостью. Она с энтузиазмом накрывала на стол заранее приготовленные бутерброды и какой-то салат. Затем в ход пошли маринованные огурцы, картофель в "мундирах" и куриные яйца, сваренные вкрутую.

Я только укоризненно головой качала, представляя ярое похмелье на утро после, так званой, пробы домашней настойки. Вскоре Яна наполнила первые рюмки, точнее пластиковые стаканчики, приготовленные заранее к случаю. Ухмыльнулась нарисовавшейся картине. Янка с самого начала спланировала поездку в поезде, не забыв прихватить бутылку напитка, чтобы запивать алкоголь.

— Ну, подруга, за нас красивых, за них неверных, за нас... — я рукой потянулась ко рту Кононовой, не позволяя завершить знакомое высказывание.

— Янка, за себя говори! Давай, просто за нас, без всяких там красивых, неверных и офигенных! — Первая рюмка была выпита. Скривилась даже от крепости напитка. — Кононова, ты же говорила, что это настойка.

— Ну, да. Настойка. Бабушкина, — довольно улыбнулась подруга, погружая в рот маринованный огурец.

— Да, какая, твою мать, настойка? — Ругаться принялась, не скрывая возмущения. —

Это самогонка крашенная! Сколько здесь градусов?

Кононова театрально глаза закатила на мою реакцию и тут же принялась разливать в пластиковые стаканчики новую порцию.

— Не самогонка, а настойка на ореховых перепонках. Неуч, ты, Леська! Это же домашний дистиллят! Эксклюзив, так сказать, — ответила Янка с самым серьезным выражением на лице.

— Дистиллят? Самогон, он и в Африке — самогон! Времена дефицита "Столичной" водки закончились, неужели, сейчас выгодно гнать самогон? Бабуля бизнесом занимается? — Кононова залилась громким смехом, красноречиво отвечая на мою реплику.

— Да какой там бизнес? Для своих только. Эх, Соболева, ты не в тренде совсем! Сейчас такие дистилляты за бешеные деньги продают. Этикету красивую наклеил, возле графы "мастер" подпись поставил и все! — Я удивлённо бровью повела.

— Не знаю. У меня не такой широкий кругозор в отношении дистиллятов, как у тебя, Яныч! — Дальше в нашем маленьком купе становилось всё жарче и жарче.

Окружающая атмосфера повышалась на градусы и настроение заметно улучшилось. В скором времени к нам присоединились две женщины. Кононова тут же нашла с ними общий язык. Так и закончили вечер, распивая знаменитый домашний дистиллят всей честной компанией!

А на утро, когда проснулась и решила позвонить любимому мужчине, обнаружила пропажу. Вчерашние милые попутчицы бесстыже украли мой мобильный телефон, который я доверчиво положила на стол возле себя. Негодованию не было предела. Я рвала и метала, ругая себя за неосмотрительность. Разве забыла, как в поездах вещи воруют? Разве можно доверять чужим людям?

К моему глубокому сожалению, мамин номер телефона был единственным, который я знала на память. Это открытие поразило до глубины души. *Твою дивизию, Ариевский же теперь с ума сойдёт от волнения!*

Как было на самом деле, я не знала. Маму, конечно же, поставила в известность, воспользовавшись телефоном Кононовой. А вот с Тимуром обстояло совсем иначе. Номер телефона мне восстановили только спустя сутки. Забрала карточку из ближайшего сервис центра и первым делом вставила в подаренный Вольским айфон. Да знаю, что не должна была принимать подарок Тима, но почему-то приняла. И даже Дашке не подумала его показать, не то, чтобы дарить. Обойдется сестрица. В мои двадцать пять лет это был первый в жизни айфон! И хорошо, что я с собой его взяла, надёжно спрятав на дне дорожной сумки. Всё боялась, что сестрица найдет его в комнате, пока меня не будет.

Шли вторые сутки, как мы с Кононовой пребывали в рабочей командировке. Банк оплачивал съём однокомнатной квартиры и выделял "суточные" на личные расходы. В целом получилось неплохо. В наши трудовые обязанности входило посещать тренинги в главном офисе для повышения квалификации.

Я откровенно зевала на лекциях, мысленно витая в другом городе. Сердце рвалось к нему. В душе плакали печальные струны. *Он не звонил.* Мне же только оставалось ждать. Не было ни одной ниточки, ведущей к Ариевскому. Ни странички в социальных сетях, ни контактов общих знакомых. Хотя, однажды я осмелилась набрать номер автошколы, который нашла в интернете. Но, к сожалению, мне любезно пояснили, что личный номер мобильного автоинструктора является конфиденциальной информацией. Так и осталась ни с чем и снова томительное ожидание.

По вечерам было хуже всего, хоть волком вой. Кононова засыпала сразу же, как только голова касалась подушки, а я... Сидела в кухне до полуночи и курила сигарету, одну за другой просто. Нервничала очень, не понимая происходящее. *Почему Тимур до сих пор не набрал меня? Неужели, у него тоже украли телефон?* Эту мысль внутренний голос сразу же прогнал. Не бывает таких совпадений и, к тому же, у Тимура была возможность узнать мои контакты. В личном деле в автошколе, на работе в банке, домой ко мне приехать, в конце концов. Но он, почему-то, не торопился, и это сбивало с толку, очень.

Жизнь медленно, но уверенно, теряла смысл. Просыпаться по утрам становилось труднее. А когда, всё же, заставляла себя подняться с постели, то обнаруживала опухшие глаза в зеркальном отражении. *Да, я плакала, каждую ночь.* С ума сходила от гнусных мыслей, что в подкорку пробрались и съедали изнутри здравый смысл. *Бросил меня?* Нет, это я не признавала до последнего, пока в один день на экране айфона не высветился незнакомый номер.

Надежда появилась и сразу же умерла, когда на том конце провода незнакомый мужской голос произнес:

— Привет, Алесья. Я Артём — твой новый автоинструктор.

Земля ушла из-под ног. Я даже на пол села от услышанного.

— Когда будем кататься? Хочешь сегодня? Или ты занята? — Копаясь в своих мыслях, я не сразу поняла, что мужчина ожидал ответа. Более того, я вообще не поняла, что Артем был тем инструктором, у которого я планировала обучаться с самого начала.

— Лесья, ты ещё здесь? — Протянул Артем, а я рукой рот зажала, чтобы в голос не разреветься.

Тут на горизонте Кононова показалась. Заприметив меня сидящей на полу, сразу же на колени рядом упала.

— Леська, что случилось? Чего реवेशь как белуга? — Я только рот открывала, хватая воздух, будто рыба на суше. В груди тесно стало, едва не задыхалась от горечи.

Янка телефон у меня отобрала и принялась расспрашивать собеседника по ту линию провода.

— Да Вы, что? Не может быть! — Воскликнула подруга, поглядывая в мою сторону.

В скором времени Кононова завершила вызов. Положила мой телефон на кухонный стол, а сама принялась сигареты искать. Когда нашла, подкурила одну и протянула мне.

— Кури, Соболева. Тебе сейчас надо это! — Я взгляд подняла на подругу, а затем стала слушать, впитывая каждое слово.

— Значит, так. Твой Тимур из автошколы уволился на прошлой неделе. А ещё, он в другой город переехал. Этот мужик сказал, что его на прежнем месте восстановили. Ты вообще знаешь, что Ариевский твой — мусор? — Я сигарету едва не проглотила от неожиданности.

— Кто? — Переспросила, застыв в недоумении.

— Конь в пальто! Мусор — говорю! Ну, в смысле, полицейский, как сейчас это модно. Ну, ты чего? Язык проглотила? — А дальше, все как во сне было.

Не я это была и не со мной будто. Водки напилась с Янкой. Много. Настолько много, что через пару часов живительная жидкость наружу попросилась. Так и провела полночи в обнимку с "белым другом". А утром ещё хуже стало. Удивительная женщина в зеркале встретила. Даже испугалась её паршивому виду и не сразу поняла, насколько вчера хреново было.

На тренинг не пошла. Целый день на кровати провалялась, слушая тишину. А затем руки сами потянулись к телефону. Отыскала в интернете музыку и принялась слушать душераздирающие песни. *Напрасно!* Ох, как напрасно звучал трек Ирины Билык "Нас нет": *Незаметно уходит день, мы свою отпускаем тень на свет, на свет. Все равно, что там за окном об одном мысли, об одном, нас нет, нас нет.*

На душе ещё хуже стало. Пелена перед глазами появилась. Осмелилась Артёма набрать и попросить номер Ариевского. Инструктор даже спрашивать не стал зачем, а просто скинул номер в смс. Да только никто не ответил на звонок, когда дрожащие пальцы нужные цифры на дисплее набрали. *"Абонент находится вне зоны доступа сети"*, — красноречиво пояснил женский голос. В этот момент я умерла, кажется...

Так и провела остаток рабочей командировки, словно живой труп. На кровати лежала с утра до вечера, не желая есть и пить. Хотя пить всё же приходилось. Когда в горле царапало, будто осколками стекла, глоток воды был как раз то, что нужно. На большее желаний не было. Даже курить не хотелось. Кононова прикрывала меня, как могла. Хотя я точно знала, что получу по первое число от руководства, когда вернусь домой. Заболеть во время рабочей командировки — не самая убедительная причина, ведь так?

Я не знала, что делать дальше. Да что там делать, жить не знала как. Всё потеряло смысл, всё потеряло ценность. Мир стал серым и угрюмым без него. На скелета, обтянутого кожей стала похожей, со слов Кононовой. Понятное дело: не есть целую неделю, а, может, и больше. Ничего не хотелось. Точнее хотелось, но знала, что невозможного. Хотелось домой к нему прийти и в дверь постучать. А затем, когда она откроется, в глаза цвета стали посмотреть и спросить: *"Почему? Почему ты так поступил со мной, Тимур"*. В голове только и крутилось *"Почему"*. Почему ничего не сказал. Почему уехал, не предупредив. Почему ни разу не позвонил. *Почему бросил меня, ведь бросил или нет?*

Меньше всего мне хотелось думать, что меня бросили. Бросили, как вчерашний билет в кинотеатр. Попользовались, посмотрели, получили эмоции и всё, в мусорный бак. Дежавю волной накатывало снова и снова. Внутренний голос масла в огонь подливал, всё приговаривал: *"Соболева, ничего не меняется. Мужикам от тебя ничего не нужно, кроме интима. Ты прочитанная книга, затертая до дыр просто"*.

Пыталась оправдание Ариевскому придумать. Даже решила, что поверю в любой бред, который он скажет. Всё прощу, лишь бы объявился. Лишь бы к себе прижал и на ушко прошептал *"Любимая моя"*. *Его, безусловно, я была его. До каждой живой клетки, до каждого протяжного импульса, что внутри скользил от макушки до кончиков пальцев.*

Командировка к концу подошла. Утром нужно было возвращаться домой, а значит, в реальность. Это тут я могла лежать овощем на кровати и хаять судьбу, а дома нужно было жить. Как-то жить, а может быть, выжить. Скорее всего, последнее. Когда раздалась трель мобильного телефона, в сердце надежда поселилась. Я до последнего надеялась, что это звонил Тимур. Но это оказался не Тимур. Точнее, Тимур, но совсем не тот.

— Привет. Как дела? — радостно Тим воскликнул, едва я на звонок ответила.

Попыталась сдержаться, чтобы голос не дрогнул. Чтобы ни единой волнительной нотки в тоне не послышалось. Но не смогла, не получилось. Плохая из меня актриса вышла.

— Алесенька, что-то случилось? — Волноваться принялся Вольский. Всё расспрашивал, что да к чему. Не отвечала. Просто сказала, что настроения нет, что заболела. Инфекцию подхватила просто.

Да и не соврала ведь. Действительно заболела, действительно знобило всю до дрожи.

Правда, имя у той инфекции странное было. Такой даже всемирная организация здравоохранения не признала, в отличие от моего сердца.

— Где ты, Лесь? Я приеду. Рядом буду, — едва в голос не засмеялась истерически. Приедет? Гордости совсем нет, что ли? Зачем пресмыкается передо мной, когда знает, что будущего нет? Что не люблю его и никогда не смогу полюбить.

— Не нужно, Тим. Всё нормально. У меня Янка под боком. Знаешь, какая она помощница? — Разговор на непонятной ноте закончился. Вроде бы, Вольский решил в покое оставить, но как-то быстро слишком, как мне показалось.

А посреди ночи снова трель мобильного телефона раздалась. На экран даже не взглянула, отвечая на звонок. Решила Вольского отчитать за то, что в покое никак не оставит. Что дышать спокойно не даёт со своей заботой ненужной.

— Тимур, я сплю вообще-то. Сказала же, не нужно никуда приезжать! Без тебя разберусь, — интонации строгость придала, надеясь, что не переборщила с грубостью.

— Даже так? — Обомлела. Душа в пятки ушла просто.

— Ты? — Неуверенно протянула, погружаясь всё больше в ступор.

— Я, — ответил, как отрезал.

Слёзы горло задушили. Язык будто проглотила. В голове туман появился, а перед глазами — пелена. На ватных ногах на балкон поплелась. На табурет присела, чтобы с ног не свалиться от волнения. Курить принялась. Долго зажигалку не могла зажечь. Всё чиркала и чиркала колёсиком, пока его голос не раздался: *"Куришь?"*.

— Курю, — тихо ответила, затягиваясь серым дымом.

— Я тоже, — в трубке услышала, как он глубоко затянулся, а затем шумно выдохнул. — Как твои дела? Как командировка?

— Правду сказать? — Замешкался в ответ. А затем протянул "Угу". — Паршиво, Тимур. Настолько паршиво, что даже не знаю, что ответить.

— А ты попробуй, — обыденным тоном произнес, а я даже иронично ухмыльнулась. Всё у него так просто, так легко!

— Тебя когда-нибудь предавали? — Осмелилась разговор продолжить, закуривая вторую сигарету.

— Всякое бывало, — слишком быстро признался.

— А так, чтобы в сердце болело? Так предавали? — Голос дрогнул, а вместе с ним и печальная струна в душе.

— У меня нет сердца.

— Я так и поняла. Иначе, не могу найти оправдания твоему поступку. Одно хочу спросить. Почему, Тимур? — Смелости набралась, и ждать принялась. Вот только совсем не ожидала, что ответ настолько честным будет.

— А ты и не ищи, Лесья. Сам не могу найти. Я звоню не затем, чтобы отношения выяснять. Извини, не любитель подобных сцен. Ты у меня дома свою серёжку забыла. Я тебе её по почте вышлю, ладно?

— Ты не офигел, Ариевский? — Дальше было много текста. Я просто с цепи сорвалась, высказывая все, что в душе накипело.

Он долго слушал, а затем всё-таки сказал:

— Глупая ты девочка, Алесья. Так ничего и не поняла. Да и ладно. От своей мечты не отказываются, даже ради любви. А любовь в моей работе — совсем ни к чему. Извини, Лисёнок. Но есть вещи гораздо важнее, чем хороший секс.

Вызов завершился, даже не прощаясь. Я долго не могла поверить в услышанное. Кажется, ещё минуту в ступоре пребывала, а затем крышу снесло. Голова с катушек слетела просто. Во все горло заорала "Ненавижу". Повторяла, как мантру одно и то же слово. На мой крик Кононова прибежала. К груди трепещущее тело прижала, приговаривая: *"Всё хорошо. Все будет хорошо. Скоро, Тимур приедет"*. А я даже слушать не хотела. От одного только имени на рвотный рефлекс тянуло.

И он приехал. Действительно. Утром проснулась и первым, кого увидела перед собой, был сидящий на полу возле кровати — Вольский. Даже моргать принялась быстро-быстро, думая, что снится мне. Но только он настоящим был, из крови и плоти. Смотрел на меня с какой-то грустью в глазах, а мне было впору *сдохнуть* ночью, прямо на том балконе.

Труднее всего было первый месяц. Каждый день был похож на предыдущий. Работа, дом, автошкола. Всё вращалось по знакомому кругу, будто по расписанию в школьном дневнике. Я чётко знала, что ожидает в понедельник утром, а что — в пятницу вечером. Жить заново училась, снова. Пыталась в руки себя взять, чтобы на тряпку перестать быть похожей, чтобы стимул новый обрести. Да только не получалось. Совсем не получалось. Ночью, когда одиночество в свои сети поглощало, задохнуться хотелось. Хотелось глаза закрыть и никогда не просыпаться. Понимала, что глупо всё это. Понимала, что давно уже не в том возрасте, чтобы из-за безответной любви так убиваться. Ведь проходила эту школу. Наступала на эти же грабли. Ведь выжила, так?

В себе закрылась, никого близко не подпуская. С подругами общаться перестала. Не было желания изображать счастье, которое у меня ассоциировалось с болью. Именно боль мне оставил в награду Тимур. Видимо, я слишком была счастлива за то короткое время, что мы были вместе, а теперь приходилось платить по счетам. И я платила, по полной. Себя всю растеряла в этой любви. На крупички рассыпалась, забыв о том, кто я есть. Не было больше Соболевой Алеси. Нынче в зеркале отражалась грустная женщина с явным унынием на лице.

К новому инструктору привыкла сразу. В отличие от Ариевского, Артем был мягким и добрым от природы. Никогда не повышал голос. Никогда не ругал, если допускала ошибку. И даже, когда однажды сдавала задним ходом и наехала на стекло, порезав шину, инструктор не принялся вопить во всё горло, чтобы точно сделал Тимур. Нет. Артем лишь глаза закатил, устало лоб потер, а затем сказал, что нужно быть внимательнее и по зеркалам смотреть чаще.

Вождению в городе меня обучал именно Артем. И слава богу, что это был именно он. Иначе, я бы уже давно бросила эту затею с получением водительских прав. Дорожные знаки, движение в потоке, перекрестки, пешеходы, пробки. Головой приходилось вертеть как на шарнирах. Да ещё и передачи вовремя переключать на коробке. А ещё, как назло, сзади постоянно поджимали другие машины, а самые наглые подрезали прямо перед носом.

Артём не единожды воспользовался дублирующими педалями, чтобы ДТП избежать. Так и помнится отчётливо случай, когда мне под колеса неадекватный мужик вылез. Самое интересное, что пешеходный переход был всего в нескольких десятках метров, поэтому я не успела вовремя среагировать, в отличие от Артёма. Инструктор на педаль тормоза нажал, а затем из машины выскочил и едва с кулаками не набросился на того мужика. Да толку было ноль. Что взять с пьяного человека? С того момента я поняла, что на дороге всегда нужно думать наперед. За себя и за того парня, как говорится! Подобные ситуации заметно вырабатывали бдительность и осмотрительность, а еще позволяли на короткий миг забыть о своих проблемах.

Но одна поездка стала для меня роковой. Был поздний вечер, занятия по вождению подходило к концу. Я держала ногу на педали газа позволяя стрелке на спидометре останавливаться на значении "пятьдесят", как вдруг из подворотни выскочила бездомная собака. Среагировать я так не успела, да и Артем — тоже. Все произошло слишком быстро. Визг под колесами, и резкий удар. В тот момент сердце ушло в пятки, не иначе. Я не сразу смогла прийти в себя. Все сидела на сиденье, боясь даже дышать. Артем первым в чувства

пришел. Выскочил из автомобиля, а затем вернулся через минуту, держа на руках раненую собаку. Сказать, что я разревелась — это ничего не сказать! Из глаз просто ручьи текли, а тело трясло как никогда раньше. Шок. Ступор. Синонимов было много, и даже их бы не хватило, чтобы описать весь букет эмоций, нахлынувший на меня в тот час.

— Леся, все хорошо. Собака жива, смотри, — Артем пытался успокоить, как мог. Даже за плечи приобнял, прижимая к груди. Но я реветь принялась больше прежнего. К мужскому плечу прижалась, зарываясь лицом в шерстяном свитере. На заднее сиденье, где лежала собака, я даже смотреть боялась.

— Садись на место пассажира, я поеду за рулем, — мужской голос вырвал из плена истерических всхлипываний. Послушалась Артема. Пересела на другое сиденье, а затем в спинку вжалась, смотря перед собой стеклянными глазами.

По дороге в ветеринарку я не обронила ни слова, прислушиваясь к мирно лежащей собаке. На удивление, но она дышала, правда слишком тихо. Только по еле заметному вздрагиванию было понятно, что она жива. Эти наблюдения заметно предавали уверенности в благополучном исходе. Оказавшись в ветеринарной больнице, отнесли собаку к врачу. Седоволосый мужчина, едва взглянув на раненного питомца, сообщил об экстренной операции. Так и просидели на лавочке под операционной в ожидании целый час, а, может, больше. В скором времени уставший врач появился в коридоре. Объяснил, что да к чему и передал список лекарств, необходимых для дальнейшего лечения. Мы с Артёмом только головой кивали, слушая о последующей судьбе собаки. Ей требовался дальнейший уход и с этим нужно было что-то делать.

— Я могу к себе взять собаку, но при одном условии, — обратился Артем, когда мы остались наедине. Я только бровью повела на подобное предложение. Чувство вины, съедающее изнутри, было готово заставить выполнить любые требования.

— Ты сейчас же перестаешь шмыгать носом, во-первых. А, во-вторых, ты будешь навещать собаку каждый день, пока она не выздоровеет, — инструктор улыбался перед собой, а я все так же продолжала шмыгать носом, одобрительно кивая головой.

Заботиться о собаке было само собой разумеющимся. Я бы и сама взяла ее домой, да только мама страдала жуткой аллергией на шерсть животных. Поэтому предложение Артема было самым разумным.

— Лесь? Ты чего? — Обратился Артем, едва касаясь моего плеча. — Собака жива, слышишь? Все будет хорошо.

— Я боюсь, Артем. Боюсь теперь за руль садиться. А вдруг в следующий раз это будет человек, что тогда? — Тело сотрясало изнутри, заставляя голос запинаться.

— Не будет, слышишь? Не будет, Леся, — мужские руки обняли за плечи, и я снова прильнула к его груди. Не знаю, сколько времени понадобилось, чтобы успокоить меня. Но Артем, точно, как настоящий друг, заботливо обнимал и гладил по спине, слушая мои всхлипывания.

В скором времени Артем отвез меня домой. Едва машина поравнялась с моим подъездом, как перед глазами показался знакомый внедорожник черного цвета. Вольский. Его новую машину, точную копию прежней, я бы узнала из тысячи. Это был просто лайнер, а не легковой автомобиль.

Выходить я не торопилась, так и сидела в машине инструктора, боясь шевелиться. Ведь дома ожидал Вольский, а его мне меньше всего хотелось видеть. Да, что там видеть? Знать

не хотелось. Настолько он осточертел со своей любовью, что уже просто тошнило. Бегал за мной целый месяц после того случая, когда приперся в столицу. Конечно, тогда я его прогнала и демонстративно села на поезд, отказываясь от предложения подвезти с комфортом на машине. Но только Тиму было все фиолетово. Он пытался наладить отношения со мной, выстраивая некую френд-зону. Всё время оказывался рядом, куда бы я не пошла. Это, безусловно, удивляло, учитывая тот факт, что мама, по ее словам, не сообщала о моём местонахождении. Но, видимо, методы Вольского имели просто сверхчеловеческие способности, иначе, откуда ему был известен каждый мой шаг?

— Не хочешь идти домой? — Послышался голос Артёма, из-за чего я едва не вздрогнула, возвращаясь в реальность.

— Не хочу, — головой закивала, смотря в сторону подъезда.

— Почему? Может быть, нужна помощь? — Вопрос инструктора поставил в тупик. Я даже зависла, подбирая нужные слова.

Почему? *Действительно, почему.* Почему я должна сидеть в чужой машине и трястись, как лист на ветру?

— А знаешь, Артем. Ты можешь помочь. — Смелости набралась, чтобы посмотреть в голубые глаза блондина.

— Я понял, идем, — отозвался инструктор, широко улыбаясь. — Надеюсь, потом никого не придётся спасать?

— Надеюсь, — на улыбку ответила, искренне веря в то, что сработает новый план под названием "*Отвали от меня, Вольский*".

Едва успела переступить порог дома, как слышались голоса. Женские и мужские вперемешку с раскатистым смехом. В сердце что-то кольнуло, заставляя напрячь нервы. Сняла полшубок и сапоги, а затем помогла Артёму. Инструктор заметно стеснялся, пытаясь надеть на лицо дежурную улыбку, что получалось совсем не естественно.

— Ты уже жалеешь, что вызвался помочь? — Иронично ухмыльнулась, сомневаясь в своем решении. Зачем было вмешивать инструктора в свои дела? Артем добрый парень и совсем бескорыстный, и, конечно же, не должен был участвовать в этом спектакле.

— Не жалею. Если тебе нужно дружеское плечо, то я готов его подставить. У вас можно помыть руки? — В голубых глазах Артема читался мальчишеский задор. Кажется, для него все это было своего рода забавой, в то время как для меня — это было совсем другим.

Мне хотелось показать Вольскому, что он последний на этой планете, с кем бы я была готова строить отношения. Маниакальный синдром влюбленности Тима не на шутку пугал, поэтому его чувства я принимала за одержимость, не иначе.

— Спасибо тебе, Артем. Я очень ценю нашу дружбу. Руки можно помыть в ванной, вторая дверь, — указала жестом руки на деревянную дверь, а сама юркнула к зеркалу, чтобы привести себя в порядок.

Перед зеркалом расчесала спутанные волосы и подправила макияж, который за время истерических всхлипываний успел испортиться. Вот только, чтобы я не делала, в зеркальном отражении все равно виднелось бледное лицо с острыми скулами. И это, мягко говоря, выглядело отталкивающим.

Вскоре за спиной послышались шаги. Мне даже оборачиваться не пришлось, чтобы узнать, кому они могли принадлежать. *Моя тень*. Всё так, как и говорил Тимур. Вольский всегда будет нашей тенью, и даже, когда "нас" уже нет.

Мужской запах врезался в память. Будоражающие нотки древесного аромата на миг вернули в прошлое. Когда-то мне нравился этот запах и даже носитель этого запаха мне тоже нравился. Но это было так давно, что уже и не вспомню точку отсчета, когда он, кроме раздражения, перестал вызывать каких-либо эмоций. Кажется, это было в прошлой жизни, будто и не со мной вовсе.

— Привет, — не обернувшись на его низкий голос. Не смогла. В зеркало уставилась перед собой, надеясь оттянуть момент ответа до последнего.

Он подошёл сзади. В зеркальном отражении красовался темный силуэт за моей спиной. Не спрашивая разрешения, Тим коснулся рук, когда я пыталась застегнуть цепочку на шее. Вздрыгнула от неожиданности, но не отпрянула. Дыхание за спиной тяжелым стало и слишком томным, что ли.

— Давай, помогу, — и он помог. Отодвинул волосы на одну сторону, взял в руки холодный металл, и, как мне показалось, провозился с застёжкой целую вечность.

Мурашки покрыли спину, когда Тим коснулся горячими пальцами моей кожи. Непонятная волна накатила где-то внутри, отчего я заметно вздрогнула. Его тело было слишком близко. Мои ягодицы едва не упирались в мужские бёдра, а спина — в широкую грудь. Так и застыла в двусмысленной позе, боясь даже пошелухнуться.

— Почему ты дрожишь? — Произнес над самым ухом, обжигая изгиб моей шеи горячим дыханием.

— Есть на то причины, — неуверенно протянула, а затем попыталась отойти в сторону. Но сделала это настолько резко, что закружилась голова. Во рту незнакомая сухость появилась, а к горлу подкатил странный ком.

К стене прижалась, закрыв глаза рукой. *«Всё нормально, всё в порядке. Это всего лишь последствия недавнего стресса»*, — успокаивать себя принялась, стараясь не смотреть в сторону Вольского.

— Лесь, не пугай меня, — Тимур рядом оказался. Коснулся плеч, пытаюсь обнять, но я оттолкнула. Да только он даже и шагу назад не сделал. На месте стоял, будто стена кирпичная. — Что с тобой происходит? Ты какая-то бледная. У тебя всё хорошо? Может, к врачу на обследование нужно? Ты совсем худышкой стала.

В его глазах тревогу увидела. Он пронизательно смотрел, пытаюсь что-то выяснить для себя. От такого пронизывающего насквозь взгляда хотелось сквозь землю провалиться, не меньше.

— Не твои заботы, Тимур. Разберусь сама, — грубо произнесла, отступая от Вольского на несколько шагов в сторону. Сказать больше хотелось, но в коридоре Артём появился. На нас с Вольским посмотрел в явном недоумении.

Так и застыл инструктор в нескольких метрах от нас, не зная как себя вести. Я смелости набралась. Подошла к Артёму и взяла его под руку. Взгляд на Вольского подняла, увидев на лице последнего знакомый волчий оскал. Молчание повисло в воздухе. Если бы это была битвой взглядов, то Артём уже был трижды поражен, настолько пронзительно на него смотрел Тимур. Да не пронзительно даже, а устрашающе, пугающе. Мне самой стало не по себе от этих гляделок. От того по позвоночнику холодок пробежался.

— Артём, — инструктор первым нарушил тишину. Решил с Тимом познакомиться и

даже правую руку тому протянул. Но Вольский и не шевельнулся в ответ. Лишь бровью недоуменно повёл.

— Леся, это кто? — Обратился Тимур ко мне, не отводя взгляда от Артёма.

Удивительно, но инструктор всё понял без каких-либо пояснений. Голову повыше поднял, чтобы Вольскому в глаза посмотреть. Строгий вид на себя напустил, а я едва не захихикала от подобной актерской игры.

— Мне, кажется, это я должен задавать этот вопрос, — на реплику Артёма Вольский криво ухмыльнулся на одну сторону, а затем глаза закатил.

— Тебе кажется, Артём. Леся? — Тимур ко мне обратился, продолжая ухмыляться. — Зачем ты этот детский сад устроила? Тебе не надоело бегать от меня? Хоть раз бы согласилась поговорить по-человечески.

Отпустила руку Артёма. Шаг сделала перед собой, оказываясь лицом к лицу с Тимуром. Вдохнула глубоко, собираясь с силами. Уже даже ответить хотела, как неожиданная боль внизу живота появилась. Резкая, острая, пронзающая изнутри все органы. Попролам просто свернулась от этой боли.

Перед глазами круги появились разноцветные. Всё кружили, кружили, будто анимационная заставка на рабочем столе в компьютере. Колени предательски подогнулись, так и рухнула на пол, свернувшись в позу младенца. Волна боли еще сильнее стала, затягивая все внутри в тугий узел. На лбу испарина выступила, а затем холодный пот тело покрыл. Губу до крови прокусила, стараясь крик адской боли сдержать, чтобы не взвыть в голос, как раненная молодая волчица.

— Леся, Леся. Что с тобой? — Голоса где-то вдалеке слышались. Но это все было будто не со мной и не сейчас. На полу продолжала валяться, полностью абстрагируясь от внешнего мира.

Тимур рядом на пол уселся. За плечи бережно обнял, стирая ладонью холодный пот с моего лба. А затем голос мамы раздался. Близкие люди в один миг окружили, пытаюсь помочь. Что-то говорили, о чем-то спрашивали, да только у меня перед глазами всё пеленой покрылось. Всё таким расплывчатым стало, будто в тумане.

— Потерпи, девочка. Всё хорошо будет, — Вольский меня на руки поднял, а затем к выходу направился.

Обмякла совсем в его объятиях. К груди широкой всем телом прижалась, зарываясь лицом в мягкой ткани хлопковой рубашки. Мужские руки бережно за плечи обнимали, а знакомый голос нежно на ухо шептал: «Потерпи чуть-чуть, малыш».

— Тимур, я скорую помощь вызвала. Куда ты её несёшь? — Мама едва кричать не принялась, ступая за нами след в след. Я только мельком успела на нее посмотреть. Мама испуганной выглядела очень. Белой, как мука, сделалась от страха.

— Нет времени ждать, когда приедет скорая. Я сам отвезу Лесю в больницу, — гул голосов становился все тише и тише.

Я ничего не ощущала, кроме собственного сердцебиения и его тепла, что кутало и баюкало, словно дитя малое.

Кажется, я теряла сознание...

Труднее всего впервые подняться с кровати после операции. Это непередаваемые ощущения. Будто заново учишься сидеть и ходить. Тело слишком слабое для подобных подвигов, но усилием воли все-таки делаешь первый шаг. Робкий, неуверенный, на шатающихся ногах и трясущихся коленях.

Когда я впервые попыталась подняться после реанимации, думала, упаду. Придать телу вертикальное положение оказалось задачей не из лёгких. Застывшие мышцы, подобно бетону, в тот же час принялись "ныть". Но, преодолев отголоски боли, я все же сумела пройти несколько метров. Пусть это было немного, пусть это было с поддержкой заботливой медсестры, но я сумела, смогла. И это было самым лучшим, что происходило со мной за последние несколько дней.

Это утро начиналось, как и предыдущее. Процедуры согласно назначенному лечению, обход врача, завтрак. Я лежала на койке, читая любовный роман в телефоне. В желудке заметно урчало, а глаза то и дело, поглядывали на часы. Ровно в девять, будто по расписанию, на пороге палаты показалась мама. Она улыбнулась с порога, поправляя белый халат, накинутый на плечи. Вслед за мамой появился Тимур. Он тоже сиял белозубой улыбкой, будто стоваттная лампочка. Я закатила глаза, замечая очередные баулы в руках Вольского. Каждый день, каждый божий день, они с мамой приносили в больницу провизию, которой можно было накормить едва не все хирургическое отделение.

— Доброе утро, моя хорошая. А мы с Тимурчиком тебе покушать принесли. Я супчик сварила с куриной грудкой, как ты любишь. Иди мой руки, а я пока всё приготовлю. — Мама щебетала просто без умолку. В перерывах между фраз я могла только шумно вздыхать.

С помощью Вольского я поднялась с кровати и, опираясь на мужскую руку, зашаркала комнатными тапками по кафельной плитке. Благо, что палата была оборудована отдельным санузлом, где можно было помыть руки, принять душ и сходить в туалет. Конечно же, всё это было сделано благодаря методам Вольского. Хотя, признаться честно, подобная забота с его стороны оказалась очень даже кстати.

Оказавшись возле двери уборной, я искоса посмотрела на Тимура, нахмутив брови:

— Спасибо, дальше я сама.

— Уверена? Может, лучше я с тобой пойду?

— Тим, я же сказала "сама". Что из четырех слов тебе показалось непонятным? — Строгий тон голосу предала, пытаясь держать себя в руках, чтобы, в не ровен час, не высказаться прямо перед мамой. Уж она-то вообще не могла переносить наши с Тимуром словесные перепалки.

— Точно? А вдруг тебе станет плохо? — Тимур смотрел на меня сверху вниз, до последнего сомневаясь в моих словах. Он заметно щурил глаза, будто пытаясь что-то разглядеть.

— Я писать хочу, в конце концов! Или ты хочешь поучаствовать в этом процессе? — Издеваться принялась над Вольским, особо не подбирая интонацию.

— Если нужно, то могу и поучаствовать, — на полном серьезе ответил Тимур.

Я кулаки едва не сжала от внезапно нахлынувшей злости. *Достал! Как он меня достал!* Мало того, что торчит возле меня почти сутки напролет, так ещё и в уборной от него нет

спасения. Прямо напасть какая-то, честное слово.

— Слушай, Тимур, я как-то справлялась без тебя на протяжении многих лет. Мне удалили аппендицит, а не мозг! — Дверью хлопнула прямо перед его носом и скрылась в уборной.

Принялась лицо умыть холодной водой. В зеркало посмотрела и криво ухмыльнулась на одну сторону. Удивительно! В зеркальном отражении виднелась на редкость уставшее лицо с черными кругами под глазами и запавшими щеками. Блондинистые волосы на голове были жирными и спутанными. Такой печальной картины в своей жизни я не наблюдала никогда. Но теперь это была я.

Когда открыла дверь, то перед глазами показался Вольский. Смотрел на меня с немим вопросом на лице, не пытаясь сказать даже слова.

— Ты все время под дверью стоял? — Удивилась я.

— Нет, — как-то слишком быстро ответил, будто заранее готовился оправдываться. — Только что подошёл.

— Вольский, ты неугомонный. Что я должна сделать, чтобы ты перестал преследовать меня?

Из палаты послышался голос мамы. Она заметно добавила громкости своему тону, заставляя нас с Тимом замолчать:

— Дети, не ссорьтесь! Лесенька, я всё приготовила, иди кушать.

Я бросила на Вольского прожигающий взгляд. Интересно. Мама нас "детьми" назвала. Неужели Тимурчик таким родным стал? Наверное, спит и видит Оксана Сергеевна, как Вольский на мой безымянный палец правой руки кольцо одевает. Не к добру всё это. С таким противником как мама моя крепость не сможет долго оборону держать. А если ещё тётя Жанна с Ванькой подключаться, то вообще! Пиши, пропала, Соболева. Жизни спокойной не дадут, мозг выключают, как хищная птица просто.

— Мы с тобой еще не закончили, — грозно палец поднесла прямо к лицу Тимура, на что он заметно улыбнулся.

До кровати дошла самостоятельно, хотя Тим все время шел сзади. Ароматный суп сразу же вызвал аппетит, как только я увидела на прикроватной тумбе тарелку с манящей жидкостью. Принялась утолять голод, но заметная дрожь в пальцах не позволяла нормально есть. До рта доносила едва не пустую ложку. Мама, сославшись на необходимость поговорить с лечащим врачом, в спешке покинула палату. С Вольским наедине остались.

— Чего смотришь? Никогда не видел, как ест девушка? — Фразу произнесла и сразу же суп пролила на тумбочку. Вслух выругалась, ругая саму себя. *Ну, вот же тряпка, ложку до рта донести не могу.*

— Давай, я помогу, — не спрашивая разрешения, Тим отобрал у меня ложку. Наполнил до краев и к моему рту поднес.

Это, что за дежавю, мать его? Кормить из ложки? Меня? Нет, извольте. Уже однажды кормили. Тоже в больнице, тоже из ложки, тоже Тимур (правда, другой). Больше этого не хочу.

— Я сама. Ложку верни! — Но он не вернул, а рядом сел на кровать. За плечи одной рукой обнял и едва не запихнул мне в рот ложку с супом.

— Верну за один поцелуй, — нагло заявил Тим, сверкая обольстительной улыбкой.

Я просто опешила от подобного заявления. Вот тебе номер. Поцелуй или разрешить

себя покормить? Да, ну ладно. Что за детский сад?

— Тимур, мы не в детском саду. Не занимайся фигней. Сейчас мама придет, и я попрошу другую ложку. Больно надо, — обиделась на Вольского. Спиной повернулась, уставившись в окно. А за окном, как раз, было на что посмотреть. Снегопад. Наверное, в последний раз в этом году, ведь до конца зимы осталось всего несколько дней.

Но время шло, а мама все не приходила и, как, назло, мобильный телефон свой в палате оставила. Видимо, всё наперёд предусмотрела. Знала, что сил моих богатырских не хватит, чтобы марафон от кровати до коридора покорить.

— Леся, суп остывает, — напомнил Тимур. Удивительно, но он всё ещё был здесь и все ещё сейчас. — Хочешь остаться голодной?

Как-то недобро на меня зыркнул Вольский. Весь мальчишеский задор в его глазах прочитала. Не отступится же упрямый. Ладно. Была, не была. Уж лучше один раз к его щеке губами коснуться, нежели ощущать себя в прошлом. Сомнительное дежавю — слишком болезненное чувство для меня. Не вынесу просто.

— Твоя взяла, — губами к гладко выбритой щеке потянулась, да только Тим как-то резко развернулся и поцелуй в самые губы пришелся.

Опешила просто, а затем скривилась, будто лимон облезала. Демонстративно губы тыльной стороной ладони вытерла, и глаза закатила для большей эффектности. На что Вольский довольно заулыбался.

— Боже, детский сад, Тимур. Ты, наверное, такие фокусы не раз проворачивал, да? — Ложку отобрала и принялась есть. А затем плюнула на все и начала пить бульон прямо из тарелки. Пусть смотрит Тимурчик, какая я воспитанная. Может, отвернет его от подобного вида и звука громкого сербанья, которое я специально устроила. Интересно, а почему я сразу не догадалась, так есть?

Но Тимура не отвернула, а наоборот. Взгляд к моему рту пригвоздил. Так и пялился, пока я с губ не слезала последнюю каплю супа. *Просто придурок озабоченный!*

— Слушай, Вольский. А какой твой родной язык? — На кровати поудобнее устроилась, подложив под спину подушку.

Тимур удивленно бровями повел на мой вопрос:

— Русский, а почему спрашиваешь?

— Да вот все время думаю. Если русский, тогда почему ты его не понимаешь?

— Не понял, — слишком правдоподобно удивился. А я едва в голос не засмеялась.

— Ну, как же? — Театрально ресницами захлопала, произнося фразу, будто на сцене для любимых зрителей. — Я сколько раз тебя просила, чтобы ты меня в покое оставил? Сколько раз говорила, что не люблю тебя? Блин, Тимур, но, сколько можно, а? Тебе самому-то еще не надоело? Зачем ты время на меня тратишь? Ты же вон, какой видный парень. Высокий, стройный, симпатичный, с головой, вроде бы, дружишь. Деньги при тебе, квартира, машина, бизнес. Что еще нужно женщинам? В чем проблема?

— А, что тебе нужно, Леся? Чем тогда я тебе не подхожу? — За руку меня взял, а я вздрогнула от неожиданности, как от вопроса, так и от слишком тяжелого взгляда, что скользил по всему овалу моего лица.

— Это отдельная тема. Причем здесь я? — Руку попыталась отдернуть, но тщетно. К губам приложил и принялся покрывать лёгкими поцелуями тыльную сторону ладони.

— Как это причем? Леся, мы сейчас о нас говорим! Если я такой хороший, как утверждаешь ты, тогда почему ты нос воротишь? Брала бы пример со своей семьи. Мама твоя

меня любит, да и Дашка — тоже. Просто души во мне чаёт семейство Соболевых, кроме тебя, естественно.

— Тронешь Дашку — прибыю! Она ребенок совсем, — разозлилась очень.

— Не ребенок, а молодая девушка и даже очень симпатичная. Не хуже тебя, — подмигнул игриво, а я на этот жест рукой потянулась к вороту мужской рубашки.

Пальцами вцепилась в накрахмаленную ткань, что есть мочи. Но Тимур и бровью не повёл. Лишь смотрел на меня, продолжая довольно улыбаться:

— Ревнуешь?

— Что? Было бы к кому ревновать. Не обольщайся, Тимур.

— Не верю, Леся. — Головой из стороны в сторону покачал, демонстрируя, как сильно не верит.

— Ладно, Вольский. Вижу, ты играешь не по-честному, — фразу не закончила, поскольку он перебил меня со словами "Да, уж приходится". Я нос заметно сморщила на эту реплику, но всё же продолжила. — Я принимаю твою игру. Хочешь, чтобы мы были вместе?

— Издеваешься сейчас надо мной? — Неуверенно протянул.

— Нет, сейчас я серьезна, как никогда. Так хочешь или нет? — В глазах Тимура знакомые искры появились.

Вот значит, как. Заинтересовала? Хорошо.

— Скажи, а у тебя есть какой-то страх или фобия? — Ждать принялась, пока Тим перестал на меня смотреть с недоумением.

— Есть. Высоты боюсь, а в чём подвох? — Я едва не рассмеялась на подобный ответ.

Высоты он боится? Да неужели? Неужели Вольский чего-то может бояться? Не думала. *Тогда это ещё интереснее.*

В считанные секунды мой мозг сгенерировал идею. Если Тимур утверждает, что любит (кстати, давно не говорил) и не может без меня жить, то впору это доказать. А почему нет? Девушек же нужно добиваться, правда? А, что может быть лучшим, нежели незабываемый поступок в глазах любимой девушки?

— А с парашютом прыгнуть, слабо? — Я важный вид приняла, искренне наслаждаясь реакцией Вольского.

Не ожидал. Совсем не мог предугадать, что наша словесная перепалка приведёт к подобному. А тут ещё я масло в огонь добавила, сказав следующее:

— Прыгнешь, а, Тимур? Твоей буду. Если — нет, ты на пушечный выстрел не подходишь ни к кому, кто носит фамилию Соболева.

— Ты дура, Леся? — Тим едва губы обиженно не поджал, но у виска всё-таки покрутил пальцем для эффектности своих слов.

— Почему же дура? Когда-то ты называл меня холодной королевой, а нынче, что? Разжаловали? — Я уже всю хохотала, стирая с уголков глаз капли слез.

В этом году зима рано отступилась от своих прав. Ещё в первых числах марта полностью растаял снег, а ещё через неделю в воздухе запахло весной. После операции прошёл уже целый месяц, и я наконец-то смогла влиться в прежнюю струю жизни. Поглощённая рабочими буднями, я не замечала, как пролетали недели. Скучать вообще не приходилось. В доме планировался грандиозный ремонт, поэтому всё свободное время я посвящала поиску новой мебели, цвету стен, и интерьера в целом. Можно было всё это поручить дизайнеру, что и предлагал Вольский, но мне хотелось собственноручно обустроить уют в доме.

Вольский. Тимур открыл новую главу в наших отношениях. Даже сама не заметила, как моя неприязнь переросла в совсем другие чувства. Нет, мы по-прежнему не были парой, и я всё ещё не хотела с кем-либо строить отношения. Всё, что происходило между мной и Тимуром не было похоже на дружбу, но и на любовь — тоже. Мы смотрели вместе кино, когда он приходил в гости ко мне домой, иногда ездили за покупками в гипермаркет, даже пару раз Тим забирал меня с работы. Но это были не отношения, как между влюбленными, нет. Это было что-то другое, а что именно я не знала, да и не намеревалась выяснять. Мне было комфортно в подобной френд-зоне и Тимуру, кажется, тоже. Он больше не лез целоваться и не бегал за мной, подобно преданному псу. Кстати, с парашюта он так и не прыгнул, а я и не спрашивала почему.

Хотя, признаться честно, где-то глубоко в душе скребли кошки, не иначе. Возможно, моя детская наивность всему виной, но почему-то очень хотелось, чтобы меня любили. Любили по-настоящему. Самозабвенно, горячо, преданно и НИКОГДА не бросали. Но ничто не бывает вечным, поэтому здравый смысл прогонял подобные желания прочь.

Зачем мне любовь? Там нет ничего такого, чтобы я ещё раз захотела пережить. Кружащие бабочки в животе? Нет уж, извольте. Это не стоит того послевкусия, когда уходит "любовь". Ещё один раз учиться жить? Снова собирать себя по крупицам? Нет, я не готова к подобному. Лучше совсем не любить, чтобы не привязываться ни к кому, чтобы не строить замков из песка, и не запускать в небо воздушных змеев. *Мне больше не нужна любовь, да и я ей, видимо, тоже.*

Рабочий день подходил к концу, но я не торопилась домой. Впереди предстоял ежемесячный отчёт, а цифры, как назло, так и не сходились в нужной мне сумме. Кажется, сто раз пересчитала, заново формулу прописала в таблице, а толку? Ничего не получалось, как я ни старалась.

Кононова подошла сзади и, низко склонившись, уставилась в монитор моего компьютера. Я не обратила никакого внимания на эту фурию, пока она не начала давать советы. Как говорится, одна голова хорошо, а две лучше. Вот только это здесь не сработало. Мы добрый час провозились с просчётами, а результат был все такой же — никакой!

— Знаешь, Соболева, — обратилась Янка, когда я уже терла уставшие глаза. — Твои

цифры изначально неверные. Нужно заново открывать договоры за месяц и все пересматривать.

— Ага, — недовольно протянула я, соглашаясь с коллегой. Подобная мысль посетила ещё несколько часов назад, но почему-то была отвергнута моей упрямой натурой.

— Эй, стоп! — Янка демонстративно отобрала у меня стопку договоров, которые я уже согласна была перечитать. — Мать, ты на часы смотрела? Или счастливые часов не наблюдают?

— Это ты сейчас Грибоедова вспомнила?

— Ага, его самого. Горе от ума — прямо твой случай. — Кононова принялась смеяться, а мне как-то совсем не смешно было. Отчёт всё равно нужно делать по любому раскладу.

Но мои планам не суждено было сбыться. Янка нагло отобрала компьютерную мышку и нажала "Завершить работу". Я едва в голос не принялась вопить:

— Куда? Мать твою, Кононова, что за самоуправство?

— Рабочий день окончен. — Важно заявила подруга и демонстративно отодвинула на край стола калькулятор и стопку бумаг. — Хватит насиловать мозг! Утром в понедельник будем разбираться. Я помогу, если что.

— Поможет она, — пробубнила себе под нос.

В душе, конечно же, я была согласна с Янкой на все сто процентов. Если что-то не идёт, то нужно попробовать в другой раз. Вот только не хотелось откладывать дело в дальний ящик и все выходные вспоминать о тяжелом утре понедельника.

— Соболева, а ты куда это собралась, дорогая? — Я удивлённо повела бровями, уставившись на коллегу. Янка едва за руку меня не схватила, когда я набросила на плечи полушубок и уже собиралась к выходу.

— Домой, ты же сама меня в этом убедила.

— Нет, ну вы только посмотрите на эту мадам! — Обратилась Кононова к воображаемым зрителям. — Я тут, видите, битый час распиналась на обеденном перерыве о сегодняшнем вечере, а она, как ни в чем не бывало, встала и пошла домой.

— А куда же мне ещё идти? — Я уже не скрывала улыбки, наблюдая за бурной реакцией.

— Как куда? В ночной клуб смотреть мужской стриптиз. Забыла, что ли? — Я едва ладошкой себе в лоб не ударила.

Ну, конечно же, клуб! Как я могла забыть о нем. Кононова целую неделю говорила о каком-то крутом стриптизёре, который сегодня должен был выступать в "Чикаго". А сегодня днем так вообще уши все прожужжала, думала, придётся рот кляпом затыкать.

— Леся, не увиливай. Если не пойдешь в клуб, то я не буду с тобой разговаривать месяц, — произнесла Янка, а затем, немного подумав, добавила. — Нет, два месяца или три. Короче, вообще говорить с тобой не буду никогда!

В клуб всё же пришлось пойти. Кононова даже специально ко мне домой пришла, чтобы на случай чего силком тащить на мужской стриптиз. Избежать общества подруги так и не удалось. Ещё мама подключилась, приговаривая: *"Доченька, сходи погуляй. Развейся. Сколько можно дома сидеть в твои-то годы"*. Так и выпроводили меня из квартиры благодаря общим усилиям.

Уже в такси я сотню раз пожалела о том, что повелась на уговоры. Кононова просто без умолку щебетала, заглушая своим голосом рев мотора. Спаситься от её болтовни оказалось миссией невыполнимой. Даже в клубе Янка умудрялась не закрывать рот, поглощая

алкогольные коктейли.

Когда на сцене появился долгожданный стриптизёр, одна половина представительниц слабого пола затаила дыхание. Вторая же половина — принялась громко выкрикивать непристойные словечки и даже присвистывать. Кононова, относилась, конечно же, ко второй. И я совсем не удивилась, когда молодой накаченный мужик с телом самого Аполлона оказался возле нашего столика. Рельефные мышцы перекатывались на животе, а крепкие руки скользили по упругим ягодицам. Янка потянулась к стриптизёру и отодвинув резинку его трусов, запихнула несколько купюр. Довольный мужик игриво ухмыльнулся, а затем, обхватив клещами талию Кононовой, погрузил себе на плечо. Так и пошёл к сцене со своей ношей под громкие крики женской публики.

Дальше мой мозг отказывался анализировать. Таких пируэтов в мужском исполнении я ещё никогда не видела. Янка, в своё время, сидела на стуле, и позволяла полуголому амбалу вытворять самые разнообразные виражи. В какой-то момент мне даже отвернуться пришлось от смущения, настолько все это выглядело развратным и пошлым. Но, похоже, я единственная, кто так считал, поскольку остальных данный дуэт заметно забавлял, отчего на весь зал клуба разносились довольные крики и аплодисменты.

Мне ничего другого не оставалось, как пойти к барной стойке и заказать себе выпить. Алкоголь — единственный, кто бы мог помочь пережить этот сумбурный вечер. Время тянулось очень медленно, и я даже не заметила, когда за моей спиной раздался шаг. Тяжелая рука легла на плечо. Вздрогнула от неожиданности, а затем обернулась. Кононова стояла напротив, опираясь о спинку моего стула, и пыталась удержаться на ногах. Ее растрепанный вид говорил лишь об одном. Стриптизёр по полной программе отработал деньги, которые Янка засунула ему в трусы.

— Лесь, а ты чего тут сидишь? — Янка кое-как умудрилась сесть на соседний стул, вальяжно закинув ногу одну на другую.

— Пью, как видишь. А чем мне еще заниматься? — Я потянулась губами к трубочке и сделала большой глоток коктейля.

— Дай попробовать, — Кононова бесцеремонно отобрала стакан и, откинув в сторону трубку, принялась жадно пить. Затем, допив до дна, громко выдохнула со словами. — Фу, какая гадость. Разве можно пить эту хрень?

Я только наблюдала со стороны, как подруга обратилась к бармену и с важным выражением на лице сделала заказ:

— Виски с колой, милейший. Причем в один стакан виски, а в другой — колу. И лед не забудьте. На две персоны, будьте добры.

Бармен одобрительно кивнул головой, заметно пританцовывая на месте в такт музыке. Через несколько минут на стол перед нами поставили несколько стаканов и тут понеслось. Янка совсем без тормозов оказалась. Пила одну за другой просто. Немало известную фразу *"Между первой и второй"* я слышала с десятков раз за вечер, не меньше. А когда подруга добралась до определенной кондиции, то беспардонно забралась на барную стойку и со словами *«Мама, я танцую под нашу босую»*, принялась танцевать.

Удивительно, но никто ничего не имел против таких танцев. Более того, еще несколько заметно подвыпивших барышень последовали примеру Янки. И прямо перед моим лицом замелькали самые разнообразные пируэты в исполнении посетительниц клуба. Куда там тому двухметровому Аполлону? То, что вытворяли местные "Афродиты" нынче, походило на танец какого-то племени голодных амазонок.

До подобной кондиции, как у Янки, я так и не дошла. Но на барный стол все же забралась. Точнее, несколько крепких женщин меня туда затащили в прямом смысле слова. Так и веселились неизвестно сколько времени. Тело испариной покрылось, от чего легкая ткань платья просто слилась с телом, будто вторая кожа. Алкоголь стер границы разума и здравого смысла. А в скором времени, я ощутила некую свободу. Свободу от четких рамок, которые нам устанавливает общество.

Когда мужские руки бесцеремонно потянулись к моим ногам, я не раздумывая стукнула смельчака. Но этого оказалось недостаточно, чтобы убавить прыти. В мгновение ока, мою талию охватило будто клещами. Через секунду я уже стояла босая на полу и молотила кулаками по мужским плечам. А плечи были хороши. Широкие, крепкие. Бей, не бей, что о стенку горохом, как говорится.

— Эй, ты обнаглел совсем? — Голову вверх пришлось задрать, чтобы в лицо заглянуть владельцу широких плеч. Так и застыла с недоумением на лице.

— Напилась? — Произнес знакомый низкий голос, продолжая удерживать меня за талию.

— Напилась. А, что? Ты имеешь что-то против? Ик, — икать начала, прикрывая рот рукой. А мужчина, тем временем, взгляд на мои губы опустил и так смотрел на них, будто каждое слово ловил.

— Имею. Если ты пьешь без меня, то я всегда буду против, — ухмыльнулся игриво, продолжая сверлить своим взглядом.

— А ты у нас кто, Ти-мур-чи-ик, ик? — Мужской хохот послышался. Так и смотрела перед собой, как тряслись плечи от странного веселья.

— Муж твой будущий, — ответил он. А затем на пол опустился, чтобы подобрать мою обувь.

— Муж? Это в какой-то другой реальности. Ик, — я не сопротивлялась, когда меня обули и даже безоговорочно выпила стакан воды, который мне дал Тимур, чтобы остановить икоту.

Выяснить причину появления Тимура в самый разгар вечер я не стала. Всё и так было очевидным, как дважды два. Мама! Конечно же, это она рассказала любимому Тимурчику о походе в ночной клуб. А Тим, не придумал ничего лучшего, как лично заявиться в "Чикаго", да ещё и с Ванькой.

Бедная Кононова не знала, куда себя деть. У них с моим братцем сложились непростые отношения. Один шаг вперёд и два назад. То встречались, то расходились. То ругались, то мирились. И это уже продолжалось больше трёх месяцев. Вот и сегодня всё случилось по знакомому сценарию. Как только братец решил Янку забрать с барной стойки (как это сделал со мной Тим), Кононова принялась убежать от него. Так и шлепала босыми ногами по гладкой поверхности стола из одной стороны в другую. Я наблюдала за этой сценой, не скрывая широкой улыбки. Забавные они. Даже, когда ссорятся, всё равно забавные.

Когда терпению братца пришёл конец, он бесцеремонно схватил подругу за талию и закинул себе на плечо. А, Янка принялась молотить кулаками по его спине, что есть мочи. В ответ Кононовой по заднице прилетело несколько раз к ряду. Да только она пуще прежнего отбиваться принялась со словами: "Сгинь, нечистая сила". А нечистая сила только сильнее клещи свои сжала на женских бедрах и какой-то недовольный рык издала. Я только и смогла услышать одну фразу: "*Янка, я тебе за такое поведение...*". А, что там Ванька обещал за такое поведение, я так и не поняла. Но думаю, что пятой точке подруги придется нелегко, ведь об итальянском нраве этой пары была наслышана вся округа просто.

А мы с Тимом, тем временем, продолжали танцевать в самом центре зала. Ну как танцевать? Это Тимур пытался двигаться в такт музыки, а я то и делала, что на туфли мужские наступала или же камнем висела на шее владельца тех самых туфель. Но Тим всё терпел и даже улыбался, несмотря на отвратительную партнёршу по танцам.

— Тимурчик, а у тебя красивые глаза, — голову вверх подняла, крепко сцепив пальцы в замок на мужской шее.

У него действительно были очень необычные карие глаза миндалевидной формы с узким разрезом. Видимо, где-то в жилах Вольского текла восточная кровь дальних предков, о чём говорила смуглая кожа с бронзовым оттенком и тёмные волосы, которые под определенным углом света казались едва не чёрными.

Тим ещё шире улыбнулся и, низко склонившись надо мной, прошептал над самым ухом:

— Звучит, как комплимент.

— Констатация фактов, — ответила я ухмыльнувшись.

— Неужели? — Глаза хитро сощурил, а в голосе иронические нотки появились.

Я только головой кивнула на этот вопрос, а затем лицом зарылась на мужской груди. Его руки скользнули вдоль всей спины, а затем опустились чуть ниже талии. Вздогнула даже, но ни на миллиметр не отдалилась. Видимо, алкоголь достиг своего апогея, и всё стало таким безразличным. Даже не так. Я стала какой-то другой. Мягкой, что ли, податливой. Захотелось кому-то быть нужной, почувствовать чью-то заботу.

И по всей видимости, Тимур это понял без слов. Коснулся моего подбородка, поддев пальцами, а я только голову успела вверх поднять и встретиться взглядом. Ох, этот взгляд. Чего в нём только не было! То ли черти плясали, то ли сам Дьявол в бубен стучал. Но я сиять

от улыбки начала, как стоваттная лампочка просто, когда Тимур решил меня поцеловать.

— А как же наша дружба, Тим? — В самый последний момент произнесла, едва не выдыхая в мужские губы. На что Тимур ухмыльнулся на одну сторону, а затем свой лоб прижал к моему.

— Ты всё ещё хочешь, чтобы я был просто другом?

Дыхание затаила от неожиданности. Действительно, хочу ли я этого? Почему-то внутренний голос твердил совсем другое: *"Соболева, хватай мужика и бери в плен, пока тепленький. Видишь, как он на тебя смотрит. У кого-то может быть хороший секс. Сколько уже не было?"*.

Осознание этого факта, как гром среди ясного неба озарил. Мой внутренний голос меня убеждал в том, что мне нужно переспать с Вольским? Да, ладно?

— Не хочу. Уже не хочу, — ответила не смело, отчего щёки румянцем покрылись.

— А чего же ты хочешь? — В голосе хрипота послышалась, а мужские руки ещё ниже опустились и как-то робко легли на мои ягодицы.

"Тебя. Я хочу тебя", — твердил внутренний голос, а я едва не вслух выругалась, посылая его в известное всем место.

— Просто. Поцелуй. Меня. — Каждое слово отдельно произнесла, удивляясь собственной реплике.

И вот так заканчивается дружба или не дружба? И, что вообще между нами было за последние пять месяцев? Голова напрочь отказывалась анализировать и рассуждать. Разум отключился просто, а на его месте появился какой-то животный инстинкт, не иначе.

— Ты уверена, что действительно этого хочешь и не будешь об этом жалеть, когда протрезвеешь? — Тимур до последнего сомневался в моих словах, не веря в происходящее. Так и смотрел снизу вверх, не решаясь целовать.

Но я не ответила на вопрос. Мужскую шею одной рукой обвила, а другой за затылок схватилась. На цыпочки привстала, чтобы дотянуться до его губ. Так и опешил Тимурчик, когда мой язык скользнул внутрь его рта. Время остановилось. И даже музыка на заднем фоне будто умолкла. Я только слышала ритм сердец, что бился в унисон, и чувствовала горячее дыхание, которое слилось воедино.

И мы целовались. Жадно, неистово, будто впервые коснулись друг друга. Его мягкие губы скользили вдоль моих, оставляя за собой послевкусие мяты. Вся боль, что внутри копилась долгие месяцы, наружу вырвалась. Пальцами вцепилась за мужской пиджак, словно за спасательный круг. *Только не упасть. Только не раствориться в этом круговороте.* Но я не упала, когда колени предательски подогнулись. И даже успела вовремя в сторону отвернуться, когда к горлу заметные спазмы подкатили. Вырвало прямо там, на танцполе. Такого позора в своей жизни я ещё не испытывала. Но всё бывает в первый раз, как говорится.

Тимур ничего не сказал. Просто достал носовой платок из кармана и протянул мне, а затем отвёл в дамскую комнату и помог умыться. Так и помню удивленные лица барышень, которые смотрели на нас со стороны, не скрывая явного удивления и даже восхищения. В глазах женщин Вольский выглядел, будто рыцарь в доспехах, совершающий романтический подвиг. А мне так и хотелось обернуться, и сказать им всем:

"Обломитесь. Он мой".

"Уже твой?" — Внутренний голос проснулся и принялся подначивать своими

репликами.

— Иди в жопу, — так и выругалась вслух, на что Тимур бровями повёл в недоумении.

— Прости, что? — Взгляд на мои губы опустил, а я только язык прикусила, понимая, что Тим всё услышал.

— Это не тебе, — оправдываться начала, не зная, стоит ли рассказывать о диалоге с внутренним голосом.

— Ты сегодня странная какая-то, — протянул Тим, заправляя за моё ухо выбившуюся прядь волос. — Но мне нравится. Оставайся такой же.

— Тим, я хочу домой, — к груди его прижалась, ощущая слабость во всех конечностях просто.

— Устала? — Шёпотом произнёс, опалая горячим дыханием кожу.

— Чертовски, — а дальше алкоголь снова наружу попросился и все пошло по второму кругу.

Утро оказалось совсем недобрим. Только глаза открыла, как голову пронзила острая боль. Отголоски вчерашнего веселья в полной мощи дали понять, насколько сильно напилась. Да не напилась даже, а нажралась. Нажралась настолько сильно, что к Тимурову целоваться полезла. Стоп! Тимур. Это точно была я, когда просила остаться его? С этими мыслями отодвинула край одеяла и облегченно вздохнула. Одета, слава богу. Правда, только в нижнее бельё. Видимо сил всё же хватило, чтобы снять то дурацкое платье. *И это совсем не значит, что Тимур ночевал у меня дома и спал рядом на моей кровати, правда?*

Где-то глубоко в душе я надеялась, что всё приснилось. Что не было: вчерашнего стриптизера, клуба, не было танцев диких амазонок на барной стойке. Но больше всего я надеялась, что вчера не висла камнем на шее Вольского и не целовалась с ним. *Это же Тимурчик.* Среди всех мужчин на планете он был последним в списке, кого бы я подпустила к себе. Уже когда-то мы пробовали быть вместе, так сказать, но ничего не получилось. Точнее сказать, у меня к нему не получилось. Не смогла. Не полюбила. Не захотела.

Решила выкинуть из головы все мысли. И так макушка по швам трещала просто, зачем ещё добавлять? В кухню направилась, желая выпить утренний кофе. Обомлела. На месте застыла, подпирая стенку, когда Вольского увидела в одних джинсах. Тимур выглядел бодрим, в отличие от меня. Стоял ко мне спиной возле кухонной плиты и варил кофе в турке. А я так и уставилась на голые широкие плечи и узкий таз.

В голове внутренний голос проснулся, зараза! *"А платье, похоже, ты всё-таки не сама сняла, Лесенька. И если бы была внимательнее, то заметила на кровати вторую подушку, а ещё на спинке стула рубашку мужскую. Хех"*, — так щебетал без умолку, приводя всё новые и новые аргументы.

— Доброе утро, — Тимур резко обернулся, а я даже растерялась от неожиданности.

И как теперь себя вести? Помнится, я что-то там вчера говорила, что не хочу, чтобы Тим был другом. *Вот не дура, а?*

— Выспалась? — Закончил кофе варить. Подошёл к навесному шкафу и достал оттуда две фарфоровые чашки.

Интересно, и когда он успел так обвыкнуться в моём доме?

— Ага, — ответить всё же пришлось, когда Тимурчик ко мне подошел на расстояние вытянутой руки.

— Я кофе приготовил. Даже не спрашиваю. Знаю, что будешь, — на мою грудь уставился в прямом смысле слова. А до меня только сейчас дошло, что я в одном нижнем белье продолжала стоять, особо не стесняясь.

Чёрт! Вслух едва не выругалась. Резко в сторону рванула, направляясь в спальню. Только и услышала низкий голос за спиной: "*Что-то случилось?*".

— Да! Случилось у меня, Тимур. Сама не понимаю, но что-то случилось, — ответила но уже за дверью своей спальни.

Конечно же, Тим ничего не понял, да я и сама не поняла. Не решаясь смотреть правде глаза. А смотреть, как раз, было на что.

— Лесь, с тобой всё хорошо? — Низкий голос раздался по ту сторону двери. Но я даже не шевельнулась.

Сидела на кровати, смотря перед собой стеклянными глазами. *Боже, что я делаю?*

Затем ещё несколько раз к ряду Тим что-то спросил, но я снова не ответила. Всё думала, думала, как дальше быть?

Кажется, вчера стёрлись границы. Исчезла та удобная френд-зона, за которой скрывалась реальность. Признаваться себе совсем не хотелось, что привыкла к присутствию Тимура в моей жизни. Что нравилось в нём то упорство, с которым он пытался достучаться до моего сердца. Ни один мужчина и половину не сделал подобного. Ни один мужчина, ни разу гордость свою мужскую не переступил ради меня. *Ну и почему, почему я всё время выбирала одних только козлов?* Почему всегда тянуло к "плохим" парням, а от хороших, типа Вольского, всегда воротило? Что за странный мазохизм, мать его?

Вздрыгнула, когда открылась дверь. Голову в сторону повернула и встретила взглядом с карими глазами. Тимур смотрел на меня сверху вниз, не скрывая обеспокоенности. Затем к кровати подошёл и рядом сел, не спрашивая разрешения. За руку взял и к губам поднес. Легко, нежно коснулся в поцелуе. Я только бровями повела в удивлении, не произнося и слова.

— Что с тобой происходит, Лесь? — Тим первым заговорил.

А я и сама искала ответа. Вот сидела тут на кровати и целых пять минут с внутренним голосом беседу вели. Всё никак разобраться не могли. Не могли понять, что мне дальше делать. Точнее, внутренний голос, как раз знал, что я должна делать. Вот только мне это не подходило. *Совсем не хотелось менять свой привычный мир и заново в любовном облаке раствориться.*

— Я запуталась, Тимур, — честно призналась, сама не ожидая подобного.

— В чём ты запуталась? — Расспрашивать принялся, как мне показалось, специально. Ведь догадался же, что я имела в виду нас.

— Во всём, — в сторону отвернулась, а затем с кровати встала, намереваясь всё же одеться этим утром.

То, что Тим раньше меня видел в нижнем белье — было не новостью. Но почему-то Вольский так откровенно пялился на мои бедра и ягодицы, будто впервые видел. Я даже

слышала его тяжелое дыхание за спиной, когда расстегнула лифчик и надела через голову домашнюю майку. И плевать, что трикотажная ткань нагло обтянула грудь, я ведь, сколько в нижнем белье пробыла? Сутки? Вся кожа молила о пощаде просто.

Надела спортивные штаны, а волосы на затылке затянула в хвост. Порядок. Хотя, нет. К зеркалу подошла, намереваясь смыть остатки вчерашнего макияжа. Забавно, но чёрные круги под глазами от туши у Вольского не вызвали дикого ора. Он даже ни разу не намекнул, что мне нужно себя привести в порядок. А приводить, как раз таки, было нужно! Воспитанный Тимурчик. Знал, что женщине с больной головой лучше не делать никаких замечаний, а то она и обидеться может.

Мы так и не вернулись к разговору. Я не хотела, а Тим, по всей видимости, это понимал. Поэтому и не лез в душу с глупыми вопросами. Удивительно, но оказывается, всё это время Вольский вообще никогда не лез в душу, если сравнивать, например, с Янкой. Та бы уже клещами в меня вцепилась и не отпускала до тех пор, пока бы всё не выложила, как на духу. Так! Янка! А она там живая хоть?

В считанные секунды телефон отыскала, и номер подруги набрала. Ответить на звонок Кононова соизволила только после четвертой попытки.

— Алло, — протянул хриплый голос.

— Янка, ты живая?

— Нет, это автоответчик. Оставьте сообщение после звукового сигнала. Пи-и-и, — едва не уши руками пришлось закрывать, чтобы дикий вопль не слушать.

— У тебя нет автоответчика, дура, — смеяться начала, сотрясая плечи. По всей видимости, подруге было сейчас ой как несладко. — Я тебя разбудила?

— Нет. — Прохрипел голос. — Воскресила! Чего в такую рань звонишь?

— Волнуюсь тут за некоторых, видите ли, а со мной хамством занимаются. Как ты вчера домой добралась? Ванька отвез?

— Угу, — промычала в ответ, а затем послышалось что-то нечленораздельное совсем.

Голос братца послышался на заднем фоне и дикий визг подруги. Сумасшедшие. Видимо, Ванька щекотал Кононову, а та отбивалась. И, скорее всего, хорошо отбивалась, поскольку дальше послышался громкий стук и крик "*Твою мать, Яна*".

— Эй, вы там живые? — Волноваться начала, когда тишина пугающе затянулась.

Но ответа так и не прозвучало, что, в принципе, и не требовалось. Всё нормально у них. Всё, как обычно.

— Я, пожалуй, пойду. — Раздался голос Вольского.

— Хорошо. — За руку Тима взяла и с благодарностью продолжила. — Спасибо, что вчера отвез меня домой. И вообще, спасибо тебе за все.

На цыпочки поднялась и к щеке губами коснулась. Так и почувствовала, как мышцы на лице Тимура напряглись, но удержался. Не стал из дружеского поцелуя делать что-то большее.

Вольский не спеша надел рубашку, а затем пиджак. Уже к выходу собирался, как я плеча его коснулась.

— Тимур, подвезешь меня в одно место? Хочу друга навестить, — согласился, кивая головой. А затем ещё полчаса ждал, пока я душ приму и переоденусь.

К дому Артёма мы добрались за двадцать минут. У подъезда попрощалась с Вольским и ничего не объясняя, вышла из машины. Когда на пороге квартиры меня встретил Артем, послышался знакомый лай. Зевс. Большой рыжий пёс благородных «дворянжестых» корней

задорно вилял хвостом, пытаясь запрыгнуть на меня.

— Ну, привет, дружище! — Обратилась к Зевсу, опускаясь на колени. В ответ пес лапу подал, вызывая широкие улыбки на наших с Артёмом лицах.

— Он скучал по тебе, — протянул за моей спиной Артём. А я уже одевала на шею питомца ошейник, намереваясь его выгулять.

Приезжать в гости к Артёму и Зевсу было уже традицией несколько месяцев. Каждую субботу, а и иногда и воскресенье, мы гуляли с Зевсом в парке добрый час. Бывало, к нам присоединялся Артём, и тогда прогулка могла затянуться гораздо дольше. После того случая, когда мы с инструктором отвезли раненую собаку к ветеринару, Зевс полностью оправился. Артём, как и обещал, оставил животное у себя, за что я была безмерно благодарна.

Сегодня с Зевсом мы от души нагулялись. Успели погонять голубей на центральной аллее в парке, побросали любимый резиновый мячик, даже пару кошек на дерево загнали, чем был, безусловно, доволен Зевс. А на обратной дороге зашли в местный кондитерский магазин и купили пирожные.

Прогулка выдалась на славу, что и не говори. Да ещё и тёплый апрельский денёк порадовал своей погодой. Ясно светило солнце, птицы прилетели из тёплых краёв и теперь вовсю щебетали, наполняя сердце радостью. Природа ожила, а вместе с ней и я. Излечилась, избавилась от инфекции, что весь организм поработила. Больше в моих мыслях ОН не появлялся. Больше не снился каждую ночь. Больше я не плакала и ничего не ждала. Жизнь вернулась на круги своя. Вот автошкола скоро закончится. На носу государственные экзамены. Считай, через неделю-две получу водительские права и смогу уже выбирать автомобиль. Подумать только! У меня будет машина.

Полная бодрости и в хорошем настроении, я вела за поводок Зевса, размышляя о будущем. Возможно, мама была права. Я должна дать шанс Тимуру. Мне скоро двадцать шесть лет и кто знает, встречу ли ещё когда-нибудь свою вторую половинку? Ведь так можно и до старости ждать. А старости ждать я, как раз, и не планировала. Головой всё понимала.

Понимала, что хороших парней давно разобрали по самой молодости. Мне в основном доставались же одни женатые, ну или маменькины сыночки — в лучшем случае. Никакие из вышеуказанных персонажей не походили на роль спутника жизни. Первые, понятное дело, уже были связаны узами брака, а разрушать чужую семью — было не по моим правилам. Относительно вторых, тех, что маменькины сыночки, так там вообще без вариантов. Я-то свою маму иногда до белого каления не доводила, а что уж говорить о других? Нет, не получится. Там слишком тяжёлая артиллерия, не выдержит моя крепость подобного и месяц даже.

Получалось, только Вольский подходил по всем параметрам. Да он же просто идеальный муж, с какого бока не посмотри. Не любила только его, а нужно? Разве во всех семьях муж и жена друг друга любят? Главное — взаимопонимание и уважение, как говорила мама. А маме я поверила после того, как в очередной раз любимые грабли в голову стукнули. *Нет, не стану наступать на садовый инвентарь трижды.* Один — случайность, два — совпадение, а с закономерностью я-то могу бороться, правда?

К Артёму домой я вернулась в хорошем расположении духа. С удовольствием помогла заядлому холостяку сварить суп и пожарить котлеты. Артём, конечно же, упирался, как мог. Всё твердил, что не хочет меня обременять лишними хлопотами. Что и «дошерак» тоже очень вкусная еда, а яичница с колбасой — вообще лакомство. Стеснялся, скромничал. Но меня не нужно было уговаривать. Каждые выходные, когда я приезжала в гости, старалась

приготовить еды с запасом на всю неделю. В основном — это были первые и горячие блюда. Иногда, если оставалось время, могла ещё что-то испечь в духовке. Шарлотку, например.

Взамен на мою доброту, Артём давал дополнительные уроки по вождению и никогда не хотел брать за это денег, даже на топливо. А топливо потреблялось немало, учитывая тот факт, что ездили мы не на учебном автомобиле, а на личном инструктора. Двух с половиной литровый двигатель потреблял прилично, я только глаза округлила на заправке, смотря на цифры, что светились на табло.

Мы пили с Артёмом чай и смотрели наш любимый "Форсаж", когда раздался стук в дверь.

— Ты ждёшь кого-то? — Обратилась я, суя под столом очередное пирожное для Зевса.

Артём всегда меня за это ругал. Говоря, что после моих посиделок Зевс потом отказывается есть обычный корм.

— Вроде бы, никого, — ответил инструктор, но все равно поднялся, чтобы открыть дверь незваному гостю.

— Можно, я на балкон пойду покурить? — Артём головой одобрительно кивнул, но вслед всё же крикнул знакомую фразу *"Ты же будущая мать, хватит травить организм"*.

Я только глаза закатила на подобную реплику и вышла на балкон. Оперлась о перила и подкурила сигарету. Затянулась серым дымом, ощущая некую расслабленность в теле. Интересно стало, что сейчас Вольский делал. В своих мыслях я только о нем думала последние три часа. Ну вот, распутала клубок. Пазл в единую картинку сложила. Хватит кругами ходить около друг друга. Пора и честь знать, как говорится.

Но все оказалось простым только в мыслях. В реальности же за спиной тихие шаги послышались, а в голову знакомый запах ударил. Терпкий аромат с цитрусовыми нотками и чем-то ещё. Колени предательски подогнулись, за перила пришлось ухватиться, чтобы не принять горизонтальное положение.

Что за дежавю, мать его? Я не заказывала подобную оперу!

Я ощущала всеми фибрами души присутствие Его. Моя чертова клеточная память помнила всё до мельчайших деталей. Когда он смеялся, то в уголках глаз собирались мелкие морщины, а брови растягивались в две широкие линии. Когда он злился, то цвет глаз превращался в холодную сталь, а на лбу появлялись горизонтальные полосы. Когда смотрел на меня, то перехватывало дух, а по венам растекался адреналин. Он такой многоликий, такой разный, такой удивительный, но чужой! Я должна была его ненавидеть, навсегда храня в сердце памятные шрамы. Беречь только плохие фрагменты из калейдоскопа воспоминаний и НИКОГДА не подпускать к себе на расстояние пушечного выстрела.

Я готовилась к нашей встрече. Сотню раз представляла, как замахнусь со всей силы рукой и оставлю отпечаток ладони на его щеке. А он улыбнется, посмотрит свысока и скажет: "Значит, так?". А затем, в своих фантазиях, я всегда уходила. Уходила, высоко подняв голову, а он кричал вслед "Прости". Но я не прощала. Никогда не прощала в любом из ста вариантов. Исход был всегда один. Он должен был покаяться, произнести громкие слова о том, что не имел права так поступать со мной. В моих фантазиях *Он* не признавался в любви. Слышать из его губ романтические признания выглядело, как минимум, дешево. Настолько дешево, что впору было считать знаменитых овечек от скуки. Не любил он меня НИКОГДА! Да и, разве, может любить человек, у которого нет сердца? Ведь у него не было он сам говорил.

А ещё он говорил, что жить без меня не сможет. Совсем не краснел, играя роль влюбленного мудака перед моей мамой. Хотя, нет. Мудаком он был настоящим, а вот влюбленного — всё же играл!

Я стояла к нему спиной, собираясь с мыслями. Думала, что хватит сил обернуться и выказать всю обиду, глядя прямо в лицо. Но оказалось, не рассчитала. Сил не рассчитала, да и духу не хватило, чтобы даже обернуться. Так и прилипла к поручню балкона, цепляясь пальцами, как за спасательную шлюпку. А он, тем временем, молчал. Лишь звук чиркающей зажигалки нарушал затянувшуюся тишину. Нервничал. Это я сразу поняла, когда мимо моего лица в нескольких десятках сантиметров пролетела та несчастная зажигалка. Выкинул прямо с балкона. Так и не смог прикурить сигарету. А я и не шелохнулась, несмотря на букет эмоций, что в душе прочно засел. Не позволила себе и звука издать. Лишь веки ненадолго прикрыла, делая глубокий вдох и выдох.

В моих фантазиях он должен был вести себя совсем по-другому. Но это были не фантазии, а суровая, мать её, реальность. В два шага преодолел расстояние между нами. За плечи схватил крепкими руками, а я едва знакомой лужицей не растеклась у его ног и к груди почти не прильнула. Не ожидала. Совсем не могла предполагать, что *любовь такая...* Это удар под дых. Это прыжок в пустоту с высоты птичьего полета. Это было больно!

Он шумно дышал, обнимая за плечи. Моя спина касалась его груди, а ягодицы упирались в бедра. Знакомый аромат вскружил голову, когда он, слегка поддавшись вперёд, зарылся лицом на изгибе моей шеи. Мурашки. Сотня, тысяча, миллион. Не сосчитать. Но они забрались под кожу. Пробежали вдоль всех позвонков, а затем нагло коснулись коленей. Едва не упала. Хотя, лучше бы свалилась прямо там, на балконе. Головой бы ударилась, как

можно сильнее, чтобы потерять память. Чтобы навсегда выкинуть из головы человека, которого так и не смогла забыть.

— Я скучал, — знакомые хриплые нотки послышались совсем рядом, а я заметно вздрогнула от неожиданности.

В ответ на мою реакцию, он развернул к себе лицом. А затем заставил поднять подбородок, чтобы я посмотрела ему прямо в глаза. Но я не смогла. Веки прикрыла, пытаюсь удержать дурацкую влагу в глазах. Только бы не зарыдать! Только бы не показать ему, насколько сильно его ЛЮБЛЮ. Разве так можно, любить человека до самоуничтожения и саморазрушения? Разве можно забыть боль, которую тебе оставил человек, которого ты любишь? С такими чувствами я впервые столкнулась в своей жизни. Это тот случай, когда любишь не за что-то, а вопреки. Вопреки своей гордости и чести. И оказалось, что любить его — больно.

— Почему ты не смотришь на меня? — Спросил он, когда я продолжала стоять с закрытыми глазами.

Я так и не ответила. Даже, когда встряхнул меня за плечи, всё равно не ответила, как и не открыла глаза. Боялась на него смотреть, боялась и звук издать, не то, чтобы говорить. Только от одного присутствия его, я сходила с ума. Слетала с катушек на ровном месте, рассыпаясь на тысячу осколков.

— Леся, милая. Но за что ты меня любишь? Я же подонок, ты ненавидеть меня должна! Кричи, бей кулаками. Но не веди себя так! — Его голос врезался в подсознание, оставляя в памяти каждое слово.

Я проиграла. Оказалась слишком слабым игроком в этой партии. Триумф был за ним, а мне оставалось лишь поправить на его голове лавры победителя. Надменный, высокомерный, такой, как прежде. Грубый, brutальный, прямолинейный, но любимый?

— Отпусти, — голос вернулся. А затем осмелилась открыть глаза и посмотреть на него. — Больше. Никогда. Не прикасайся ко мне!

Все слова с такой горечью произнесла, будто на смертном одре стояла. Если бы я могла убивать взглядом, то уже трижды заживо сожгла Ариевского. Настолько сильно сыпались из моих глаз искры. *Любовь с примесью боли — самая настоящая гремучая смесь, просто коктейль Молотова.*

Но он не отпустил. Только клещи на моей талии сжал, что в груди стало тесно. Из лёгких весь воздух выбился, а голова, точно закружилась. И тогда, открылось второе дыхание, не иначе. Принялась кулаками молотить по широкой груди. А затем, когда он разжал тиски своих пальцев на моей талии, всё же вlepила смачную пощёчину.

— Мудак ты, Тимур. — Осмелилась в глубину серых глаз посмотреть. Да только не увидела ничего, кроме пустоты.

Ариевский стоял напротив и потирал ушибленную щеку. Ухмыльнулся криво на одну сторону, а затем так высокомерно посмотрел, будто ровняя с кафельной плиткой на балконе:

— Можешь гордиться собой, Лисёнок. Только что ты дала по морде майору уголовного розыска.

— А мне насрать. Хоть самому президенту! Только легче от этого не стало. Знать тебя не хочу, не то, чтобы видеть, — вся боль наружу вырвалась. Слова слетали с губ, будто пропитанные ядом. — Ты променял меня на карьеру. Хотя, нет. Не променял. Просто наигрался и бросил, даже не объяснившись. Этот поступок не делает тебе чести, господин

майор.

— А что ты знаешь обо мне? — Больно за руку схватил чуть выше локтя. Я отбиваться начала, но он не отпустил. — Почему не спрашиваешь, из-за чего я так поступил?

— Мне не интересно, — огрызнулась, не прекращая попыток вырвать свою руку. — Отпусти, иначе я сейчас орать буду!

— Не будешь. Я отпущу, но ты не уйдешь, пока не выслушаешь все до самого конца.

И он отпустил, но только дверной проем закрыл своим телом, чтобы я уйти не смогла. Остаться пришлось, хотя ноги готовы были бежать и поскорее.

— Лучше сядь, Леся. Я скажу тебе правду, чтобы ты понимала, кто окружает тебя. Думаешь, я один такой мудака в этой истории? — В ответ я кивнула головой, скрестив руки на груди. — А что ты знаешь о своих близких?

— Не трогай моих близких! — Угрожающе палец поднесла к лицу Ариевского, да только тот и бровью не повёл.

— Успокойся. Никого не буду я трогать. Знаешь, почему я расстался со своей женой? Нет, конечно же. Откуда тебе знать? Она изменила мне. Классика. Пришёл домой с работы. Застал её в кровати с любовником. Думал, убью обоих. На скорой помощи забрали того кабеля. Плечо ему прострелил. Вот за это меня и выгнали из органов. Дело замяли, но значок полицейский всё-таки отобрали.

— Мне неинтересно, Тимур. Можешь не продолжать. — К двери направилась, не желая дальше слушать этот абсурд.

— Нет, ты останешься, лисёнок и выслушаешь всё до самого конца. — Притворно ласково протянул, усаживая меня на деревянный табурет.

Закурить решила. К пачке картонной потянулась, да только дрожащие пальцы так и не смогли удержать заветную цель. Тимур помог. Поднял с пола Винстон и протянул мне одну сигарету.

Я закурила. Глубоко затянулась сизым дымом, ощущая, как никотин наполняет лёгкие. Пыталась не смотреть на него, но получалось с огромным трудом. Взгляд, как бы я того не желала, так и устремлялся в сторону широких плеч. А ещё был всему виной любимый запах. Запах, который не затмит даже сигаретный дым. А ещё эти чёртовы мурашки ползли вдоль всей спины. Пальцы дрожали, а вместе с ними и дыхание. Каждый вздох просто вырывался из груди. Я так отчаянно боролась с самой собой, что к стулу едва не приклеилась. Но тело так и стремилось к нему. К тому, в чьих объятиях я одновременно теряла себя, но обретала покой. *Я всё ещё любила его...*

Тимур стоял ко мне вполборота. Смотрел куда-то вдаль, широко раскинув плечи. Его голос переливался от нахлынувших эмоций, а глаза время от времени сужались. Он вспоминал. Вспоминал непростые события прошлого, которые каким-то боком имели отношение к настоящему.

— С женой мы расстались. Она уехала за границу, а я устроился автоинструктором, не найдя ничего лучше. Мы остались с дочерью вдвоем, и я совсем не знал, как воспитывать девочку. Ей нужна была материнская забота, поддержка и воспитание, а я плохо играл эту роль. Я постоянно пропадал на работе, но денег всё равно не хватало. Большую часть зарплаты приходилось отдавать на выплату ипотеки за квартиру. А спустя два года мне предложили вернуться в органы. Предложение было неожиданным. О таком я мог только мечтать. Восстановиться на прежней должности, но в другом городе, в столице. — Тимур продолжал смотреть перед собой, а я искренне не понимала, зачем он всё это рассказывал.

— Если ты ещё не догадалась, то новую работу мне предложили после знакомства с тобой. Это случилось незадолго до твоей командировки. Мне не оставили выбора. Я должен был расстаться с тобой, Лисёнок. Такое условие мне поставил Вольский, взамен на новую должность. — Тимур перешёл на еле уловимый шепот, а затем совсем замолчал.

Я пыталась собраться с мыслями. Пыталась обдумать, услышанное. Но не получалось. Не могла найти ни единого оправдания поступку любимого мужчины. Разве нельзя было обо всем мне сказать прямо? Зачем он скрывал? Чего добивался? Но Ариевский, будто умел читать мысли. На корточки сел передо мной, а затем, не спрашивая разрешения, за руку взял, прижимая к своей щеке.

— Ты должна была меня возненавидеть. Это было гарантией того, что я не нарушу планы Вольского. Извини меня, но есть вещи гораздо важнее любви. Благополучие моей дочери — превыше всего. И за это ты не можешь меня осуждать. — Я смотрела на знакомое лицо и пыталась найти хоть что-то, чтобы меня оттолкнуло. Отвернуло, просто навсегда отвратило от этого мужчины.

Вскоре я всё же смогла прийти в себя. Смогла собраться с силами и спросить самое главное, что рвало душу на части:

— Тимур, так это всё из-за денег? Насколько больше ты теперь получаешь?

Ариевский шумно вздохнул, а затем закатил глаза, будто я задала слишком глупый вопрос, на который даже не хотелось отвечать.

— Больше. Но это ещё не всё. Знаешь, кто был тем кабелем, которого я застал в постели с женой и из-за которого я лишился всё, что имел? — В ответ я отрицательно кивнула головой, не имея никаких предположений. На что он ухмыльнулся, а затем продолжил. — Вольский. Это был твой мажор. Вот такой поворот, Лисёнок. Твой Вольский влез в мою жизнь, причем дважды. Поэтому, я хочу, чтобы ты знала, кто тебя окружает и, чтобы ты была осторожна. Леся, он опасный человек и совсем не тот, за кого ты его принимаешь.

Когда Тимур закончил говорить, я уже не могла сдерживать эмоций. В уголках глаз щипало от слез. Внутри все затягивалось будто бы в тугую узел, а воздух становился таким тяжелым, что трудно было дышать. Голова коснулась коленей, а затем последовал громкий крик, что вырвался наружу. Я рассыпалась на молекулы, растворялась в пространстве, утопая в своей боли.

— Лесенька моя, — шептали его губы, а руки обнимали за хрупкие плечи. Он пытался меня успокоить. Гладил по голове, бережно прижимая к своей груди.

Минуты потянулись часами, а затем время совсем остановилась, и я даже не сразу поняла, что происходит, когда мое трепещущее тело оторвали от стула. Совсем с катушек слетела, не отдавая отчета происходящему. Тимур открыл дверь, ведущую на балкон, а затем вошел в спальню, неся меня на руках.

В голове всплывали картинки никогда не забытых воспоминаний. В тех воспоминаниях я была счастлива. Была, но уже никогда не буду. Мой мир был лишь иллюзией, придуманный больным мозгом. Первая встреча, та самая первая, когда он окинул презрительным взглядом с головы до ног, бросаясь колкими словечками: «А ты чего варешку открыла? Садись давай!». А затем была его кривая ухмылка на лице и заметный нервный смешок, когда он попытался пошутить. Мы тогда не понравились друг другу, это точно. Были подобно кошке и собаке, говорящие на разных языках. Я называла его личным кошмаром, а он считал меня необучаемой. Но все изменилось в один день. Тот день, когда Вольский подвез меня к воротам автошколы и поцеловал на прощание. Ариевский тогда перед собой долго смотрел,

будто увидев призрака. А потом вечером мы встретились в ночном клубе и именно с того момента наступила точка невозврата. Мы целовались, долго, страстно. Были пьяными в стельку, но, кажется, счастливыми. *Какой же я была душой, воспринимая внезапные чувства Ариевского за чистую монету.*

— Лесь, скажи что-нибудь? — Прервал мысли Тимур, опуская меня на кровать.

Осмелилась взглянуть на него. И где только силы нашлись? Он смотрел на меня с нескрываемой тревогой. На лице дрожал мускул, а на лбу выступала едва заметная вена. Ожидал. Ждал до последнего ответную реакцию с моей стороны. Даже в ладони взял мокрую руку, а затем принялся покрывать ее трепетными поцелуями.

— Пообещай, что забудешь меня? Просто пообещай. Лисенок, я не достоин твоих слез. Девочка моя, не плачь, — он стирал с моих щек влагу, а я сидела напротив, не шевелясь.

Не знала, что может быть настолько больно. Больно до онемения языка. Кажется, он что-то говорил о ненависти. О том, что вся наша связь была неправильной. Что он не должен был вмешиваться в мою жизнь, но вмешался.

— Уходи. Тимур. Навсегда. — Единственное, что смогла произнести, вытягивая из себя слова, будто осколки стекла из кровоточащей раны.

И он ушел, не говоря ни слова. Лишь один раз к себе прижал, целуя в лоб, точно покойницу. А я уже была покойницей. Точнее, не так. Покойником были мои чувства. Их просто убили, сделав контрольный выстрел, будто бы в самую голову. *Покойся с миром, моя любовь. Тебя больше никогда не будет в моей жизни. Отныне ты для меня мертвый.*

Оказалось, что иногда так бывает, когда в чьей-то жизни ты всего лишь орудие мести. Тебя используют, для достижения личных целей, нагло играя. Для Тимура я была лишь игрушкой. Он бесцеремонно влез в мою жизнь, стирая границы здравого смысла. Он знал, он все знал. Знал, поэтому и совратил тогда в машине. Знал, что Вольский обо всем узнает. В героя-любовника играл. *Подлец!* Хотел отомстить Вольскому, а получается не рассчитал, что я влюблюсь в него по-настоящему. Что захочу быть с ним навсегда. А Вольский с ума сходил, наблюдая за нами со стороны. Теперь я понимаю, откуда взялась та странная гиперопека. Тим тоже знал обо всем. Они оба знали.

В ту субботу мне хотелось, как минимум, умереть. Но умирать из-за мужчины — глупо. Да только глупость иногда не знает границ, а потому совершаются отчаянные поступки. Нет. Я не пыталась покончить с жизнью. И у его подъезда я тоже не сидела. Мне всего лишь хотелось спокойствия и тишины. Такой тишины, чтобы не слышно было человеческой речи. Чтобы ничего не смогло напомнить о нём.

Я не помню, как шатающиеся ноги увели меня прочь из квартиры Артёма. Кстати, Артём тогда так и не появился. А я не обиделась на него, нет. Я просто поменяла своё мнение о человеке. То, что наша встреча с *ним* была не случайной — понимала. Только никак не могла определить, чьих рук было это дело. Сомневалась, что Ариевскому нужна была встреча. Он выглядел слегка растерянным, когда увидел меня там, на балконе. А дальше всё было чистой импровизацией. Однозначно. Всё указывало на Вольского, как не крути. Опять этот человек, возомнивший себя вершителем судеб, использовал свои методы. Я не знала этого точно, но почему-то хотелось думать именно так, а не иначе.

Ноги несли невесть куда. Я шла по незнакомым улочкам, глотая слёзы вперемешку с обидой. Пелена устилала путь перед глазами. Куда я шла? Неважно. В тот момент ничего не имело важности. Забрела в какой-то магазин. С дуру купила бутылку водки, будто алкоголь мог помочь решить проблему. Нет, конечно же. Не решил он проблему. Только помог помянуть и проводить в вечный путь. А проводить, как раз-таки, было что. *Я хоронила любовь.*

Кварталы сменяли друг другу. На одном перекрестке повернула направо. Почему направо? Всё просто. В том направлении горел зелёный цвет светофора. Забрела в какой-то дворик. Долго бродила около незнакомых домов, пока не оказалась в гаражном кооперативе. Было пусто. Ни души. Лишь птицы, устроившиеся на ветках деревьев, нарушали желанную тишину.

Почему-то вспомнилось детство. Когда мне было лет десять, мы с Ванькой любили лазить по крышам гаражей. Братец забирался первым, а затем помогал мне. В то беззаботное время нас не волновала возможная угроза в виде падения с крыши. Нас тогда вообще мало, что беспокоило. После нахлынувших воспоминаний захотелось вернуться в прошлое. То прошлое, где самой большой бедой была ссора с любимой подружкой или наказание в виде домашнего ареста на целую неделю. Как же мне хотелось снова стать ребенком, чтобы зелёной можно было вылечить любую рану. Так и произнесла вслух волшебные слова, что в детстве говорила мама: *"У кошки боли, у собачки боли, а у Лесеньки — заживи"*.

"Заживи у Лесеньки сердце, пожалуйста", — вслух смеялась, делая очередной глоток водки прямо из бутылки. А затем попыталась забраться на крышу одного гаража. Залезла на дерево. Ободрала ладони и колени просто, пока пыталась достичь желанной цели. Понятное дело, давно я не лазила по деревьям. Кажется, это было совсем в прошлой жизни. Уселась на холодный шифер, подстелив под пятую точку кожаную куртку. Хорошая была курточка. Дорогая. Да только это, разве, имело значения? Нет, никакого.

Солнце уходило за горизонт. Приближался закат. Я подставила лицо под последние лучи солнца, искренне радуясь теплу. Водка приятно обжигала горло. В голове становилось пусто. Послышалась трель мобильного телефона. Потянулась к сумке. Скривилась, прочитав

имя абонента. Вольский. Кто же ещё? Долго не решалась принять вызов. Даже хотела телефон выбросить, но передумала. Дорогой айфон, вряд ли когда-нибудь заработаю на такой. Смешно стало от этой мысли. А нужно ли вообще работать, когда рядом такой жених челом поклоны бьёт? И чего я от него нос воротила? Ишь, какой грамотный парень. Всё наперёд просчитал.

На звонок всё же ответила после неизвестно какой попытки. Сначала думала просто молчать в трубку, но Тимур так орал, что не сдержалась:

— Не ори на меня. Где хочу, там и сижу. И не скажу тебе, где именно сижу. Не твои заботы, Тимурчик. Отвали от меня наконец-то. Достал. И вообще, иди к черту, Вольский.

Вызов завершила, широко улыбаясь, будто безумная. Гордость какая-то появилась. Прямо похвалила себя: *"Молодец, Соболева. Как ты их сегодня сделала, а? Одному по морде врезала, а другого на три буквы послала"*.

Дальше всё, как в тумане было. Пила водку, курила сигареты, считала воробьев на проводах электросети. Жизнь приобретала краски. Уже заметно опьянела, от того и легче стало. Свободнее, что ли. Сколько прошло времени я не знала, но в бутылке уже почти не оставалось выпивки, когда слышались голоса.

— Чёрт, — вслух выругалась, не веря собственным ушам.

Но только голоса от этого не прекратились, а стали ещё громче. Так и слышалось издалека "Леся". А потом опять мобильник позвонил. На этот раз был Ванька.

— Сестрёнка, ты где? — Только и смог произнести встревоженный голос.

Хотелось ответить: "В Караганде", но не ответила. Это же мой Ванька. С ним так нельзя. Он старший брат. Так и получилось, что слёзы наружу вырвались, когда родному человеку рассказала о том, что хотела вернуться в детство. В то детство, когда он учил меня стрелять из рогатки и кататься на "тарзанке".

Ванька нашел меня в скором времени. Залез ко мне на крышу. Обнял крепко-крепко, а я в шею ему уткнулась, говоря о том, что он — единственный мужчина, кому я могу доверять в этой жизни. У брата мускул на лице задрожал. Так и видела, как он злился.

— Алеська, кому я должен начистить морду? Ты только скажи. Кто тебя обидел? — Всё спрашивал и спрашивал, тряся меня за плечи. Но я не признавалась.

Не помогут кулаки. Разве сердце болеть перестанет? Нет. Только время расставит всё по своим местам.

А потом в пьяную голову трезвые мысли ворвались. На братца с недоверием посмотрела, хитро прищурившись:

— Как ты меня нашел?

— Это не я. Тимур нашел. — Ответил братец, сомнительно выдавливая из себя слова.

Я за плечи мужские ухватилась, крепко вцепившись пальцами за воротник кожанки. Только и шевелила губами "Почему". На большее мой речевой аппарат был не способен. Водка достигала своего апогея.

— Твой айфон, сестрёнка. Тимур отследил его местоположение, — всё оказалось гораздо банальней, чем я могла предполагать.

Методы Вольского действительно были действенными. Возможно, он даже специально подарил мне этот чертов телефон, чтобы следить за каждым шагом. Скорее всего, так и было, но сейчас меня это мало волновало. Точнее сказать, в моей кондиции меня вообще ничто подобное не могло волновать. Жизнь просто катилась по наклонной.

Братец помог слезть с крыши гаража. Ну, как помог? На мужскую спину залезла, крепко обхватив торс ногами. Так и спускался Ванька со своей ношей, точнее дровами. По-другому нельзя было назвать моё состояние. Когда мы оказались на земле, откуда не возьмись, появился Вольский. Стоял напротив, оглядывая меня с головы до ног. А я за Ваньку держалась, едва стоя на ногах. Понятное дело, нажралась, да ещё на голодный желудок. Двойной удар для организма, так сказать. Но здоровье меня не беспокоило. Мне бы день простоять, да ночь продержаться. Не помню, кто сказал, но выражение подходило, как нельзя кстати.

— Где тебя носило? — Вольский на арену вышел. Отчитывать принялся, да хорошо, что Ванька пресек все попытки. За плечо друга схватил, заставляя не делать шагов в мою сторону.

— Полегче с ней. Она моя сестра всё-таки, если ты забыл, — а Вольский так и застыл на месте, не ожидая реакции друга.

— Почему она пьяная? — Мужики начали общаться между собой, выясняя причины и обстоятельства.

Мне, в свою очередь, совсем было не до разговоров. Хорошо, что рядом пенёк был. Так и уселась на него, прикуривая сигарету. Затянулась. Стала наблюдать за кольцами сизого дыма. Ребята о чём-то спорили между собой. А мне плевать на них всех хотелось с высокой колокольни.

— Леся, идём. — Очнулась, когда увидела перед собой руку Тимура. Он стоял напротив и ждал, когда я обращу на него внимание.

Огляделась по сторонам. Братца и след простыл. И когда он только успел слинять? Неужели, оставил меня на растерзание этому волку?

— Не хочу, — так и не встала с пенька, на что Тимур заметно разозлился.

— Мне тебя понести?

— Тебе по душе с дровами возиться? Так забирай, Тимурчик. — В голос засмеялась. Удивительно, но Тим воспринял слова буквально.

На руки взял и пошел вдоль тех самых домов. Я не сопротивлялась нисколько. Равнодушно обмякла в его руках, подобно тряпичной кукле. Нравится возиться со мной? Да ради бога. *Только зубы пусть не обломает об меня мальчик, я ведь та ещё стена бетонная.* Вряд ли сломает когда-нибудь.

К лайнеру своему принес, будто королеву. Заднюю дверь открыл и бережно усадил на заднее сиденье, а сам сел на место водителя. В зеркало заднего вида как-то недобро посмотрел, говоря:

— Всё, Леся. Добегалась ты. Надоело мне играть роль хорошего парня. Завтра же пойдем заявление в ЗАГС подавать.

— Не получится завтра, Тимурчик. — Вольский, не ожидая подобного ответа, обернулся. Так и уставился на меня в удивлении с вопросом: "Почему". — Завтра же воскресенье. А вообще, если ты хочешь, чтобы я тебе испортила жизнь, то можно в понедельник. Да, точно. Поженимся прямо в понедельник. И тогда я виртуозно начну играть на твоих нервах. Только не обижайся потом.

— Я сейчас не понял. Ты шутишь или действительно согласна выйти за меня замуж?

— Ну, почему же шучу? Я действительно умею виртуозно играть на нервах. А тебе обещаю, что сделаю твою жизнь незабываемой. Как говорится, и в любви, и в радости. Только смерть разлучит нас. — Не стесняясь, хохотала во всю глотку, замечая, как на лице

Вольского играли желваки.

Злился? Да плевать мне было на его эмоции. Он же этого хотел? Так в чём проблема? Я сделаю ему фантастический брак, может не сомневаться.

В скором времени я заснула под гул мотора автомобиля. Так и развалилась на широком диване, закинув ноги на спинку переднего сиденья. Когда машина резко остановилась, едва не свалилась. Проснуться всё-таки пришлось. Очень жаль. Мне снился такой хороший сон. Я парила в облаках, словно птица, и было так легко и свободно, как никогда в жизни.

Передо мной открылась дверь, а затем показался Вольский. Руку предложил, но я отказалась, со словами: "Я сама". По сторонам огляделась. Не узнала местность. Высокий каменный забор, большие металлические ворота и всё, дальше ничего не видно из-за покрова ночи. Кстати, сколько мы ехали в машине? Видимо, достаточно много, раз я успела заметно протрезветь.

— Куда ты меня привез? — К Вольскому обратилась, надеясь, что он раскроет карты.

Но Тимур не торопился отвечать. За руку меня взял и за собой повёл. А я, так и опешила, замечая перед собой огромный коттедж.

— Я буду кричать, если ты мне не ответишь, Тимур, — за угрозы принялась, когда Вольский затащил меня в дом просто силком.

— Бесполезно. Можешь не пытаться, — ответил слишком спокойным голосом, выводя меня из себя все больше и больше.

Так и застыла на месте, будто истукан. Руки на груди сложила крест-накрест, и с риторическим вопросом «Проверим», заорала на весь дом. Тимур с места рванул. В считанные секунды возле меня оказался и за плечи схватил, больно вцепившись пальцами.

— С ума сошла? — В глаза заглянул, пытаюсь, остатки моего разума найти. Да только бесполезно его было искать. Сдурела, что и говорить? — Идём в спальню. Я тебя спать уложу, а завтра обо всем поговорим, когда протрезвеешь.

И я согласилась. Позволила себя за руку взять. И даже не сопротивлялась, когда, минуя деревянную лестницу, Вольский за талию держал, прижимая к своему телу. По сторонам особо не оглядывалась, хотя окружающий интерьер так и кричал о немыслимой роскоши. Дом выглядел слишком пустым, будто здесь особо никто и не жил вовсе. Спальня, на удивление, оказалась уютной. Огромная кровать возле панорамного окна завладела моим вниманием, едва я переступила порог. Так и плюхнулась в мягкий матрас с разбега, заняв горизонтальное положение.

А затем очень спать захотелось. Веки будто свинцовыми стали. На подушку улеглась, подпирая подбородок ладошкой. Только глаза закрыла, как в сон глубокий провалилась. Последнее, что помнилось — Вольский, сидевший у изголовья кровати.

— Что же ты делаешь со мной, малыш? Ты же мне душу всю измотала за полтора года, — по голове гладил, пропуская между пальцев пряди моих волос.

Посреди ночи проснулась от сильной жажды. Спросонья не распознала обстановку. Всё не могла понять, где нахожусь и как здесь оказалась. С кровати поднялась, а потом, на интуитивном уровне, направилась к двери. В кромешной тьме шоркала босыми ногами по холодному паркету. Думала, кухню найду, а там, наверняка, будет, чем утолить жажду. Но спустя несколько минут поиска, так и не смогла найти нужный объект. Остановилась возле одной двери, похожей на ванную комнату. Интуиция не подвела. Оказался санузел. К раковине подошла, желая напиться прямо из-под крана. За спиной шум послышался. Будто кто-то забыл в душевой кабине воду выключить. Только успела открыть дверцу, как на месте

застыла.

Перед глазами необычная картина предстала. Мужчина, абсолютно обнаженный, стоял ко мне спиной. По его широкой спине стекали струи воды. Так и уставилась перед собой, разглядывая длинные ноги. Мне бы извиниться стоило, и бежать, поскорее, не оглядываясь. Да только я и не шелохнулась даже, когда он обернулся ко мне. В его глазах увидела пелену. Взгляд затуманенный, брови высоко вскинута вверх. Ему даже не нужно было ничего говорить — настолько сильно читалось на его лице удивление. Назад начала пятиться, когда воздух накалился до предела. Крепкие руки в плен взяли. Так и обвились вокруг талии прочным капканом. Смотрел на меня сверху вниз, останавливая взор на губах. А я дышать перестала. Всё не могла с силами собраться, чтобы оттолкнуть его. Разум кричал: "*Уходи. Беги. Леся*", а тело совсем ничего не предпринимало.

Настойчивые губы начали покрывать ключицы. Горячие пальцы убрали волосы на одно плечо, а затем стали поглаживать изгиб шеи. Губы, тем временем, спускались всё ниже и ниже. Майка совсем мокрая стала. Так и прилипла к телу, нагло обтягивая грудь. А я даже и вспомнить не могла, когда успела снять одежду и остаться в одних трусиках и майке. Кажется, засыпала полностью одетой.

Развернул круто на сто восемьдесят градусов. Оказалась лицом прижатой к кафельной плитке. К бедрам моим придвинулся вплотную. Руки на грудь опустил. Сначала лёгкое касание вдоль диафрагмы, а затем мужские пальцы опустились ниже. Тихо вскрикнула, ощущая внезапные спазмы под натиском его рук. В голове совсем пусто стало. Саму себя не понимала и даже не хотела понимать. Нравились его прикосновения. Нравилось, как он терся о мои ягодицы своими бёдрами, да и не только бёдрами. *Неужели всё это мне не снилось?*

А потом был долгий плен его губ. Целовал страстно, неистово, будто пытался каждый сладкий вздох сорвать с моего рта. И сорвал, когда мужская рука, опустилась к низу живота. Внутри все колошматило не по-детски. Знакомый жар завладел всем телом. Последние отголоски разума покинули подкорку, и я вцепилась за мужские плечи, как утопающий за спасательный круг.

"Всё равно, что будет потом, лишь бы забыть о НЕМ. Лишь бы навсегда стереть из памяти прикосновения его губ и рук", — шептал внутренний голос, с которым я даже не пыталась спорить. Всё так и есть. Клин клином вышибают, как говорится и совсем неважно, что завтра, возможно, буду жалеть об этом. Каждый имеет право на глупость, а в моём случае, глупость — это лучшее лекарство от той проклятой инфекции, что поселилась в сердце.

Струи горячей воды беспощадно обжигали кожу. Волна страсти приобрела повышенную скорость. На мне уже не было майки, а трусики давно были нагло разорваны и откинута в сторону. Я не сопротивлялась, когда мужские руки подхватили за ягодицы. Лишь ногами обвила торс, прижимаясь спиной к кафельной плитке. Кажется, наша странная френд-зона провалилась. Провалилась с громким вздохом на моих губах...

Он ритмично двигался, удерживая моё тело в своих руках. Я кусала губы, сдерживая крики, что так и пытались сорваться. Странное чувство поселилось внутри. Я никак не могла понять, почему моему телу это всё нравилось. Почему всё внутри натягивалось, как гитарные струны, а затем разливалось странной музыкой. Я полностью потеряла контроль и стала обезоруженной. В его объятиях я плавилась подобно воску, а он только игриво улыбался, замечая, какую неожиданную власть приобрел над моим телом.

Эйфория накрыла обоих под шум воды, под горячим паром, что окутал всё пространство. Я прижалась лбом к его телу, а затем сонно прикрыла веки, когда он нёс меня на руках. Так и заснула, едва голова коснулась его груди. Только размеренный стук сердец нарушал тишину. Приближался рассвет, а у нас только начинался новый день.

Проснулась утром от ноющей боли во всех конечностях. Мышцы застыли подобно бетону, а голова раскалывалась на части от знакомого похмелья. О том, что произошло ночью, ничего не напоминало. На кровати я проснулась в гордом одиночестве. На полу не было разбросанных вещей, как обычно происходило в подобных ситуациях. Моя одежда лежала на стуле. Так и решила думать, что все приснилось, пока одеяло не сползло с обнаженного тела. За голову вцепилась руками, зарываясь пальцами в волосах.

— Соболева, и, что ты теперь будешь со всем этим делать? — Вслух произнесла, надеясь, что отзовется внутренний голос и подскажет. Но голос не отозвался. Лишь печальная струна в сердце как-то недобро натянулась, предчувствуя нечто недоброе.

К окну подошла, кутаясь в простыню. Стала с интересом разглядывать незнакомую местность. Широкие поля виднелись на горизонте, а там, внизу во дворе под кронами деревьев, прыгал на скакалке Вольский. Залюбовалась его спортивной фигурой, плотно обтянутой майкой борцовкой и спортивными штанами. Так и прикусила губу, вспоминая ночь. Как эти самые руки обнимали моё тело, а узкий таз прижимался к ягодицам.

По лбу себя стукнула ладошкой. Больно.

— Прекрати, Соболева, на мужика пялиться. Это же Тимурчик. Забыла, что он последний в твоём списке? — Ну, вот и внутренний голос проснулся. Подначивать принялся, всё приговаривая. — И, как ты могла подумать, что все приснилось? Разве можно было забыть тот секс?

— Можно. Я же не помню тот предыдущий, когда Тимур в любви признался и замуж позвал, — ответила уже я в привычной интонации.

— Так его тогда и не было, дуреха, иначе бы, не забыла. И если бы ты была внимательнее, то заметила, что открытая фольга была совсем неиспользованной. Так что ничего у вас тогда не было, — всё твердил и твердил внутренний голос, а я уже совсем не сопротивлялась. Наверное, всё так и было.

От окна отскочила, будто мячик для тенниса, когда Тимур голову вверх поднял и, заметив меня, игриво подмигнул. Ну, надо же. Застукал прямо на месте преступления, когда я открыто пялилась на его утренний моцион. Одеться решила. Правда, пришлось джинсы надеть без нижнего белья. Но это было лишь каплей в море по сравнению с тем, что ожидало дальше.

Утро не задалось с самого начала. На первом этаже я встретилась лицом к лицу с женщиной немного за пятьдесят. Мы долго смотрели друг на друга. А я даже и подумать не могла, что этот коттедж окажется родительским домом Вольского. И какого же было моё удивление, когда Ирина Владимировна, мама Тимура, в скором времени представила меня главе семейства Вольских. Я тогда в обморок едва не шлепнулась, пожимая правую руку самому губернатору области.

— Вижу, вы уже познакомились с моей Алесей? — Раздался за спиной знакомый голос.

— Мы бы ещё и вчера это сделали, когда вы домой ночью приехали. — Ответил отец Тимура, не отрывая взгляда от газеты.

— Но не стали вмешиваться, когда слышали ваши крики. Как говорится, милые бранятся — только тешатся. — Добавила Ирина Владимировна, лукаво улыбаясь. А я едва

чашку из рук не уронила, понимая суть ее тонких намеков.

То, как я вчера кричала на пороге дома, слышали, наверное, даже все соседские собаки. Но о том, что происходило в душе, я надеялась, не было известно никому, кроме нас с Тимуром.

Вольский технично увёл меня под руку под предлогом показать местные окрестности. Так и вцепилась за его руку пальцами, вонзая в кожу длинные ногти, когда мы оказались вне поля зрения.

— Тимур, зачем ты меня к своим родителям привез? — Гневно произнесла, мысленно прожигая дыры на мужском лице.

— Не злись на меня. Я давно хотел это сделать, но не было подходящего случая. По собственной воли ты бы все равно никогда не познакомилась с ними, ведь так? Считай, воспользовался ситуацией. — Тимур широко улыбался, пытаясь меня обнять. А я то и делала, что отворачивалась в сторону. — Ты лучше скажи, почему ты вчера так напилась? Почему со мной себя так вела? Я думал, после того вечера в клубе, ты поменяла свое отношение ко мне или нет?

— Об этом, я, как раз, и хотела поговорить, а ты целоваться лезешь. Прекрати, Вольский, свои руки распускать, — пришлось в плечо стукнуть Тима, чтобы дошло, что я говорила абсолютно серьезно.

Но Тимур не сбавлял прыти. Клещами талию обвил, прижимаясь ко мне сзади. Все пытался в шею поцеловать или еще куда ниже.

— Я вчера виделась с ним, — начала говорить странным шепотом, будто, если сказать громче, то мог появиться перед глазами тот другой.

Произносить имя не было необходимости. Тимур сразу понял, кого я имела в виду. Оттого и напрягся, как стальной канат. К себе развернул, всматриваясь в мои глаза. Так и увидела на его лице знакомую злость. Ту злость, которая всегда появлялась, стоило только упомянуть об Ариевском.

— Что он тебе сказал? Обидел? — Волноваться начал. Это я сразу поняла. И в сердце так тоскливо стало, когда я позволила себе прокрутить ту встречу, будто остросюжетный фильм на повторе.

— Правду сказал. — Тимур напрягся. — Сказал, что вы давние знакомые. Что ты любовником его жены был. Что плечо тебе прострелил, сказал. А еще сказал, что своими методами на должности его прежней восстановил. И об условии — тоже сказал. Ты теперь доволен, Тимур? Сработал твой план?

Тимур отошел в сторону на один метр. Достала из кармана спортивных штанов пачку сигарет и закурил. А я так и смотрела на него, застыв в ожидании.

— Единственный мой план — быть с тобой. Но ты такая упрямая, что ничего вокруг не хочешь замечать. Леся, я никогда ни за кем так не бегал, понимаешь? А в тебя влюбился с первого взгляда просто. Что я должен был, по-твоему, делать? Молча наблюдать со стороны, как какой-то кабель играет на твоих чувствах? Он же был с тобой назло мне, понимаешь? Он же делал все только ради мести. И тогда он звонил, когда у меня дома прорвало трубу, специально. Понимаешь? Он все делал специально, а ты влюбилась в него, глупая. Я же предупреждал тебя, что там нет будущего. Верить не захотела. Ему поверила? Поверила во весь этот бред? — Тимур закончил курить и уже стоял напротив, пронзительно глядя перед собой.

— Я не верю тебе. Я вам обоим не верю, понимаешь? Вы вдвоем знали обо всем, и

никто ничего не говорил. Битву титанов решили устроить? Хотели потешить мужской эгоизм? Так, что ли? А, как же, я? Я ведь живая.

— Ты меня совсем не хочешь слышать. Я честный перед тобой, Леся. Да, я был любовником его жены. Все это мерзко и подло, можешь так говорить. Но ты же сама была в моей роли, правда? У нас с тобой все должно быть по-другому. Мы оба холостые. Оба молоды. Познакомились с родителями. Леся, у нас с тобой все по-честному, без обмана. Я действительно тебя люблю и хочу жениться на тебе. Хочешь, с парашюта прыгну, если это поможет тебе принять правильное решение? — Тимур улыбался, обнимая меня за талию и прижимая к себе. А я не знала, что ответить. Я запуталась.

— Я не знаю, что тебе ответить. Но думаю, ты прав. Нам стоит попробовать быть вместе. По крайней мере, я теперь знаю твоих родителей и, в случай чего, могу пожаловаться самому губернатору области на его непутевого сына. — Я не верила, что согласилась быть с Вольским. Не верила, что за сутки поменяла свое мнение об этом человеке несколько раз.

Одно я знала точно. Мне понравилось то, что было ночью в душе. И даже только ради этого нужно было дать второй шанс нашим отношениям.

Никогда раньше я не видела такого счастливого Вольского. После откровенного разговора прошло несколько недель. Мы вернулись в свой город, и жизнь забила просто ключом. Возможно, всему виной была весна. Именно весной оживает природа, а вместе с ней, кажется, ожила и я. По крайней мере, всячески старалась убедить себя в этом. Вспоминать о НЕМ я не хотела. Не хотела даже знать о его существовании. Памятные шрамы — это все, что у меня осталось после не учебного романа. Большая дыра в сердце — единственное наследие, напоминающее о прошлом. *Ненавидела*. Настолько сильно ненавидела, что, казалось, никогда и не любила совсем. Говорят, от любви до ненависти один шаг. Раньше я никогда не задумывалась об этом. Но жизнь преподнесла практический урок. Оказывается, что ненависть — очень сильное чувство, особенно, когда испытываешь к любимому мужчине.

В работу ударились. Даже повышение заслужила и существенную надбавку к зарплате. Назначили заведующей сектором по кредитованию физических лиц. Получилось, Кононова стала моей подчинённой, что не на шутку раздражало подругу. А я не ругалась, когда Янка опаздывала каждый божий день. Радовалась только ее женскому счастью, которое она обрела рядом с моим братцем. Жить они вместе стали с Ванькой. Нас с Тимуром даже на новоселье пригласили.

Так и помнятся события того вечера. Я им кошку притащила. Обычную, непородистую совсем. Ванька, как ее увидел, думала, глаза выцарапает вместо кошки, но Янке понравилось животное. Весь вечер не отходила от питомицы, с рук не спускала просто. Счастливы были все вместе, вчетвером. За столом сидели в гостиной. Пили пиво с рыбкой. Я прижималась к спинке дивана, а Тимур все время пытался сорвать незаметный поцелуй. Стеснялась при всех проявлять ответную нежность. Но Тима это еще больше распаляло. Когда пошла в кухню, чтобы приготовить кофе, Вольский за мной поплелся. Подошел сзади, за талию обнял. Начал на ухо шептать разные непристойные предложения, а я только глаза закатывала, говоря: *«Тимур, не здесь»*.

— Идем в ванную, — улыбался игриво, продолжая опускать руки все ниже и ниже.

В ванной оказались. Слишком тесная комната для двоих встретила незваных гостей. Тимур прижимал к себе, осыпая поцелуями изгиб шеи. На грудь его руки положила, ощущая, как под пальцами бьется сердце. Да не билось оно даже, а галопом скакало. Знакомая пелена в глазах Вольского появилась. Сумасшедший. Одежду срывал, будто я могла исчезнуть в одно мгновение. Будто, если руки с моей талии убрал бы, то я могла превратиться в эфемерное облако. Когда из одежды осталась лишь моя юбка, нагло поднятая наверх, и джинсы, собравшиеся в подобие гармошки на мужских коленях, Тимур развернул к себе спиной. В холодную керамику пришлось упереться руками. Но раковина оказалась не такой уж надежной опорой, а водопроводный кран и того хуже. Так и поломали новым жильцам тот несчастный кран. Прелюдии не достигли логического завершения. Я громко хохотала, держа в руках холодный металл. Пришлось из ванной комнаты выйти и извиниться перед братцем с Янкой.

— О, мой бог, — шевелила губами подруга, узнав о неожиданной поломке. — Даже мы с Ванькой не успели побывать в ванной, а вы, ишь какие шустрые. Я просто балдею с вас.

— С тебя кран, Тим. — Говорил Ванька, держась рукой за живот от дикого хохота. — Валите-ка вы дорогие домой, а то грешным делом еще что-нибудь нам сломаете.

Из квартиры нас просто выгнали. Едва под зад волшебных «пендалей» не навешали, чтобы быстрее собрались. Только домой мы не поехали. На трамвае решили покататься от начальной и до конечной остановки. Целовались, как сумасшедшие, стоя у окна. А затем, сошли на первой попавшейся остановке. Оказался городской парк. Еще аттракционы работали на полную мощь. Покатались на всем, чем только было можно. Вольский ради меня даже на чертово колесо согласился. А я поверить не могла в происходящее. Никогда не думала, что рядом с ним мне может быть так хорошо. Нет, не любовь это была. Точнее, она самая, только со стороны Тимура ко мне. У меня же, в свою очередь, появлялась какая-то странная связь с ним. Тоненькая ниточка, ведущая к самому сердцу.

Я не пыталась устроить генеральную уборку своим мыслям. Просто наслаждалась жизнью, здесь и сейчас. Мама была права, на все сто процентов. Вольскому стоило дать шанс, и я ни разу не пожалела, что сделала это. Наши отношения можно было назвать «секс по дружбе», вот только я хорошо помнила, чем закончился тот фильм, где в главной роли были Джастин Тимберлейк и Мила Кунис. И, признаться честно, очень надеялась, что в нашей истории тоже будет хеппи-энд. Хотелось жить с улыбкой на лице, а не глотать слёзы в подушку по ночам от неразделённой любви.

В тот день мы ужинали с Тимуром в одном приличном ресторане. Так сложилось, что Вольский постоянно меня баловал. Где я только не успела побывать этой весной, чего только не видела. Кажется, Тимур пытался нагнать упущенное время с повышенной скоростью. Подарками осыпал, на работу возил на машине, будто королеву. Мне даже казалось, что он совсем не спит, так как прощались мы далеко за полночь, а рано утром встречались снова. Тим каждый день готовил кофе по-восточному у меня дома, и я совсем привыкла к этой заботе. До последнего не могла поверить в прочность узла, что связал нас воедино.

Я ела свой любимый тирамису, когда раздалась трель мобильного телефона. Удивилась очень, прочитав на дисплее айфона имя "Артём". Уж с ним я-то давно не говорила. Да и о Зевсе совсем забыла, полностью поглощённая новым этапом жизни. Но на звонок всё-таки ответила.

— Лесь, привет. Куда пропала? В гости не заходишь совсем, — интересовался друг, а я так и слышала в его голосе нотки грусти.

Даже с ответом затянула, пытаюсь найти подходящие слова:

— Привет. Прости, Артём. Я исправлюсь. Можем встретиться на этих выходных.

— Хорошо, буду ждать. Как сама-то поживаешь? Что нового? — Я извинилась перед Вольским и со словами "Тимур, я ненадолго", вышла из кафе на улицу.

Закурить решила и, пока возилась с зажигалкой, друг на том конце провода продолжил:

— Мне послышалось или ты сейчас сказала "Тимур"? Вы помирились? — Вздрогнула, услышав его имя. Понятное дело, кого имел в виду инструктор.

— Не слышалось. Это мой парень. Тимур Вольский. Я к нему обращалась, — собеседник молчать принялся, а затем как-то слишком громко вздохнул.

— Извини, я подумал, сама знаешь о ком. Показалось, что вы помирились. Значит, так и не нашли точки соприкосновения?

— Нет, — резко ответила. И тут, как гром среди ясного неба, меня озарила правда. — Это ты тогда нам с Ариевским подстроил встречу в своей квартире?

— Я. Помирить вас хотел, — оправдываться начал, да только я и половины слушать не стала. Лишь уловила последнюю фразу. — Он любит тебя, Алесья. И, похоже, так и не сказал правду. У него всё сложно, поверь мне на слово.

— Стоп. Больше ни слова о нём! — Я даже интуитивно руку перед собой выставила, показывая жестом "стоп".

— Лесь, всё так печально?

— Не спрашивай. Я больше никогда не хочу слышать его имя не то, чтобы даже говорить о нём. Он умер для меня, Артём. — Во мне закипал котлован злости. Нервничать начала, кусая губы.

Так и продолжила злиться после окончания разговора. Курила одну за другой просто. *Что за издевательство? Почему каждый раз, когда я пытаюсь забыть о НЕМ, мне тут же кто-то напоминает?*

За спиной шаги слышались. Тим не спеша подошёл и на месте застыл на расстоянии вытянутой руки. Смотрел на меня долго, пока я нервно затягивалась сизым дымом. А я так и не повернулась к нему лицом. Всё думала о другом Тимуре. Даже голова разболелась от навязчивых мыслей. Артём сказал, что он любит меня, что не сказал правду, что все сложно у него. Запуталась совсем в своих размышлениях. *Значит, всё, что мне говорил Ариевский в тот день — было очередной неправдой?*

— Да сколько можно уже, а? — Кажется, это я вслух произнесла. Потому Тим встрепенулся.

За руку взял, пытаюсь заглянуть, будто бы в самую душу:

— Всё хорошо? Что случилось?

Не хотела рассказывать правду. Не нужно Тиму знать такие подробности. Это всё в прошлом, здесь и говорить нечего.

— Поехали домой? — Взгляд подняла на его лицо и попыталась улыбнуться.

— К тебе? — Уточнил Тимур.

— К тебе, — ответила я, обнимая широкие мужские плечи.

Целоваться начали ещё в лифте. Жадно терзали губы друг друга, едва не срывая одежду. На лестничной площадке Тимур долго возился с дверным замком. Одной рукой пытался его открыть, а другой — меня за талию обнимал, продолжая целовать. Едва не рухнули на пол, когда открылась железная дверь. Моё тело Тим прижал к холодному металлу, а сам на колени опустился.

Подол длинного платья стал поднимать вверх, целуя каждый миллиметр кожи, что открывался на обозрение. Шершавый язык скользнул на внутренней стороне бедра. В скором времени на руки подхватил, а я так и сидела на нём сверху, обхватив ногами за талию. Поцелуями покрывала мужские скулы, щёки, губы. От одежды избавились, не теряя времени. Необъяснимая страсть заставила толкнуть Тимура на кровать. В этот раз доминировала я. Тело покрылось мелкими каплями пота. Жарко стало, будто в парилке.

В грудь его руками упёрлась, а затем вперед поддалась, впиваясь в мужские губы

глубокими поцелуем. Мои волосы касались его плеч и лица. Тиму всё это нравилось, безусловно. Он не сводил с меня восхищенного взгляда, а руки то и делали, что блуждали по всему телу.

— Девочка моя любимая, — шептал он мне на ухо, когда я поддавалась вперёд, прижимаясь к его груди. — Самая-самая любимая и единственная.

Я улыбалась в ответ. Видела, как он с ума сходил от нашего бурного секса. Да я и сама сходила. Хоть где-то у нас с Вольским было единство.

Яркий взрыв! Трепетала вся от сладких спазмов, полностью растворяясь в плену его жарких рук. Тихий стон наслаждения сорвался с наших губ. Ещё какое-то мгновение оставались всё в той же позе. Друг на друга смотрели, широко распахнув глаза.

— Счастлива? — спросил внутренний голос.

— Сейчас очень, — ответила я в мыслях.

— Артем, куда ты меня ведешь? — Я уцепилась за мужскую руку, когда мы с другом переступили порог торгового центра.

— В детский магазин, — ответил инструктор, заставляя проглотить смешок.

— Серьезно? Мальчик решил купить себе игрушек? Не пугай меня, дружище, — я уже вовсю хохотала, любопытно разглядывая яркие витрины бутиков.

— Не задавай вопросы. Скоро сама все увидишь, — тиски пальцев сжали мой локоть, а затем меня едва силком не затащили в детский магазин.

Все происходящее не поддавалось объяснению. Я не понимала, почему мы разглядываем полки с девчачьими куклами, что-то выбираем, что-то отбрасываем в сторону. Артем, в свою очередь, выглядел достаточно серьезно. Он с важным видом на лице брал в руки яркие коробки с игрушками и тщательно рассматривал их. Мне казалось, что это какой-то странный розыгрыш. Вот только по какому поводу никак не могла понять.

Утром этой субботы мы встретились с другом. Сначала вместе позавтракали, погуляли с Зевсом в парке, а затем пришли в торговый центр. О своих планах инструктор не торопился рассказывать. Мне лишь было приказано молчаливо наблюдать за ситуацией и одобрительно кивать головой по сторонам.

Когда Артем наконец-то скупил едва не пол магазина, мы зашли в продуктовый супермаркет. Еще добрых полчаса ходили по торговым рядам, выбирая свежие фрукты, сладости и торт. На кассе оставили приличную сумму и лишь потом вернулись к автомобилю, оставленному на специальной парковке возле торгового центра.

— Может, все-таки скажешь, куда мы едем? — Обратилась к Артему, когда друг крутил руль, полностью сосредоточившись на дороге.

— Мы едем на день рождения к очень хорошей девочке, — ответил друг, чем не удовлетворил мое любопытство. То, что все покупки были предназначены для маленькой девочки — я не сомневалась. Сомнения были совсем другого рода.

— А кто эта девочка, а Артем? Имя у неё есть?

— Анечка. Ее зовут Анечка и её сегодня исполняется двенадцать лет. — Я бросила на Артема пронизательный взгляд, говорящий о том, что жду подробностей. На что друг лишь обаятельно улыбнулся.

— Это моя дочка. — Думала, глаза из орбит вылезут просто. Настолько сильно удивил ответ, от чего Артем засмеялся, а затем добавил. — Крестная дочка, успокойся.

И я успокоилась. Точнее, любопытство мое успокоилась. От того и молчала всю дорогу, пока мы ехали с другом в неизвестном мне направлении. Больше я не задавала лишних вопросов, наблюдая за Артемом. Чем ближе мы подъезжали к нужному месту, тем серьезнее становился Артем. На его лбу собирались горизонтальные полосы, а на переносице — вертикальные складки. Он о чем-то размышлял. О чем-то очень важном, а мне лишь оставалось теряться в догадках.

Подъехали к одному жилому дому в скором времени. По дороге ещё купили два букета цветов и связку воздушных шаров. В руки едва уместились подарки. Не знаю почему, но, когда оказались возле лифта, у меня участился пульс. Нечто странное стало происходить с организмом. Меня бросило в холодный пот, а затем появилась сухость во рту. Интуиция проснулась. Что-то ожидало. Что-то предвещало.

Постучали в дверь. Женщина преклонного возраста встретила нас с грустной улыбкой на лице. В глаза бросилась ее худоба, проседь на висках и острые скулы, подчеркивающие овал лица. Глаза. Холодные, пустые, будто отрешенные от всего мира.

— Добрый день, мой хороший, — женщина потянулась с объятиями к Артему, бросая в мою сторону удивленный взгляд.

— Здравствуйте, — вытянула из себя я, замечая за спиной незнакомой женщины, высокого мужчину с такой же грустной улыбкой.

— Это Алесья — мой друг. — Пояснил Артем, обращаясь к старикам. Я лишь головой кивала, говоря: «Рада знакомству».

Лукавила. Совсем не рада была. Были на то причины. А точнее, едкий запах лекарств, что обитал в квартире. А еще маленькая худенькая девочка с платком на голове. От увиденной картины не могло быть радостно. Да, какая там радость, когда именинница лежала на кровати, заметно истощенная болезнью. На детском лице не виднелось яркого румянца и пухлых щек. Вместо пухлого подростка, на меня смотрела худая девчушка с огромными глазами и бледным оттенком кожи. Настолько бледным, что виднелась каждая венка.

Тем временем, хозяйева дома накрыли на стол. Приготовили чай, порезали торт и пригласили нас. Я сидела на стуле, нервно теребя пальцами скатерть под столом. Никак не могла понять, зачем Артем привез меня к этим людям. То, что в этом доме было огромное горе — даже и спрашивать не пришлось. Все кричало о страшной болезни Анечки. Я едва слезы не глотала, когда девчонка так радовалась подаркам, а затем попросила бабушку положить рядом с ней на кровать куколку. Сердце просто разрывалось на части, и я, кажется, начала обо всем догадываться.

— Она такая же красивая, как моя мамочка, правда, бабушка? — Обратилась Анечка к пожилой женщине. На что та ответила: «Да, моя хорошая, но ты еще красивее. Ты у нас самая-самая красивая».

— Бабушка, не надо. Я не красивая совсем, разве ты не видишь? Ты, наверное, опять забыла свои очки протереть. Вот эта тетя, — ответила Анечка, имея в виду меня. — Она красивая. У неё такие длинные белые волосы и большие голубые глаза, прямо как у Барби. А еще, она красиво одевается, мне нравится. Вот бы мне когда-нибудь накрасить губы такой же красной помадой, как у тети. Я бы тогда была самой счастливой.

— Будешь, моя хорошая. Непременно будешь. — Говорила женщина, глотая слёзы.

А я сама глотала слёзы, но только старалась держать все в себе, чтобы не разреветься прямо здесь, за праздничным столом. От того и выбежала на лестничную площадку. На ступеньки села, взявшись за голову. Уже не было сил сдерживать эмоций, и я разревелась. Едва как раненая волчица не завывала. Ладонкой себе рот закрыла, ощущая внутри необъятный пожар. Горело. Все внутри полыхало пламенем. Было настолько больно, что прикусила до крови кожу, оставляя на указательном пальце след от собственных зубов.

— Леся, Леся, — тряс меня за плечи Артем, но я не отзывалась. Сидела все на тех же ступеньках, не желая возвращаться обратно, в квартиру.

Запах. Знакомый запах до боли. До дрожи в моих коленях. До помутнения рассудка просто. Только тогда осмелилась поднять голову вверх и понять, что жизнь потеряла смысл. Он стоял напротив, опираясь о стену плечом. Смотрел на меня сверху вниз, будто сомневаясь, я это или призрачное видение. Но я была настоящей и потому он подошел вплотную. За плечи меня схватил, отрывая ноги от земли. Всю злость прочитала на мужском лице. Всю боль почувствовала до каждого протяжного импульса.

— Что ты тут делаешь? — Хриплые нотки его голоса разорвали тишину. — Что ты тут забыла, Алеся?

Он просто убивал меня своим взглядом. Тиски его пальцев больно сжимались на моих бицепсах, но я ничего не имела против этого. Пыталась дыхание восстановить, чтобы хоть что-то произнести. Но ничего не получалось, лишь рыдала больше прежнего. Истерика у меня случилась. Самая настоящая. Даже заикаться начала, пытаюсь выдавить из себя: *«Я не знала, Тимур. Ничего не знала»*.

— Успокойся. Слышишь? Успокойся, Леся, — хрипел Тимур во все горло, а затем прозвучал громкий шлепок. Пощечину мне влепил. Хорошую.

Тогда сразу же в чувства пришла. Уставилась на него с неммым вопросом на лице, потирая ударенную щеку. Какой-то испуг отразился в глазах Ариевского. Разжал тиски своих пальцев на моих плечах и в сторону отошел. На пол сел, вытягивая перед собой длинные ноги. Молчал долго. Лишь шумно дышал, иногда поглядывая в мою сторону. А затем курить принялся. Даже внимание не обращал на пепел, который сыпался с сигареты прямо на его джинсы.

— Прости меня, Лесь. Не хотел тебя ударить. — Только и сказал, стараясь даже не смотреть на меня.

— Почему ты мне ничего не говорил? Почему, Тимур? — На колени села перед ним. Хотела обнять его и прижаться к груди. Хотела всю его боль себе забрать, чтобы на сердце любимом хоть немного легче стало.

Минуты часами потянулись. Мы сидели на лестничной площадке, не обращая внимания на проходивших мимо людей. В тот момент нам не было никакого дела на то, что о нас могут подумать. *Мы просто были, здесь и сейчас...*

— Леся, тебя не должно было быть здесь никогда, понимаешь? — Ко мне обратился, когда я, не спрашивая его разрешения, уткнулась лицом в мужское плечо и зарыдала. Он гладил меня по голове, целовал в макушку и что-то шептал. А я, будто отрешенная от всего мира, могла лишь только слушать, слушать и плакать.

— Ты спрашивала «почему», Лисенок? — Говорить начал, но каким-то чужим голосом, да не голосом даже, а охрипшим шёпотом. — Моя дочь больна. У нее рак. О болезни мы узнали после Нового года и с того момента начался ад в моей жизни. Ты не заслужила на такое, понимаешь? Тебя никогда не должно было быть в моей жизни. Я не должен был быть

твоим инструктором, а ты не должна была в меня влюбляться. Я — очень плохой человек. Настолько плохой, что ненависть ко мне — это меньшее, на что я заслужил.

Слова. Их было столько много, что я не успевала все обдумывать. Тимур каялся передо мной. Тысячу раз сказал: «Прости», прижимая к себе моё трепещущее тело. Покрывал мои щеки и скулы трепетными поцелуями. Говорил, что я сильная и смогу забыть его. Но я совсем по-другому считала. Боль вперемешку с любовью и ненавистью прочно засели в сердце. Больно от того, что любимому человеку выпала такая судьба. Любила? Да, все очевидно. До сих пор я любила *Его*. До саморазрушения, да самоуничтожения я любила его и ненавидела... Ненавидела мир, который нас познакомил для того, чтобы никогда не быть счастливыми вместе.

— Уходи, Лесь, и больше никогда не возвращайся. Живи своей жизнью. Выйди замуж за хорошего человека, роди ему дочку, такую же красавицу, как ты. А обо мне забудь. Слышишь, забудь? Я — подонок, ничтожество. Не любил тебя никогда, понимаешь? Не любил! — Едва не кричал на меня Тимур, когда я отрицательно качала головой.

— Я не верю тебе. Ты врешь, Тимур. Специально врешь, чтобы я ушла, чтобы тебя ненавидела. Но это все неправда. Я люблю тебя, Тимур, и хочу быть с тобой. Мы вместе все выдержим. Найдем деньги, вылечим Анечку, а затем я рожу тебе дочку, так похожую на себя. Мы будем счастливы, слышишь? Мы должны быть счастливы, — но меня не слушали, совсем не хотели слышать.

— Леся, я все тебе сказал. Уходи. Исчезни навсегда из моей жизни. Не люблю я тебя, понимаешь? У нас с тобой был только хороший секс, вот и все, — душа разрывалась на части.

Моё сердце снова убили. Убили жестоко, как никогда раньше. Лучше бы все это было неправдой. Лучше бы Тимур действительно использовал меня, чтобы отомстить Вольскому. Но все было по-другому. Все было гораздо сложнее. Все было невозвратно.

Я лежала на кровати, бездумно уткнувшись в потолок. Где-то за окном было слышно раскатистое эхо майского грома. Дождь барабанил по стеклу, нарушая уютную тишину в моём доме.

С последней встречи с ним прошел почти месяц. Вроде бы достаточно, чтобы успокоить эмоции и прийти в чувства. Но я никак не могла взять себя в руки и, признаться честно, не очень-то и хотела. Новость о болезни его дочери повергла меня в шок. Я могла всё предположить, предугадать все варианты, но такого я не ожидала — это точно. Мне отчаянно хотелось помочь. Хотелось найти достаточно денег, чтобы собрать на операцию для Анечки. Речь шла об очень круглой сумме, если верить словам Артёма. А ещё, если, опять же, опираться на слова Артёма, то причиной нашего с Тимуром расставания была болезнь его дочери. Именно из-за этого Тимур согласился на предложение Вольского, преследуя цель больше зарабатывать денег. Иначе бы мне не пришлось пройти все круги ада после того, как Тимур бросил меня.

Удивительно, но я всё переосмыслила. Пересмотрела ценности в человеческой жизни и поняла, что не могу осуждать Ариевского за такой поступок. Нынче в моих глазах вся ситуация выглядела совсем по-другому. Мне больше не было жалко себя, мне больше не хотелось держать в своём сердце ненависть и обиду. Теперь я только хранила боль и отчаяние, которые сжигали всю изнутри похлеще ненависти.

Тимур... Стоило только представить его образ, как в душе надрывались струны. Любимый, единственный и такой несчастный. Жизнь точно была несправедливой к нему. Жена изменила, а затем предательски бросила одного растить общую дочь. Выгнали с работы, два года как-то перебивался на должности автоинструктора. А потом заболела Анечка. Слишком много трагических событий выпало на долю любимого. Слишком много, а тут ещё и я встретилась. На кой ему моя любовь, когда жизнь дочери на грани смерти?

Я понимала, что нам никогда не быть вместе. Тимур вбил себе в голову, что я не должна делить с ним трудности и беды, которые он старался преодолеть. Волк-одиночка, не иначе. Только от этого никому не становилось легче. Я едва не умирала от депрессии и, если бы не Вольский, то уже давно сотворила какую-нибудь глупость.

Вольский. Он открывался передо мной с другой стороны. С той стороны, о которой я не знала раньше. Тим был очень чутким и отзывчивым. Он читал мои мысли, кажется, даже на расстоянии, всегда оказываясь рядом, когда мне была нужна помощь.

Воспоминания терзали, стоило только представить события прошлого:

В тот день, когда у меня состоялась неожиданная встреча с Ариевским, я выбежала из подъезда, как ошпаренная. Ничего не видела вокруг, когда шатающиеся ноги несли меня невесть куда. Улицы и переулки сменяли друг друга. Дома были будто одинаковыми, а на прохожих я и вовсе не смотрела. Брела с низко опущенной головой, не оглядываясь по сторонам. Каким-то образом дошла до моста. Остановилась. За перила уцепилась и долго-долго смотрела вниз. А там, внизу, проплывали небольшие судна. Где-то вдали, ближе к берегу, виднелись силуэты рыбаков. Вперёд поддалась, не решаясь до последнего прыгнуть.

— *В жизни нет ничего непоправимого, кроме смерти, — за спиной низкий голос раздался. А я даже не обернулась, зная кому он принадлежал.*

— А если смерть — единственный выход? — Спросила я, не оборачиваясь.

— Разве для слабаков, у которых опустились руки. Я думал, ты сильная.

— Ты просто думал, — слёзы катились в три ручья и я, не сдерживая порывов, рыдала просто навзрыд.

А затем меня за руку схватил. Вонзил в кожу тиски своих пальцев и рванул на себя. Так и обмякла в его объятиях. А он к своей груди прижимал и всё приговаривал: " Я с тобой. Всё будет хорошо".

— Что будет, Тим? — Голову вверх подняла, встречаясь взглядом с карими глазами. — Хорошего ничего не будет. По мне сегодня, будто танком проехали, понимаешь?

— Понимаю, — отозвался он, опуская руки на мою талию. — Тебе не равнодушна судьба его дочери? Настолько сильна ты помешалась на нём, Лесь?

Встрепенулась от неожиданности. Он всё знал, как всегда. От того и смотрел на меня с какой-то грустью, что ли. Рукой к щеке потянулся. Линию извилистую провел, очерчивая скулу. А затем улыбнулся, прижимая меня к своему телу.

— Я могу помочь, но даже не знаю, как ты это всё преподнесешь. Он никогда не примет денег ни от тебя, и, тем более, от меня. Гордый слишком, знаю такой характер, — я затаила дыхание, впитывая каждое слово.

— Зачем тебе всё это нужно, Тимур? Ты не похож на мецената благотворительного фонда. — Я искренне удивлялась предложению.

— Я не хочу даже и думать, что могу тебя однажды потерять. Не хочу срываться с работы и лететь к мосту, а затем, увидев тебя, считать секунды, чтобы успеть. Лесья, я очень-очень тебя люблю. Если с тобой что-нибудь случится, то я... Чёрт! — Вслух выругался, а затем скривился, отворачиваясь в сторону. — Я даже думать об этом не хочу.

Слова Тимура задели меня за живое. За что он так сильно полюбил? И ведь давн любит, только за что, никак не могла понять. И как хорошо, что Тим в свое время позаботился и установил отслеживающий трекер на мой айфон, иначе могла бы случиться непоправимая ошибка.

— Тим, я... — он не дал договорить. Палец к моим губам прижал, а затем за плечи приобнял и повёл прочь от моста.

Из калейдоскопа воспоминаний меня вырвал мужской голос. Не вздрогнула даже, когда рука легла на плечо. Знакомый запах окутал своим ароматом, и я тяжело вздохнула.

— Привет, — всё-таки повернула лицо в сторону. Натянула кривую улыбку и так посмотрела на него, что тяжело вздохнуть приходилось уже Тиму. — Ты не отвечаешь на звонки, счастье моё.

— Прости, Тимур. Кажется, на меня нашла какая-то хандра, — честно призналась, не имея желаний придумывать иных оправданий.

Меня действительно поглотила в свои сети глубокая депрессия. Ничего не радовало, не вызывало улыбок. Душа разрывалась от тоски, а глаза все время были на мокром месте. Так случилось, что после знакомства с Ним я очень много плакала. Плакала настолько много, что, казалось, исчерпаю лимит слёз на десять лет вперёд. Подушка была мокрой каждую ночь. Точнее не каждую, а те ночи, когда оставалась одна. Лишь рядом с Тимом я могла спокойно спать глубоким сном, не просыпаясь, не утопая в своей боли. Он был моим лекарством, не иначе. Забирал все горечи, когда голова касалась его груди, а кожу согревало тепло его тела.

— Как ты вошёл в дом? — Встрепенулась и даже с кровати подскочила, усаживаясь рядом.

В доме я была одна до прихода Тимура и получается, что никто бы другой ему просто не открыл двери, если бы не...

— Ключи. — Тим достал из кармана джинсов связку металла и немного потряс её в воздухе. — Мама дала ключи ещё несколько месяцев назад.

Я удивлённо уставилась перед собой. Мама?

— Твоя мама дала, — Тимур внёс в ясность в смазанную картину, едва не повергая меня в шок.

Когда они стали такими близкими с моей матерью? Когда я всё успела пропустить?

— Вернуть? — Мужской голос заставил оторваться от размышлений.

— Нет, — ответила я, не раздумывая. — Пусть будут у тебя на всякий случай.

— Не нравится мне твое настроение. Так, хватит. Вставай с кровати и одевайся, — Тимур потянул меня за руку и отвел к шкафу. Затем открыл его створки и начал перебирать одежду, покоящуюся на полках.

Мне только оставалось молчаливо наблюдать за происходящим. Энтузиазм, с которым Вольский рассматривал содержимое моего шкафа, заряжал оптимизмом. Жизнь продолжалась. Рядом был замечательный человек, которому не безразлична моя судьба. И, как хорошо, что я все-таки согласилась дать еще один шанс нашим отношениям, иначе бы... О другом варианте я даже думать не смела. Понимала, что без Вольского было бы в разы хуже. С катушек слетела, как минимум.

Через несколько минут мне пришлось одеться под строгим контролем Тимура. Обычные тёмные джинсы и черная майка. Волосы по привычке завязала в хвост. На ноги надела любимые кроссовки. Перед зеркалом стояла, пытаюсь привести в порядок лицо. Круги под глазами так и не поддавались волшебству моей косметики. Тщетно. Всё было бесполезно.

Тим подошёл сзади. Обвил талию кольцом своих рук и уткнулся лицом в шею:

— Давай лучше без макияжа? Я люблю тебя любой, — прошептал прямо возле уха, а затем поцеловал в щеку.

Обернулась. Голову вверх подняла, устремляя взгляд на его губы. На цыпочки даже встала, чтобы прикоснуться к ним. Его рука легла на мой затылок, а вторая — опустилась чуть ниже талии.

— Спасибо тебе, Тимур, за все. Спасибо, что денег дал на операцию Анечки. Он согласился их взять только после того, как Артём подключил благотворительный фонд, и вся сумма прошла по документам. Спасибо, что со мной рядом, зная обо всем. Знаешь, мне кажется, что ты какой-то просто нереальный. Ты словно с другого измерения. Откуда в тебе столько благородства? — Слова лились из меня настоящим потоком.

— Лесь, хватит, правда. Мне неловко уже. Давай мы поставим точку в этой истории? Я не настолько благородный, как ты считаешь. Просто ощущаю себя отчасти виноватым. Сама понимаешь, я разрушил его семью. Надеюсь, что девочке сделают операцию и она выздоровеет. — Тим слегка вперед поддался, прижимаясь лбом к моему лбу. — Помнишь, о чем мы говорили?

В ответ кивнула. Помню. Конечно же, я все помню. Я сдержу свое слово.

— Помню, Тим. Я обещаю, что забуду о нем, что никогда не сделаю тебе больно. Дай мне еще немного времени, хорошо? — Его губы коснулись моих. На душе даже легче стало,

что ли.

Тупая боль отступила на какое-то время, пока Тимур был рядом. Я, кажется, шла на поправку, вот только инфекция не хотела покидать мое сердце. *Я все еще любила другого...*

Тот день мы провели вместе. Сначала был картинг. Катались долго, выжимая из этих машинок с двумя педалями максимум. Заботы отошли на второй план. Забыла, обо всем на свете забыла, когда рассекала по крытой трассе, обгоняя и подрезая Вольского. Даже один раз на таран пошла, за что, несомненно, получила по первое число после окончания гонки. Эмоции хлестали через край. Безудержная радость заполнила всю изнутри. Я была счастлива, пусть и на короткий миг.

— Я люблю тебя, — кричал Тимур во все горло, кружа меня на руках, когда мы сняли шлемы и встретились прямо посреди трека.

— Сумасшедшие, уйдите с трассы! — Разносились голоса со всех сторон, но мы не реагировали. Точно были сумасшедшими, как и называли. Иначе, зачем целовались, когда вокруг нас, не сбавляя скорости, гоняли карты.

А потом Тим привез меня в одно безлюдное место. Зброшенный завод на окраине города. Пусто было, ни единой человеческой души, лишь кричащие птицы где-то вдаль разбавляли окружающую тишину. Так и уставилась перед собой, когда Тимур достал из автомобиля пистолет, а затем стал показывать, как его заряжать.

— Настоящий? — Не веря спросила я, держа в руках холодный металл.

— Beretta — итальянский самозарядный пистолет, — Тим подошел сзади, обнимая за талию. — Видишь ту железную банку? Она находится в метрах пятнадцати от нас, попадешь?

— Ты сейчас шутишь? — Голос предательски дрогнул. Я буду стрелять?

— Нет. Давай, малыш. Я верю в тебя, — Я еще несколько раз переспросила, уверен ли в своем решении Тимур, но он только улыбался, отвечая: *«Уверен, как никогда»*.

Труднее всего сделать первый выстрел. Снять с предохранителя, а затем нажать на курок. Я долго не могла решиться. Так и застыла на месте, держа пальцы правой руки на спуске, а левой — удерживая специальную рукоятку ствола. Сделала глубокий вдох и... Прогремел выстрел, разносящейся эхом на заброшенном заводе. В банку я так и не попала. Пришлось разрядить целый магазин, прежде, чем достигнуть цель.

Так и визжала от дикого восторга, когда банка отскочила далеко в сторону:

— Тимур, ты видел? Я попала!

— Видел, видел. Только ствол убери, девочка моя, — Тим с нескрываемой тревогой посмотрел на направленное в него дуло пистолета.

— Прости, пожалуйста, — пистолет отдала. Тимур сразу же его разрядил, а затем положил его обратно в бардачок автомобиля.

Эмоции переполняли до краев. Адреналин выбросился в кровь и растекся по всему организму. Я не могла поверить, что все было по правде, по-настоящему.

— Можно спросить? — Я завладела вниманием Тима, когда он пытался накачать спущенное колесо. Сбоку подошла, упираясь бедрами о капот и принялась ждать ответа, наблюдая за ловкими движениями мужских рук.

— Спрашивай, — отозвался Тимур, бросая в мою сторону беглый взгляд.

Дух перевела, набирая в легкие побольше кислорода:

— Почему ты возишь с собой пистолет и почему учил из него стрелять?

Вольский улыбнулся криво на одну сторону, игриво подмигивая. А затем ко мне

подошел вплотную и руками уперся об капот, расставляя их по бокам от моих бедер.

— Я всегда вожу с собой пистолет. Даже не спрашивай почему. А на счет второго вопроса, то хочу, чтобы ты умела пользоваться оружием, — его низкий голос немного хрипел, когда Тимур, слегка поддавшись вперед, поцеловал изгиб моей шеи.

— Ну, зачем мне все это? Разве женское дело — стрелять из беретты?

— Девочка моя, если ты согласилась носить мою фамилию, то «Да». Ты должна уметь пользоваться пистолетом и только не говори, что тебе это не понравилось.

Июль был в самом разгаре. Жара тяготила и изнуряла. Температура воздуха не опускалась ниже тридцати градусов по Цельсию, но городская жизнь не переставала бить ключом, несмотря на знойное лето.

Мы сидели с Артёмом в кафе у набережной, наслаждаясь вечерним закатом. Я тянула из трубочки безалкогольный напиток в то время, как Артём с удовольствием пил разливное пиво. Негромкая музыка создавала приятный фон и в её такт я слегка покачивалась на стуле. Жизнь продолжалась, наполняя тайники воспоминаний приятными моментами.

Когда Артем пропустил уже неизвестно какой бокал алкоголя, его язык заметно развязался. Сначала он просто вспоминал наше обучение вождению, много говорил об автошколе, даже припомнил мои экзамены, которые я сдала не с первой попытки, а затем он затронул болезненную тему. Я всячески старалась увильнуть от разговора, но друга невозможно было остановить. Он просто вбил себе в голову, что я совершаю ошибку, и он не может оставаться в стороне.

— Лесь, но зачем ты так? Замуж. Не торопишься? А если пожить вместе годик, другой? — Артём всё время пытался меня отговорить от замужества, приводя в аргументы всё новые и новые доводы. Но я была непреклонной.

— Ладно, опустим совместное проживание. А как же Тимур? Ты его совсем забыла? — Друг не унимался. Всё давил и давил на меня, будто на больной мозоль наступил.

Я только грустно вздыхала, собираясь с мыслями. Эту тему мы открывали и закрывали на протяжении целого месяца. Именно столько времени прошло после того, как я лично передала в руки друга приглашению на свадьбу. Артём тогда не поверил сперва. Глаза округлил, сдерживая нервный смешок. "*Розыгрыш?*", — было его первой фразой. Но все было реальностью. Я была настроена серьезно, как никогда.

— Артём, я думаю, хватит на сегодня, а? — К руке друга потянулась, на что тот удивленно повел бровями.

— Как это хватит? Я намерен культурно отдохнуть этим вечером. Вот ещё один бокальчик выпью, а затем мы с тобой поедem куда-нибудь танцевать. — Артём лукаво подмигнул, делая дежурный глоток пива.

Я устало потерла лоб, а затем громко рассмеялась:

— Поедем, конечно, дорогой. А завтра тебя где-нибудь найдут на пустыре с поломанными ребрами. Артем, я вообще-то замуж выхожу. У меня будущий муж ревнивый очень, какой танцевать? — А это я уже говорила абсолютно серьезно.

Тим долго не соглашался отпускать меня на встречу к другу. Всё понять не мог, что с Артёмом мы действительно дружим. Аналогию наших прошлых отношений приводил в доказательство Вольский, утверждая, что между мужчиной и женщиной не бывает дружбы. В такой связи, по мнению Тима, один из, так званых, друзей всегда испытывал романтические чувства. Но наша история с Артёмом была совсем с другим подтекстом. Меня никогда не привлекали блондины, да и Артём никогда не бросал в мою сторону восторженных взглядов. Между нами никогда даже и искры никакой не проскользнуло. О какой романтике могла идти речь?

— Лесь, всё настолько серьезно? — Артём взгляд устремил на моё лицо, будто пытаюсь

в душу заглянуть. Но это было бесполезно. В душе давно дыра была, пусто совсем. Не найти ничего.

— Не смотри на меня так, Артём, — умоляла я друга, не в силах выдержать его пронизательный взгляд.

— Я понять тебя не могу. Лесь, почему? Неужели назло Тимуру замуж выходишь? — продолжал друг, несмотря на мою просьбу закрыть тему.

— Нет, конечно же. При чем здесь твой Тимур? Артём, мне двадцать шесть лет уже. Я ребёнка очень хочу. Ещё хочу, чтобы любили меня и заботились, надёжного мужского плеча хочу, а не с мамой под одной крышей до старости ютиться, понимаешь?

Слова давались с огромным трудом. Я не могла с точностью донести до мужской логики правильность своего решения. Артёму были чужды мои мысли и доводы. Он не мог понять, почему у такой как я, вообще могут возникнуть потребности в замужестве? Разве двадцать шесть лет критический возраст для женщин, чтобы найти свою вторую половинку? Нет, абсолютно. Но сколько можно ждать принца на белом коне?

— Лесь, а за Ариевского замуж пошла, если бы позвал? — Неожиданно поинтересовался друг, совсем сбивая меня с толка.

— Нет. — Ответила, как отрезала. А руки так и начали дрожать, когда за сигаретой потянулась.

— Почему?

— Потому, что Тимур никогда бы не позвал. Всё, Артём. Я домой пойду, поздно уже, — в скором времени я попрощалась с другом, а затем отправилась домой на такси.

По пути созвонилась с Тимом и вкратце рассказала о сегодняшнем дне. Вольский предложил приехать к нему, но я отказалась. Растревожил меня Артём не на шутку. Ну, и куда ехать с такими эмоциями?

Сентябрь

В день свадьбы погода выдалась изумительной. Утром солнце пыталось пробиться сквозь занавес из облаков, а к обеду на небе не осталось и тучки. Целый день я находилась в напряжении, полностью поглощённая происходящим. Тяжелее всего пришлось в ЗАГСе. Тим смотрел с нескрываемой тревогой, время от времени сжимая мои пальцы. Волновался. До последнего не мог поверить, что всё было реальностью. И только после того, как я сказала "Да" перед несколькими сотнями гостей, Тимур заметно повеселел.

Свадебный день проходил по стандартной программе. Чего только стоили сборы невесты. Пришлось в пять утра проснуться, чтобы к назначенному времени быть полностью готовой. Стилисты и визажисты подошли к делу с настоящим профессионализмом. Я смотрела перед собой в зеркало и не могла узнать собственное отражение. Слишком красивая девушка, чтобы быть похожей на меня. Длинное платье цвета слоновой кости подчеркивало каждый изгиб тела. Силуэт "Рыбки" выигрышно смотрелся на округлых бедрах, а открытый вырез на всю спину заметно придавал изящества. Корсет опускался до самых ягодиц, делая талию визуально тоньше. Трехъярусная фата до самого пола завершала образ.

— Какая же ты у меня красавица, доченька, — произносила мама сквозь слёзы, сдувая невидимые пылинки на моём свадебном наряде.

В отличие от мамы, я не плакала. Улыбалась всем вокруг, принимая поздравления и комплименты. Самые близкие люди задерживались возле меня чуть дольше остальных. Сколько напутственных пожеланий я тогда услышала? Не сосчитать совсем. Янка сияла, подобно новогодней ёлки. Так и помню, как она шептала на ухо, чтобы я кинула в неё букетом невесты, когда подойдёт время до нужного обряда. Замуж Кононовой хотелось. Только Ванька совсем не торопился туда её звать. Крепким орешком оказался мой братец. Даже иногда над Тимуром подтрунивал, говоря: *"Ещё один подкаблучник пополнил коллекцию лабутенов"*. Лабутенами, по мнению Ваньки, как раз, были мужья, которые отчаянно любили своих жён. А Вольский, как было известно всей округе, любил меня просто до безумия.

На моём безымянном пальце правой руки сверкала платина. Я крутила кольцо вокруг пальца, рассматривая украшения под разным углом. *"До скончания времен"*, — гласила надпись, выгравированная по специальному заказу. Тим тогда долго сомневался, что написать, а мне, честно признаться, было абсолютно всё равно на всю эту сентиментальность. Я выходила замуж не по великой любви, как мечтала с самого детства. Холодный просчет — вот, чем я руководствовалась при принятии решения. Да, и, тем более, Вольский спас жизнь *Его* дочери, а возможно, и мне (тогда на мосту, да и не только).

Мне отчаянно хотелось любить Тима. Хотелось, чтобы в сердце был только он, один единственный. Но, как говорится, сердцу не прикажешь. Вот и я не смогла приказать. Как бы нам не было хорошо вместе, мой организм до сих пор был под властью инфекции под названием *"Ариевский. Личный кошмар. Ты пропала, Соболева. Версия один, точка, ноль"*.

Банкет был в самом разгаре. Гости заметно охмелели и уже на полную мощь отрывались на танцполе. Мы танцевали с Тимуром под красивую мелодию, которую нам виртуозно играл музыкант на саксофоне. Тим не сводил с меня восторженного взгляда, повторяя одни и те же слова, как мантру:

— Вольская Алеся Игоревна.

Я лишь улыбалась в ответ, хотя в душе царапали кошки. Да не кошки даже, а настоящий кошачий приют. Мне казалось, что в любой момент дверь распахнется и в зал войдет Он. Возьмёт меня за руку, улыбнется своей фирменной улыбкой, а затем скажет: *"Что ты здесь делаешь, Лисёнок? Идём со мной!"*. И я бы пошла, не раздумывая, не сомневаясь и секунды. К груди его прижалась, отгораживаясь от целого мира. И плевать, что мир был бы против нас, ведь для меня он и был целым миром. Только мужчина моих грез не торопился почтить своим присутствием. Более того, после той встречи у него дома, мы ни разу не слышали друг друга, не то, чтобы видели. Он исчез из моей жизни навсегда. Насовсем оборвал нить, что когда-то связала нас воедино.

Решила в дамскую комнату пойти, чтобы освежить лицо. Только направилась в нужную сторону, как чья-то рука обвила мою талию в тугое кольцо. Знакомые спазмы пронеслись по телу, и я улыбнулась, зная, кто был владельцем капкана на моей талии.

— Малыш, идём со мной, — прошептал его низкий голос прямо над ухом.

— Я хотела в дамскую комнату, — попыталась возразить, но он не дал закончить предложение.

— Просто. Идём. Со мной, — произнес каждое слово отдельно, наполняя фразу каким-

то подтекстом.

И я пошла, не смея перечить мужу. Свадьбу мы праздновали в гостиничном комплексе, а потому заказали отдельный номер, чтобы я смогла сменить второе платье. В спешке добрались до нужной комнаты. Тимур провёл картой-ключом, а затем мы просто ввалились в спальню. Целоваться начали, жадно терзая губы.

— Ты не представляешь, как я мечтал сорвать с тебя это платье, девочка моя, — хрипел его голос от заметного возбуждения. — Ты же не сильно расстроилась, что мы убежали от гостей?

— Нет. Думаю, они и не заметили нашего отсутствия, — ответила я улыбаясь. — Тем более, мне нужно было сменить платье.

Но платье я так и не сменила в скором времени. Лишь успела на несколько минут зайти в ванную комнату. А потом Тим едва с ума не сошел, осыпая жаркими поцелуями каждый сантиметр моего тела. Тот раз был очень горячим. Не знаю, может всему виной был мой новый статус в жизни Вольского, но такого страстного секса у нас с ним ещё никогда не было. Обычно, молодожены с нетерпением ждут брачной ночи, томясь, целый день в предвкушении. Но у Тимура был другой ход мыслей. Он не стал ждать, когда пьяные гости проведут жениха и невесту после полуночи, а решил воспользоваться своим супружеским правом задолго до назначенного времени.

Я лежала на мужской груди, играясь пальцами с темными завитками волос, а Тимур гладил меня по бедру, посвящая в далеко грядущие планы.

— Сколько бы ты хотела детей? — Неожиданно спросил Тим.

— Двое, — ответила не раздумывая. — А ты?

— Не знаю. До встречи с тобой я вообще об этом никогда не задумывался. А сегодня утром проснулся и понял, что хочу от тебя ребёнка, девочка моя.

— Вот прямо-таки сразу, как проснулся? — Мой голос принял ироническую интонацию, от чего Тимур не упустил возможность легко ущипнуть за бицепс.

— Язва ты редкостная, Вольская. Стебешься над мужем, совсем не краснея.

— А тебе больше по душе мои слезы, муж?

Тим встрепенулся, услышав последнее слово. Обхватил двумя руками овал моего лица, устремляя взгляд в области губ:

— Скажи ещё раз "Муж".

Я удивлённо повела бровями на странную просьбу, но "муж" всё-таки сказала, трижды к ряду.

— Как же я люблю тебя, Вольская, — шептали его губы в промежутках между поцелуями.

Одним разом всё не обошлось. Второй раунд начался, стоило мне только подняться с постели, а затем обессиленные, но, кажется, счастливые, мы решили вернуться к гостям спустя полтора часа.

На удивление, но нашему длительному отсутствию никто не предал значения. Свадьба была в самом разгаре, несмотря на пропавших виновников торжества. Ближе к ночи я решила выйти покурить во внутренний двор. Взяла у Кононовой сигарету и направилась под общий шумок в одну из пустых беседок.

По привычке раздавила зубами ароматизированную капсулу на фильтре, а затем подожгла сигарету. Сделала глубокий вдох таблицы Менделеева и блаженно закрыла глаза. Мне всегда нравилось курить в одиночестве. В такие моменты можно поразмыслить над

смыслом жизни и построить планы на будущее. А в планах, как раз, было много чего интересного. Во-первых, я намеревалась бросить курить. Вот прямо сразу после свадьбы. Собрать волю в кулак и сказать: "*Ты больше не куришь, Соболева*". Смеяться громко начала вслух, а внутренний голос так и крутил у виска: "*Вольская. Отныне только так*".

— Вольская, — в голос произнесла, смакуя каждую букву новой фамилии.

Интересно стало, а чтобы было со мной сейчас, не встретить я два года назад на новогоднем корпоративе Тима? Познакомились бы мы когда-нибудь в другой день? И как всё так получилось, что мой муж влюбился в меня задолго до нашего знакомства, а я до сих пор не могу открыть ему дверцу в свое сердце?

Пока я размышляла о прошлом и будущем, за спиной послышались чьи-то шаги. Знакомые шаги до самых болезненных импульсов по всему телу. Сначала я подумала, что слишком замечталась в своих грезах, но потом я почувствовала его запах. Этот запах не спутаешь ни с чем. Он один такой на целом свете. Нет, это не дорогой парфюм или одеколон. Да, и, вообще, не имеет значение название бренда, когда речь идет об уникальном аромате, который мог принадлежать только *одному единственному человеку*.

Едва не вскрикнула от неожиданности, когда из темноты показался его силуэт. Высокий рост, широкие плечи, узкий таз. Нет, это был не мой муж, однозначно. Тим заметно худее, и в плечах гораздо уже. Эти плечи могли принадлежать только одному человеку.

Так и села на ближайшую лавочку, когда раздался тембр его голоса:

— Привет, Лисёнок.

Земля ушла из-под ног. Голова закружилась, а сердце едва не выпрыгнуло изнутри. Не ожидала. Остолбенела просто, увидев его в день своей свадьбы.

— Ты? — Только и смогла произнести, когда первые эмоции позволили промолвить хоть одно слово.

— Я, — на лавочку рядом присел. Вытянул перед собой длинные ноги, а я едва в обморок не хлопнулась, ощущая, как его плечо касается моей кожи.

Тысячи мурашек поползли по позвоночнику. Лоб покрылся испариной, а пальцы принялись выбивать барабанную дрожь. Так и не докурила сигарету, забыв обо всем на целом свете.

— Зачем ты пришел? — Мой голос точно хрипел, будто я сорвала его от громкого крика.

— Поздравить с днём свадьбы, — смешок нервный послышался. А ещё послышались странные нотки в интонации. *Выпил?*

— Так поздравляй и уходи, Тимур. Мне не нужны проблемы, — я не верила, что могла это сказать.

Разве, прежняя "*Я*" не обрадовалась присутствию любимого мужчины? Разве прежняя "*Я*" не растеклась бы лужицей у его ног?

— А ты не злишь на меня, любовь моя. Я ведь от чистого сердца пришёл поздравить и счастья пожелать вам с твоим муда... — прокашлялся, а затем добавил. — Мужем. Ты счастлива? А, лисёнок? Ты счастлива?

Но я не отвечала. Будто язык проглотила, не иначе. Смотрела на овал его лица, контур которого освещал лунный свет, и все не могла понять. *Зачем? Для чего? Почему?*

— Не называй меня так, пожалуйста. — Голос предательски задрожал, а вместе с ним и колени, когда я решила подняться с лавки. — Прощай, Тимур.

Но мы так и не попрощались. Стоило мне сделать один шаг в сторону выхода, как мою

талию клещами сжало. В считанные секунды Ариевский рванул на себя моё обмякшее тело, а затем схватился пальцами за затылок. Взгляд опустил на губы, а потом, не думая, обжёт жаром своего глубокого поцелуя. Едва не задохнулась от порыва чувств и эмоций. Дежавю накрыло мощной волной, и я ощутила, как внизу живота проскользнули знакомые импульсы.

Сколько он меня не целовал? Восемь месяцев? А кажется, будто вчера расстались. Возможно, вообще никогда не расставались. Настолько сильно сберегла в своих тайниках клеточная память его поцелуи.

Его руки скользили по всей спине, задерживаясь на ягодицах. Тимур прижимал к себе вплотную моё тело, заставляя ощущать его нескрываемое возбуждение. *Он всё ещё хотел меня, а я всё ещё не могла отказаться от него...*

Не знаю, к чему бы всё привело, если бы не голос подруги, который эхом разнесся в ночной тишине.

— Леся! Леся! — Орала Янка, не щадя голосовых связок.

Отстранилась от Тимура, будто мне на голову вылили ведро холодной воды. Попыталась сбитое дыхание восстановить и успокоить дрожь по всему телу.

— Через минуту придет твоя подруга. Решай, ты готова уйти со мной, лисенок? — Ариевский смотрел на меня сверху вниз, ожидая ответа.

Но я не отвечала. *Всё никак не могла поверить, что он реальный. Что он здесь, со мной, из-за меня. Стоит напротив и предлагает уйти с ним!*

— Разве ты не об этом мечтала? — Внутренний голос проснулся, и, как темный ангел, принялся толкать меня в знакомый омут, в болото.

Потянулась к нему. Обвила его шею кольцом своих рук, ещё один раз поцеловала, чтобы никогда не забыть, насколько сладкими бывают поцелуи любимых губ. А затем ушла, не оглядываясь.

— Леся, где тебя носят, твою дивизию? Без тебя там торт порезать не могут. Жених бедный весь гостиничный комплекс оббежал. — Подруга принялась нотации мне читать, но я не перечила.

Когда вошли в ресторан, Тим едва меня с ног не сбил. В сторону отвел, прикрывая своей фигурой от любопытных взглядов. Посмотрел как-то озлобленно, что ли. А затем, ни слова не говоря, потянулся рукой к карману своего пиджака. Достал оттуда носовой платок и протянул мне.

— Вытри, у тебя помада размазана по всему лицу, — я сквозь землю была готова провалиться от пронзительного взгляда мужа.

Кажется, он обо всем догадался. Потому и дергались на его лице желваки, а руки сжимались в кулаки.

— Больше никогда так не делай, поняла? — За руку меня схватил, вонзая пальцы в кожу до болезненных импульсов. — Леся, ты меня поняла?

Головой принялась кивать в ответ, едва не плотая слёзы. Стыдно было, как никогда. И где только моя голова была, когда я позволяла Ариевскому себя целовать? Чем я только думала, разрешая касаться меня в тех местах, на которые имел право прикасаться только муж?

— Сейчас проходим в зал, и ты мило всем улыбаешься. Режим торт, а затем уезжаем домой. — Тимур держал меня под руку, когда мы направлялись к гостям.

— Разве свадебная программа не рассчитана до часа ночи? — Только успела спросить, как Тим резко остановился, отчего я едва не упала.

— Мне насрать, насколько она рассчитана. Мы уезжаем. Или тебе всё ещё хочется изображать влюбленную невесту? — Из глаз Тима едва искры не сыпались от злости.

— Изображать? — Шептали мои губы.

— Да! — Рывкнул на меня Вольский. — Не притворяйся, Леся. Ты настолько пропахла его запахом, что мне стоять с тобой рядом противно, пока ты не смоешь с кожи этот вонючий одеколон.

Я шла к гостям, будто на экзекуцию. Мне казалось, что всё читалось на моем лице, поскольку гости начали заметно шептаться. Тимур, в свою очередь, сжимал мою руку, говоря: *"Улыбайся, лисёнок"*. И тогда я вздрагивала, слыша имя, которым меня называл только один человек.

Торт порезали в скором времени. Прозвучало ещё несколько тостов от пьяных в стельку гостей, а затем пришлось целоваться после знаменитого *"Горько"*. И нам действительно было горько. Горько, как никогда. Горько от того, что наш любовный треугольник до сих пор продолжал существовать. Горько от того, что Тим любил меня до безумия в то время, как я была готова меньше часа назад бросить его прямо посреди свадьбы. А ещё было горько от того, что я поняла свою ошибку. *Клин не вышибают клином*. Нет! Не заглушить никогда боль в сердце, которое разрывалось от любви к другому... *моему личному кошмару*.

К машине шли, в спешке попрощавшись с гостями. Тимур пытался сорвать с шеи галстук, а я едва не падала, спотыкаясь на каждом шагу. Когда до автомобиля оставалось совсем немного, мой каблук застрял в кромке тротуарной плитки. Пришлось остановиться. А ещё оказалось, что нога подвернулась, пока я пыталась достать тот несчастный каблук.

— Что там у тебя случилось? — Спросил Тимур, оборачиваясь.

— Ногу подвернула. А ещё, кажется, я каблук сломала.

— Черт с туфлями. Идти можешь? — Но ответить я так и не успела.

Тимур ко мне направился, намереваясь на руках понести. Только за талию успел обхватить руками, как раздался мощный взрыв, заставляющий умолкнуть все живое вокруг. Тим поддался вперёд, прикрывая меня своим телом, а затем нас просто оглушило, наверное, как при контузии.

Ночную тишину нарушали звуки кричащих автомобильных сигнализаций, а где-то за спиной догорал наш свадебный автомобиль. Перед глазами всё пеленой покрылось, туманом. Сознание сковало необъятным страхом. Я боялась открыть глаза и посмотреть перед собой.

— Живая? — Тимур тряс меня за плечи, добиваясь ответа. А я только глазами быстро-быстро моргала, не сумев прийти в чувства так быстро, как сделал муж.

В скором времени подбежали гости. Так и окружили нас со всех сторон. Я никак не реагировала на происходящее. Просто сидела на асфальте, прижимая дрожащие пальцы к груди.

— Нас хотели убить. Нас хотели убить... — повторяла снова и снова, когда вернулась речь.

Черный брабус увозил нас прочь от гостиничного комплекса. Я сидела на переднем сиденье, нервно теребя пальцами грязное свадебное платье. Тимур сосредоточенно крутил руль, время от времени поглядывая на меня. Мы молчали, каждый о своем. Вольский не посвящал в свои планы, лишь один раз обмолвился, что нам небезопасно оставаться в родном городе. Поэтому наш автомобиль держал курс в сторону столицы.

Я даже не пыталась задавать вопросов. Слишком много событий произошло в день свадьбы. Сначала Ариевский, который заявился пьяным и поставил ультиматум: *"Через минуту придёт твоя подруга. Решай, ты готова уйти со мной?"*. Но я не ушла, хоть внутренний голос твердил о совершенно другом. Безусловно, я думала о нем. Думала, что наша любовь взаимная и лишь из-за стечения обстоятельств мы не могли быть вместе. Оказалось, так думала только я, иначе — что это вообще было с его стороны? Почему не потрудился всё объяснить, а целоваться сразу полез? Ещё этот сарказм, что сквозил в каждом слове просто: *"Ты счастлива? А, лисёнок? Ты счастлива?"*. Издевался, что ли? Ведь знал, как сильно хотела быть с ним. Не мог забыть последнюю встречу, когда я сидела на полу лестничной площадки и умоляла его быть вместе, несмотря на все трудности! Струсил тогда или, может быть, не нужна была ему я? А я всё помнила, хоть и старалась забыть. Помнила тот холодный взгляд глаз цвета стали и кривую улыбку, с которой он говорил: *"Исчезни навсегда из моей жизни. Не люблю я тебя, понимаешь? У нас с тобой был только хороший секс, вот и всё"*.

А я и исчезла, почти. С моста в тот вечер хотела спрыгнуть, настолько больно было в сердце, будто по нему танком проехали. Но Тим вовремя появился и увел меня с того проклятого моста. И, вроде, жизнь наладилась. Я даже думать о нем почти перестала. Замуж вышла за хорошего человека, как он и просил. Но он снова появился в моей жизни. Сам появился, когда я об этом и не просила даже. Оказалось, я только в мыслях своих такая смелая была, представляя, как сбегая со свадьбы с любимым мужчиной, да жизнь подружку решила. Тогда в беседке я поняла, что не смогу быть настолько жестокой по отношению к Тиму. Что неправильно будет выставить его дураком перед всеми гостями, да и не только. Я же обещала никогда не предать Вольского, обещала быть вместе и в горе, и в радости, когда он надевал на мой безымянный палец правой руки платину.

А затем прогремел мощный взрыв. От страха сердце в пятки ушло и сидело там, пока Тимур в брабус не усадил и не увез из того гостиничного комплекса. У жизни были припрятаны сюрпризы на каждом углу, получается. То, что мой муж был необычным человеком — я давно поняла. Поняла с того раза, когда на моей работе Тим устроил цветочную лавку. Но я никак не предполагала, что за необычностью может скрываться гораздо больше. Было страшно, как никогда. Страшно от того, что в день свадьбы нас чуть не убили. Да и вообще, с какой «кстати» кому-то понадобилась наша смерть? А, может быть, всё было нелепой случайностью?

Я продолжала молчать всю дорогу. Глаза сонно слипались, но я не хотела засыпать. Боялась закрыть глаза и никогда больше не проснуться. Тимур, шумно дышал, курия сигареты одну за другой.

— Ты действительно готова была уйти с ним? — Низкий голос раздался, вырывая меня

из пучины раздумий.

— Нет, — ответила, не сомневаясь и секунды. — Высокого же ты обо мне мнения, муж.

— А чего так, жена? Мне ведь не показалось, что ты с особым энтузиазмом отвечала на его поцелуи. — В его словах сквозила неприкрытая горечь, отчего надрывались струны в душе.

— Ты тогда там был и все...

— Видел. Собственными глазами, Алесья, — закончил за меня Тимур, а затем как-то резко засмеялся, будто наигранно. — Вот видишь, как получается, жена. Нас чуть не грохнули два часа назад, а я не могу ни о чём другом думать, как о тебе. Не получается стереть тот маленький эпизод, который для меня был ударом в под дых. Ну, как ты, Лисёнок, счастлива со мной, а?

Думала, сквозь землю провалюсь от подобной прямолинейности. Не ожидала, что Вольский тогда рядом был и всё видел. Когда в ресторане давал носовой платок, чтобы стереть следы от помады, думала, просто обо всем догадался. А оказалось всё гораздо прозаичнее.

— Я не знаю, что тебе ответить, — только и смогла выдать из себя, хотя в голове крутились совсем другие словечки: колкие и обидные.

— Тогда не отвечай. В себе лучше разберись. Сама у себя спроси, чего ты хочешь. Если ты готова перечеркнуть всё, что нас связывает, то только скажи. Прямо скажи, без вранья. Я тут же разворачиваю машину и отвожу тебя, куда скажешь. Решай, Алесья. Готова пойти за ним или останешься здесь, со мной? — Тимур действительно остановил автомобиль. Вышел из него и закурил сигарету, нервно затягиваясь серым дымом.

Свет, исходящий от фар, освещал мужской силуэт. Я смотрела на него, пытаюсь понять, о чём думал владелец силуэта. Но все было тщетно. Я не умела читать мысли. Из машины вышла. На шатающихся ногах подошла к Тимуру и остановилась на расстоянии вытянутой руки. Обнять его захотелось, да только Тим отряпнул, едва я успела коснуться плеча.

— Решила? — Искося посмотрел, а затем глубокий вдох сделал, ожидая ответа.

— Я с тобой, — сделала ещё одну попытку обнять, и в этот раз он сам прижал к своей груди.

Зарылся лицом в волосах, а рукой за затылок ухватился, слегка вонзая пальцы:

— Если ты решила остаться со мной, то это до конца, чтобы тебе не пришлось пережить. Обратной дороги не будет, ты поняла? Ты теперь только моя, — его голос хрипел. Он шептал мне на ухо "моя", а у меня мурашки ползли по спине.

Я не знаю, сколько мы вот так стояли, плотно прижимаясь друг к другу, но трель мобильного телефона Тимура заставила вернуться в реальность. Вольский потянулся к карману брюк, едва не кривляясь, прочитав имя абонента.

— Вольский слушает, — сначала Тим слушал, а затем отошёл от меня на несколько метров и просто заорал. — Что? Ты не офигел? Я же сказал "нет". Пока я ещё директор "Трейд карго" и мне решать, будем оформлять или нет! Ты меня понял? Всё, отбой.

Тимур принялся расхаживать вперед-назад. Курить продолжал, как сумасшедший, а потом стал кому-то звонить. Я не слышала всего разговора. Уловила лишь несколько фраз и поняла, что весь разговор имел отношение к недавнему взрыву.

— Завтра же вы накладываете арест на все контейнеры. Полностью прекращаете оформление документов и расторгаете сделку. Мы с ними больше не работаем, понятно? —

Завершил вызов, но ко мне подходить не торопился.

А я сама подошла. Плеча его коснулась и еле уловимым шепотом протянула:

— Значит, так ты ведешь свой бизнес? — В ответ он только головой кивнул. — И поэтому нас хотели убить?

— Не убить, запугать хотели. Иначе бы давно уже с тобой трупами были. — Тимур за руку меня взял, а затем к губам её поднес, покрывая нежным поцелуем.

— У них это получилось, — Тим на меня посмотрел, не скрывая на лице горечи. — Я чуть не умерла от страха.

— Знаю, малыш. Я сам едва в штаны не наложил. Не переживай, этого больше не повторится. Я никому не позволю тебя обидеть, — жаркий поцелуй накрыл губы, и я растворилась в знакомых до боли объятиях.

Октябрь

Октябрь в этом году выдался тёплым. Солнце ещё достаточно грело землю, а дожди были редкими и кратковременными. Мы переехали жить в столицу. Тимур купил небольшой двухэтажный коттедж в одном поселке закрытого типа, а я устроилась на работу в свой банк по переводу. Жизнь приобретала свой распорядок и я, кажется, начала привыкать к этой жизни. Совместное проживание с Тимуром оказалось совсем не в тягость. Мы редко виделись в течение дня, зато по вечерам проводили досуг вдвоем. Очень часто я готовила в кухне ужин, когда Тим возвращался с работы. Мы вместе сидели за столом, рассказывая о прошедшем дне. А затем были наши ночи. Иногда мы просто смотрели фильм перед сном, но чаще нас накрывало пеленой страсти и тогда мы были абсолютно счастливыми, засыпая в объятиях друг друга.

Я мало-помалу привязывалась к Тимур. Очень часто, сидя за рабочим столом, я ловила себя на мысли, представляя, что приготовить мужу на ужин. Даже специально купила кулинарную книгу, желая побаловать чем-то новеньким. Так случилось, что для меня Тим стал нечто большим, чем просто удобным. Я украдкой наблюдала за ним по утрам, когда он собирался на работу. Смотрела, затаив дыхание, как он надевает рубашку, повязывает галстук, расправляет невидимые складки на пиджаке. А затем он всегда на одну минуту опускался на кровать рядом со мной. Желал доброго утра, гладил волосы и говорил, как сильно будет скучать. А я и сама скучала, едва стоило ему выйти из спальни.

День свадьбы стал для меня роковым. Тогда возле машины, когда Тимур предложил мне выбор, я поняла. Поняла, что не хочу выбирать. Совсем не хочу менять свою жизнь, в которой не будет места для Вольского. Ещё никогда и не с кем я так не была уверена в завтрашнем дне.

Удивительно, но во всех предыдущих отношениях с мужчинами я больше отдавала, чем принимала. Рассыпалась тогда на крупы, часто забывая о том, кто я есть. Любила тогда, до безумия, до саморазрушения, а мне лишь позволяли себя любить. Позволяли быть рядом, отделяя все в определенные рамки. *Как же трудно быть чьей-то тенью.* Быть запасным вариантом, вторым аэродромом, быть всего лишь *любовницей*. В таких отношениях всё написано наперёд. Каждая встреча запланирована, секс — строго по графику, а совместный

досуг — только в исключительных случаях и то, если выпадут карты определенной масти.

С Тимом было всё иначе. Мне не нужно было о чем-то просить. Да я вообще его никогда ни о чем не просила. В наших отношениях инициатором всего был, как раз, Тимур. Именно он устраивал романтические вечера, очень часто удивляя меня в хорошем понимании слова. По выходным мы ездили вместе на шопинг. Я с удовольствием примеряла одежду известных брендов, несмотря на их стоимость, ведь с Тимуром можно было всё. Возможно, это был эгоизм и холодный расчет с моей стороны, но я ведь не скрывала перед Тимуром, что выходила замуж не из-за великой любви.

Это утро началось с телефонного звонка. Я лениво открыла глаза, бросая взгляд в сторону настенных часов. Восемь утра. Воскресенье.

— Тим, может, ты будешь отключать телефон по выходным? — Недовольно протянула я, ныряя с головой под одеяло.

— Слабость моя, я не могу себе такое позволить, ты же знаешь, — усмехнулся муж, обнимая и целуя меня.

— Знаю, знаю, — ответила уже пустой кровати, поскольку Тимур подскочил на ноги и вышел с телефоном из комнаты.

Ещё какое-то время я попыталась заснуть, но сон, как рукой сняло. Села на кровати, потянулась руками вверх, а потом, накинув на плечи шелковый халат, вышла из спальни.

Спустилась на первый этаж. В кухне меня ожидал уже горячей кофе по-восточному, как я люблю. Если у Тимура не было срочных дел, то он всегда готовил кофе по утрам, и это мне чертовски нравилось. Взяла в руки фарфоровую чашку и решила отыскать мужа. Было только одно место, где он всегда говорил по телефону, если речь шла о чем-то важном. Так и получилось, что застала я Вольского в кабинете. Тихо отворила дверь, а потом также бесшумно вошла внутрь. Оперлась плечом о стену и стала наблюдать.

Он сидел ко мне спиной, в кресле, вальяжно развалившись. Смотрел куда-то вдаль перед собой, крутя между пальцев шариковую ручку.

— Хорошо. Не переживай, я встречу тебя, как обещал, — говорил необычным тоном, отчего я удивлённо повела бровями.

— Да. И вещи твои перевезу, и с Лесей поговорю. Не волнуйся. Нет, она не будет злиться. — Он всё ещё продолжал произносить фразы со странной интонацией, а у меня в сердце что-то "ёкало". — Хорошо. До скорой встречи, Дашуля.

Я едва чашку из рук не выронила от неожиданности. Тимур, видимо, почувствовав моё присутствие, обернулся. Посмотрел сверху вниз и улыбнулся широкой улыбкой.

— Всё-таки проснулась? — А затем он встал и подошёл ко мне. За руку взял, предварительно отобрав чашку, и поставив на угол камина. — Ты чего брови нахмурила?

— Ничего, — ответила, обиженно поджав губы.

— У нас ещё не было в моём кабинете, да? — Принялся покрывать изгиб моей шеи поцелуями, запуская руки под вырез пеньюара. А я не отвечала взаимностью, лишь смотрела на него, дожидаясь каких-нибудь оправданий, но он не пытался о чем-либо говорить.

— Ты к Дашуле опоздаешь, Вольский. — Произнесла с такой интонацией, что впору было замереть на месте. И он замер. Перестал сжимать тисками мою талию. Немного назад отстранился, а затем посмотрел удивлённо и ухмыльнулся.

— Вольская, ты сейчас ревнуешь, что ли?

— Нет, — слишком быстро ответила и неправдоподобно.

— Ага, не ревнует. Ну и правильно. Было бы к кому ревновать, — Тимур разжал объятия

и вернулся обратно к столу. Взял в руки чашку кофе и жадно пригубил. — Я с твоей сестрой разговаривал.

— Даже так?

— Да, — взгляд в мою сторону бросил, а затем подмигнул игриво. — А ты в меня случайно не влюбилась?

Не ожидала такого вопроса. Даже глубокий вдох сделала, чтобы успокоить бешеный ритм сердца. У меня не было ответа на этот вопрос. Впервые в жизни я не знала, что сказать. Так и застыла на месте, не найдя подходящих слов.

— Девочка моя, я же тебя одну люблю, — ко мне подошёл. За плечи обнял, а потом, поддев подбородок пальцами, заставил поднять взгляд на него. — Твою сестру выгнали из общежития, и она со своими подругами нашли квартиру. Вот просила сегодня встретить её на вокзале, а потом помочь с переездом.

— Дашку выгнали из общаги, и я ничего об этом не знаю, но зато обо всем знаешь ты. Удивительно просто. — Мой голос набирал повышенные обороты, и я даже не собиралась их сбавлять. — И за что, позвольте спросить, выгнали первокурсницу? Она же в общаге чуть больше месяца прожила.

— Не знаю, малыш. Спроси у неё сама. И вообще, почему ты не общаешься с сестрой? Она скучает по тебе, Леся, — во мне закипала злость. Да не злость даже, а странное мерзкое чувство. Будто съедало изнутри, впиваясь в каждую живую клетку.

— Скучает, конечно же. И поэтому она звонит тебе, а не родной сестре?

— Ну, так я ей тоже не чужой. — Принялся оправдываться Вольский, а затем начал меня щекотать, на что я недовольно вскрикнула. — Я не знал, что ты у меня такая ревнивая.

— Я и сама не знала, — отвечал внутренний голос, а я лишь позволяла себя целовать, а затем отвести к столу и поставить галочку напротив заголовка "*Места для секса семьи Вольских*".

Декабрь

В эту субботу Тимур собирался в командировку в Китай. Я наблюдала со стороны за сборами мужа, иногда подсказывая, какой лучше взять галстук или рубашку. Тим до последнего оттягивал момент прощания, а затем, не удержавшись, у самого выхода произнёс:

— Леся, я вот о чём думаю уже какой день. Может, ты перестанешь принимать свои противозачаточные таблетки? Я ребенка хочу.

Улыбнулась неожиданному предложению. После дня нашей свадьбы мы с Тимуром ни разу не говорили о детях. Я первой никогда бы не подняла эту тему, а Тим тоже её не затрагивал.

— Ты сейчас серьезно, Вольский? — Я обнимала мужские плечи, ощущая, как под пальцами напрягаются мышцы.

— Как никогда, слабость моя. Я очень хочу, чтобы нас стало больше. Но если ты пока не готова, я буду ждать. Я всегда буду ждать, девочка моя, ведь мне не привыкать.

На самолёт Тимур едва не опоздал. Так и застрял на кровати жаркий тандем из

сплетенных тел. *Мне не хотелось его отпустить, а ему не хотелось уезжать.* Неминуемая разлука съедала изнутри и я, кажется, перестала понимать саму себя. Иначе, как было объяснить, что давно перестала принимать противозачаточные таблетки, выкинув их в мусорное ведро еще неделю назад?

Через несколько дней после расставания, я сидела перед телевизором в угрюмом одиночестве. Какой-то фильм транслировался на экране, а я даже не вникала в его смысл. Листала фотографии на айфоне, иногда задерживаясь на самых любимых снимках. Большую часть галереи занимали фотографии с мужем. На одной мы были серьезными, на другой — веселыми, на третьей — смеялись, и лишь на одной фотографии мы были самим собой. Тимур целовал меня в щеку, прикрыв глаза, а я смотрела в упор. Так и было в нашей с ним жизни. *Он любил меня, а я принимала эту любовь, как данность, не чая души в его безмерной заботе.*

Где-то за окном послышался лай собак. Просто на надрыв разносились недовольные возгласы животных, заставляя меня подняться и подойти к окну. В ночной тишине показалась чья-то тень, а затем ещё несколько похожих теней. В спешке погасила свет в комнате. К окну снова подбежала и обомлела. Целый десяток людей, в масках и автоматах в руках, ходили во дворе моего дома, пытаясь быть незаметными. Но я всё заметила. Оттого и в шкаф рванула с перепуга, когда услышала на первом этаже признаки штурма.

Сердце вскачь пустилось. В жилах застыла кровь. Страх сковал всё сознание, и я едва дышать не перестала от происходящего сумбура. А затем следовал топот ног, мужские голоса и звуки падающих на пол предметов. Принялась молитву читать про себя, но ничего не помогало. Звуки становились всё громче и громче.

Когда в мою спальню открылась дверь, я думала, умру на месте от страха. Дыхание затаила, чтобы и шороха не создавать. Но тяжелые шаги все приближались и приближались. А потом резко открылась дверца шкафа и перед глазами появилась мужская тень. К губам прикоснулась большая ладонь. Так и зажала мне рот, чтобы я, и пискнуть не успела.

— Это я, Лисёнок. Не бойся. Я сейчас открою тебе рот, только орать не вздумай, хорошо? Моргни три раза, если поняла. — И я моргнула, до конца не осознавая, каким боком он оказался здесь, в моём доме.

— Ты мне доверяешь? — Спросил Ариевский еле уловимым шёпотом, всё ещё прикрывая мой рот ладонью. В ответ я отрицательно закивала головой, на что он, безусловно, удивился. — Ладно, потом поговорим на эту тему. Я прошу тебя верить мне. Просто поверь, хорошо?

Он ожидал моего ответа. Секунда за секундой, но я не торопилась отвечать. Я не верила ему. Точнее, больше не имела морального права верить.

— Я убираю руку, но только не ори. Никто не должен знать, что ты здесь, поняла? — В этот раз я одобрительно кивнула головой, и он действительно убрал руку от моих губ.

— В твоём доме сейчас находится полиция. У нас на руках есть постановление о задержании твоего мужа в качестве подозреваемого. Ничего не спрашивай. Всё потом. Самое главное сейчас — это увести тебя из этого дома. Но я ничего не смогу сделать, если ты не поможешь мне. Просто сиди в этом шкафу и не выходи, пока я не приду за тобой. Поняла? — Я еле дышала. Язык просто онемел, а внутри всё затянулось в плотный узел. Шок, по-другому не назовешь.

Тимур, как и обещал, покинул меня в скором времени. Едва он успел открыть дверь, как в комнату вошёл неизвестный мужчина, а, возможно, и не один. Голоса послышались: грубые хриплые и такие пугающие, что моё сердце принялось скакать по всей грудной клетке.

— Здесь чисто. Дом пустой, — прозвучал знакомый голос.

— Вы уверены, майор? Мы ещё не осмотрели эту комнату, — попытался возразить неизвестный, но Тимур пресек эту попытку просто в два счета.

— Я сказал, здесь никого нет. Лично осмотрел каждый угол. Свободен. — Меня не на шутку испугала интонация, с которой говорил Ариевский. Грубо, властно и безапелляционно, что ли.

По всей видимости, он имел какую-то власть над неизвестным, отчего тот буркнул: *"Как скажете, майор"*, а затем поспешил покинуть мою спальню.

Минуты потянулись часами, а может, это часы потянулись бесконечностью. Сколько я просидела в шкафу? Не знала. Я даже телефон боялась взять в руки, чтобы на время взглянуть. Только и делала, что сидела, как затаившаяся мышь, и это всё, на что я была способна в таком состоянии.

Мысли не врывались в голову. В подкорке не всплывали картинки. Я ни о чем не думала. Только ждала. Ждала неизвестно чего и неизвестно когда. Губы кусала до крови, чтобы ни пискнуть, не то, чтобы в голос выть (хотя очень хотелось). А затем, когда я перестала чего-либо ждать, послышался шорох и тихий стук, будто по стеклу стучали. Долго не решалась выйти из, так званого, убежища. Но какое-то седьмое чувство подсказало, что я должна выйти из шкафа и подойти к окну.

На ватных ногах прошла по всей комнате. Рука неуверенно потянулась к шторе. Дрожащие пальцы взяли за край, а затем сердце едва в пятки не ушло. По ту сторону окна был Ариевский. Я бы узнала его из тысячи других силуэтов, больше не встречала подобных. Поняла, что нужно открыть замок и открыла. А затем Тимур влез в распахнутое окно и первым делом закрыл дверь комнаты на щеколду.

— Высоты боишься? — Спросил низким голосом.

— Нет, — выдавила из себя короткое слово, до конца не понимая ход его мыслей.

— Здесь невысоко. Просто обхвати меня за торец ногами, а руками держись за плечи, —

Тимур к окну направился, а я так и застыла, на месте, не шевелясь.

— Ну, ты чего, лисёнок? Это же я! Не бойся. Всё получится. У нас только один выход — через окно. На первом этаже дежурит группа захвата, а нам нужно увести тебя отсюда. — Ариевский сидел на подоконнике с протянутой рукой перед собой и ждал, когда я подойду к нему и выполню всё, что он просил.

В грудь побольше воздуха набрала, будто это могло помочь собраться с силой духа. А затем к нему подошла. Обвила его шею кольцом своих рук и тихо прошептала над самым ухом:

— Чёрт с тобой, инструктор. Хуже уже не будет.

— Держись крепче, — ответил Тимур, ухмыляясь, а потом начал высовываться в окно.

Я сжимала пальцами мужские плечи, крепко обхватив руками. Время тянулось слишком медленно. Каждое движение Тимура эхом отзывалось в моих конечностях. Я боялась смотреть вниз. Боялась не увидеть почвы под ногами и ещё больше испугаться. Потому и к мужскому телу прижималась, ощущая каждой клеточкой движение мышц Тимура.

Ариевский ступал вдоль небольшого выступающего парапета, пока не дошел до угла дома. А там дальше было дерево, и снова наш странный тандем преодолевал новые препятствия. Я ни разу не удивлялась подобным фокусам Тимура. Он был физически крепким мужчиной, гораздо шире в плечах моего мужа, и, несомненно, сильнее. Мои пятьдесят килограмм лишали Ариевского лишь грациозности и скорости, но никак не сноровки. Когда мои ноги коснулись земли, закружилась голова. Но прийти в чувства мне так и не дали, ведь дальше ожидал двухметровый забор. Тимур подсадил меня за ягодицы, заставляя взобраться ему на плечи, а затем пришлось лезть на верхушку холодного бетонного забора. Крепкие руки обвили мою талию, когда последнее препятствие было позади.

— Ты очень сильная и смелая, лисенок, — прошептала над ухом Тимур, едва не целуя, поскольку я только позволила лишь обжечь кожу горячим дыханием, а потом сразу же отвернулась в сторону.

К машине мы уже бежали. Холодный декабрьский воздух хлестал по лицу, а ветер забирался под тонкий слой шелкового халата, обжигая кожу голых ног. И хорошо, что в спальне Тимур надел на меня свою курточку, иначе бы точно «сдохла» от переохлаждения в тот день.

Напряжение так и не исчезло, когда мое тело коснулось сиденья. Тимур за руль уселся и, в спешке запустив мотор, унёс нас прочь от моего дома. Первое время я молчала. Ни о чём не спрашивала, не бросалась обвинениями. Просто сидела на пассажирском месте, смотря перед собой. Удивительно, но что было на горизонте, я не видела. Будто одна сплошная пустота и тёмный покров ночи, застилающий отголоски здравого смысла.

Тимур тоже сначала молчал, но потом предложил сигарету и я не отказалась. Не отказалась и от карманной фляги, которую мне безмолвно предложил Ариевским. К губам поднесла горлышко и принялась жадно пить до тех пор, пока крепкий алкоголь не обжиг горло. Закашлялась, а затем снова стала пить. Да не пить даже, а убиваться спасательной жидкостью, в надежде поскорее забыться.

— Хватит, — рявкнул Тимур, отбирая флягу. — Это же виски, наберешься сильно.

— А мне теперь насрать, что виски, что водка — один фиг, — ответила слишком

озлобленно бросив в его сторону яростный взгляд. — Куда ты меня везёшь?

— В безопасное место.

— А у этого места есть название или мне не положено знать, товарищ майор? Или ты, как благородный рыцарь, планируешь отвезти меня в свой замок и жениться, похитив у законного супруга? — Сарказма своей речи предала, пытаясь в голос не заржать истерическим смехом.

— Не ерничай, лисенок, а то я и по заднице могу дать, поняла? Я тебе жизнь сейчас спасаю, а ты ведешь себя как ребенок, — я разозлилась в ответ. Очень разозлилась.

Не знаю, откуда только силы взялись, но обиду я проглотила, хотя ладони так и чесались зарядить по его небритой морде. *Бесил меня, страшно бесил.* Хоть какие-то эмоции появились после недавних акробатических трюков, и это не могло не радовать. Значит, живая. Значит, все не снится.

А потом Тимур у меня телефон отобрал и со словами: «*Он теперь тебе не нужен*», выбросил в окно. Я тогда с кулаками едва не набросилась. Думала, лицо расцарапаю до крови просто. Так и принялась на него орать, не подбирая выражений:

— Сволочь, чем тебе мой телефон помешал?

— Успокойся, дура, и не ори, — взгляд холодных глаз заставил поежиться прямо на месте. — Твой телефон отследят в два счета, и богу молись, чтобы это сделала раньше полиция, а не кто-то другой.

— Кто другой, а? Что ты мне тут сказки рассказываешь? Криминальный боевик, не меньше. Так и скажи, что ты всю эту фигню затеял, чтобы Вольскому отомстить, да?

— Леся, не зли меня. Я давно не в том возрасте, чтобы выслушивать подобную истерику. Я в последний раз прошу тебя успокоиться. Я — не твой муж и не буду терпеть все эти выходки.

— Слава богу, — пробубнила я себе под нос, но Тимур все услышал. Оттого и голову в мою сторону повернул, награждая пронизывающим взглядом.

— Согласен.

Мы ехали целую ночь. Курс был направлен в сторону юга, это я поняла в скором времени, когда покинув столицу, мы выехали в направлении моря. Ариевский не торопился все объяснять, а я не желала первой заводить разговор. Рядом с ним мне вообще хотелось раствориться в воздухе в виде эфемерного облака. Странные спазмы отзывались внутри души, и я не знала как их называть. *Любила?* Да какая к черту любовь, когда посреди ночи специальный отряд полиции штурмует твой дом, а затем один напыщенный майор заставляет испытывать на прочность нервную систему?

— Просыпайся, — послышался низкий голос, вырывающий из лап Морфея.

Встрепенулась от неожиданности, когда крепкая рука коснулась моего плеча. Глаза открыла, а затем моргать принялась быстро-быстро. Деталь за деталью стали врываться в сознание. *Значит, все-таки не сон.*

Мое тело обхватили его руки. От сиденья оторвал обмякшее тело и принялся ступать вперед, уверенно шагая в сторону одного дома. В воздухе пахло морским бризом. Где-то вдаль кричали птицы, и слышался звук бьющихся о скалы волн. Море, бесспорно. В скором времени мы оказались в небольшом доме. Как я и предполагала, Тимур привез нас к морю.

— Замерзла? — Спросил Ариевский, но, не дожидаясь ответа, начал растирать ладонями мои икры и щиколотки.

— Не нужно, — я попыталась отстраниться, но Тимур пресек мои попытки.

— Я сам буду решать, что нужно, а что — нет! — Ответил, как отрезал, заставляя меня поднять брови в удивлении. — Есть хочешь?

— Хочу, — честно призналась, давно ощущая в желудке пустоту.

Тимур в другую комнату ушел, а уже через одну минуту вернулся, держа в руках теплый плед. Укрыл меня им едва не по самые уши, а сам отправился в кухню, что ли. Сидеть на месте я долго не смогла. На ноги поднялась и принялась расхаживать по дому, осматривая всё вокруг. Дом был больше похож на дачный домик, где обычно отдыхают летом. Посреди комнаты стоял камин, а рядом лежали поленья. Видимо, не такой уж он и дачный, как показалось сперва. Решила огонь зажечь, чтобы согреться. Продрогла до костей просто. Долго возилась с поленьями, но ничего не получалось. Вслух выругалась: "*Черт тебя побрал*", на что из кухни его голос послышался.

— Оставь. Я сам разожгу огонь, — в дверном проёме Ариевский показался. В руках сковородку держал, от которой исходил приятный аромат. Яичница, и, похоже, с беконом. — Завтрак готов. Садись есть.

На стол передо мной сковороду поставил и положил вилку. А я так и набросилась на яичницу, пока Ариевский с камином возился. Уплетала за обе щеки, когда Тимур напротив сел. Руки в замок сложил, подпирая подбородок. Уставился на меня, сощурился глазами.

— Чего уставился? — Не промолчала с набитым ртом. Ариевский ухмыльнулся краешком губ, а затем глаза закатил.

— Смотрю на тебя и не понимаю, как ты могла в это дерьмо вляпаться. — Я удивлённо бровями повела, требуя подробностей. — Просил тебя замуж за хорошего человека выйти, а ты за Вольского уцепилась, как за спасательный круг. Только не спасет он тебя, Алесь, а пропасть заставит.

— Спасибо. Было очень вкусно. — С трудом проглотила последний кусок, а затем руки на стол положила. — А ты, значит, меня спас, да?

— В процессе.

— Можно поинтересоваться? — Тимур одобрительно кивнул головой. — А зачем тебе всё это нужно? Тебе больше нечем заняться, что ли?

— Считаю, это благодарность за деньги, что вы дали с мужем на операцию моей дочери. — Я в голос заржала в прямом смысле слова.

— Даже так? Я думала, что ты сейчас в любви большой начнёшь признаваться и говорить, что жить без меня не можешь.

— А ты не думай, лисёнок. Много думать — вредно. — Ответил, снова ухмыляясь.

— Какая же ты сволочь, Ариевский! Значит, врал тогда, что жить без меня не сможешь?

— Я говорил то, что ты хотела услышать, любовь моя.

Руки сжимали скатерть. Не сдержалась. Вилку схватила и запустила её в сторону Тимура со словами: "*Ненавижу*". Но он увернулся. На ноги в два счета подскочил, а затем ко мне подошёл. От стула моё тело оторвал и на стол усадил, предварительно сбросив на пол посуду.

Взглядом окинул с головы до ног, а у меня внутри всё замерло, когда его пальцы сжали до боли затылок, а губы впились в рот.

Прикосновение его губ вернуло меня в прошлое. В то прошлое, когда лужицей растекалась у его ног от одного только взгляда. Тогда я была совсем другой. Ловила его каждое слово, надыхаясь тогда не могла любимым мужчиной. Мир был другим. Мы были другими. Всё было по-другому. Я любила его одури, до самого протяжного крика, что мог когда-либо вырваться из груди. Любила безрассудно и отчаянно, несмотря ни на что, а он? Он так и остался для меня сплошной загадкой. Ребусом, скандвордом, кем угодно, но только непрочитанной книгой.

— М-м-м, — мычала я в его губы, пытаюсь оттолкнуть от себя мужское тело. Но он только усиливал хватку и целовал ещё жаднее, ещё больнее.

Сколько я сопротивлялась? Вечность? Не понять совсем. Из глаз слёзы покатались. Кожу обожгло солёной влагой. Тимур вздрогнул, ослабив хватку. Целовать прекратил, а сам принялся стирать подушкой большого пальца капли на моих щеках.

— Зачем? — Шептали мои губы, а глаза искали ответа, но он не отвечал. Долго не решался произнести хотя бы слово.

Смотрел на меня с нескрываемой грустью на лице, пытаюсь улыбаться. Одной рукой он гладил мои волосы, а другой — продолжал стирать слёзы. Я интуитивно прильнула к его ладони, а затем накрыла ее своими пальцами. Мелкая дрожь пробежалась вдоль позвонков.

— Зачем ты это делаешь? — Я не могла остаться без ответа. Мне нужна была правда, какой бы она не была. Я запуталась. Снова погрязла в сомнениях, не понимая его противоречий. — Ты же душу мне терзаешь.

Он не признавался в своих чувствах ни разу после нашего расставания. Даже словом не обмолвился о том, что равнодушен. Но сейчас: его руки, глаза, мышцы на лице, взгляд — всё кричало о совершенно другом. Его тянуло ко мне, как магнитом. Я видела и чувствовала это. Невозможно игнорировать учащенное сердцебиение, что колотилось внутри, когда я положила руку на мужскую грудь. Вряд ли это была тахикардия, ведь у самой сердце скакало галопом, а причиной тому была явно не кардиология.

— Леся, я не знаю, как всё объяснить. Понимаю, что не имел права тебя целовать после всего, что наговорил и сделал, но, — слова давались с большим трудом. Тимур делал глубокие вдохи, а затем — выдохи. Вспоминал, как и я. — Не могу тебя забыть. Ты — очень светлый и один из самых дорогих мне людей. Знаю, что мне нет оправдания, да я и не ищу его.

Я плакала. Ещё больше. В три ручья катились слёзы по щекам, а он продолжал их стирать пальцами, а затем стал покрывать щёки трепетными поцелуями. *Время было против нас.* В подкорке хранилось слишком много воспоминаний. Тех воспоминаний, что душу всю изранили и на лоскутки распустили. *Я задыхалась в его объятиях, а он, кажется, и сам давно перестал дышать.*

— Моя любимая, дорогая девочка, я так хочу, чтобы ты была счастлива. Наговорил тебе гадостей, а ты всё равно продолжаешь любить меня. Не плачь, Лисёнок. Всё теперь по-другому будет, — его низкий голос шептал о чем-то нереальном и таком далеком. Я даже не хотела слушать его, не то, чтобы верить, ведь он мне так и не сказал самого главного. Не сказал, что любит. Не сказал, что наше расставание было его ошибкой, ведь я любила его, а

он меня бросил дурак.

Какой же я была глупой, когда наивно полагала, что научилась заново жить без него. Думала, забыла. Думала, разлюбила. Даже сниться перестал по ночам. Даже боль отступила, а затем и вовсе исчезла, будто и не болело никогда. Но сегодня, сейчас, чувства вспыхнули заново. Вновь в сердце протяжные импульсы отозвались, когда он решил поцеловать меня. Сопротивлялась его поцелуям, зная, что обратной дороги не будет. Сопротивлялась из-за обещаний другому, не ему. Другому мужчине я обещала хранить верность и быть с ним, и в горе, и в радости. *А Тимуру я ничего не обещала, и сейчас — тоже*

А потом был телефонный звонок, который прервал наши откровения. Тогда Тимур много разговаривал, предварительно выйдя из дома, а я наблюдала за ним из окна. Видела, как он ерошил волосы на голове и нервно курил, расхаживая вперед-назад.

Когда вернулся в дом, я сидела возле камина на небольшом табурете и грела руки. Он подошёл сзади. Накинул на мои колени плед, а затем прижался грудью к моей спине, не спрашивая разрешения. Я глаза закрыла на короткое время. Позволила знакомому аромату окутать сознание и утонуть в дежавю. Тимур скользил носом вдоль изгиба моей шеи, а я наслаждалась этим, понимая, *что всё могло быть в последний раз.*

Знала, что измена — это низко и подло. Знала, что нужно уметь сдерживать свои обещания. *А ещё знала, что никогда и не с кем мне было так хорошо.* Настолько хорошо, что эйфория накрывала мощной волной от одних только объятий. И я пыталась быть верной супругой. До последнего выстраивала барьер перед Ариевским. *Но когда любимый мужчина находится на расстоянии меньше миллиметра, барьер слишком быстро ломается.* И мой — тоже начал ломаться.

Сначала я очень разозлилась на него, когда он рассказал, в чём подозревают моего мужа. Так и шипела, подобно степной гадюки, едва с кулаками не бросаясь на Ариевского:

— Мой муж не контрабандист. Я не верю тебе. Не знаю зачем, но ты врешь. И полиция в моём доме — твоих рук дело. Всё простить не можешь, что Вольский с твоей женой рога наставил, да?

— Замолчи, Леся. Не говори то, о чем будешь жалеть, — его глаза пылали искрами гнева. Он тоже злился, как и я. У каждого из нас была своя правда, в которую другой не собирался верить.

Я отказывалась признавать, что бизнес Вольского переступил черту закона, когда под видом обычного груза на самом деле таможенно пересекали партии оружия, а затем транспортировались по всей стране. Эта схема, по словам Ариевского, работала ни один год. Вольский под видом брокера выступал незаинтересованным третьим лицом, сопровождая лишь поставку товара и ее таможенное оформление от иностранного продавца к отечественному покупателю. По факту в контейнерах с минеральными удобрениями, что приходили в морской порт, поставлялось оружие, и покупателями выступали подставные фирмы, поскольку в инвойсах не фигурировала фирма Вольского.

— Сама подумай, какой смысл мне врать? Ты ни разу не задумывалась, откуда столько бабла у твоего мужа? Ни разу не наблюдала за ним со стороны? Ничего вообще не показалось странным? — Продолжал говорить Тимур, а в моей голове всплывали картинки.

Самым первым тревожным звонком был тот вечер, когда Вольский неожиданно замуж позвал. Тогда ещё Ванька заявился, весь такой нервный, взъерошенный, с порога причитать начал: *"Пять фирм под арестом. Ищут транзитеров, сейчас цепочки отслеживают"*. На тот момент я не придавала значения фразе. Во-первых, слишком большое потрясение мне

нанес Вольский, а, во-вторых, водка, которой я пыталась себя убить до беспамятства, отвлекла от реальности происходящего.

Вторым тревожным звонком был взрыв свадебного автомобиля и разговоры мужа с неизвестными на этот счёт. Плюс Вольский постоянно закрывался в кабинете, если требовался серьёзный подход к делу. Да и ещё тот сейф, что был надёжно упрятан в его личном кабинете. Получается, что было достаточно деталей, чтобы сложить пазл воедино, но я никак не могла этого сделать.

— Нашу свадебную машину взорвала же не полиция, верно? — Среди всего дерьма, что вылилось мне на голову, хотелось видеть абсолютную непричастность Ариевского. Иначе бы я даже думать, не смела. *Он не мог, не мог так со мной поступить.*

— Нет, конечно же. Это привет прилетел с другой стороны, о которой тебе лучше не знать. По этой причине я выкинул телефон, чтобы никто не определил твоё местонахождение. Леся, пойми, пожалуйста, и поверь мне. Твой Вольский тебя в могилу сведёт со своими делами. Те люди, с которыми он связался, а теперь отказывается работать, просто так не отстанут. Я не знаю, что у них за тёрки с Вольским, но им он нужен живой, иначе бы вас давно порешили. А ты, получается, слабое место Вольского и тебя будут искать, чтобы надавить на него, понимаешь? Тебе опасность грозит. — Молча слушала, не перебивая. Сердце билось, как сумасшедшее, а тело покрывалось холодным потом. Никогда бы не могла подумать, что действительно могу вляпаться в такое...

Самым обидным было то, что оба Тимура знали обо всем, и никто ничего не сказал. Вольский знал подноготную Ариевского, а Ариевский только говорил, что Тим опасный человек, не приводя никаких аргументов. Я и подумать тогда не могла, насколько опасный. Муж-контрабандист, разве мечтала о подобном?

А потом меня накрыло истерикой. Долго в чувства не могла прийти. Тимур успокаивал, как мог. Обещал, что теперь ни за что не бросит и никому не позволит причинить вред.

— Лисёнок, моя хорошая. Я с тобой, не брошу тебя, обещаю. Никому не позволю и пальцем тронуть. Даже Вольскому ещё раз плечо прострелю, если он решит тебя забрать. Ты о нем теперь и думать забудь, если жить хочешь. — Его губы шептали над самым ухом, а руки обнимали за плечи. Я сидела на мужских коленях, зарывшись лицом в ладонях.

Странные двойкие чувства съедали изнутри. Я не могла поверить, что всё было правдой, и не могла поверить, что отныне моя жизнь круто развернулась на сто восемьдесят градусов. Теперь в моей жизни снова сменился главный герой, а я оказалась не готовой к такому повороту. Почему-то тянуло к Вольскому, несмотря на открывшиеся обстоятельства. Хотелось думать, что все обойдется. Что Тим приедет за мной, заберет отсюда, и мы снова будем жить по-прежнему. *Но по-прежнему уже ничего не могло быть.*

— А что с ним теперь будет, Тимур? — Спросила я, когда ко мне вернулся дар речи. — Его в тюрьму посадят?

— Вряд ли, — ухмыльнулся Ариевский. — Такого, как Вольский не посадишь. Папа — сама знаешь кто, плюс связи на уровне правительства. Скорее всего, дело закроют, но меня это вообще никаким боком не колышет. Меня волнует только твоя безопасность и твоя жизнь.

— Тимур, пожалуйста, скажи мне, что всё это неправда или ущипни больно, чтобы я проснулась, если это сон. Я не хочу во всё это верить. Слишком жестоко, чтобы быть похожей на правду, — я смотрела на глаза цвета стали с надеждой. До последнего хотела верить, что Тимур ошибся.

— Но это правда, лисёнок, как и то, что я всегда тебя любил, и буду любить, хотя говорил другое.

— Почему? — Только и смогла выдавить из себя.

— Злой до сих пор на тебя за то, что ты к нему пошла, когда мы расстались. А ещё злой за то, что деньги Вольского на операцию Ани подсунула через благотворительный фонд. А ещё злой, что со свадьбы тогда со мной не ушла, ведь мне нужно было время, а ты не захотела ждать, глупая, — Тимур прижимал мое трепещущее тело к своей груди, а я, не скрывая эмоций, продолжала трястись от шока, как осенний лист на ветру.

— Почему тогда ничего не сказал? Зачем вел себя, как сволочь, говоря, что между нами был просто хороший секс?

— Ты знаешь правду. Это было условием твоего мужа, чтобы я мог восстановиться на предыдущей должности, а мне она была нужна, и ты знаешь для чего.

"Это было условием твоего мужа", — фраза царапала всю душу. Условием? Да когда есть любовь, какие к чёрту условия? Ещё несколько месяцев назад я думала совсем по-другому. Сначала пыталась ненавидеть, потом пыталась искать оправдания, потом через гордость свою переступила, предложив сердце. А он все перечеркнул, сжигая за собой все мосты.

Я долго молчала, до последнего не отвечая на его признание. Он держал меня за руку, сжимая её своими пальцами. Шумно дышал, вздымая грудной клеткой высоко вверх. Выжидающе смотрел, не отводя взгляда. А затем на колени опустился, низко склонив голову передо мной:

— Лисёнок, скажи, что простила меня. Скажи, что ты готова обо всем забыть.

Вздрыгнула. В лёгкие побольше воздуха набрала, облизав пересохшие губы, а затем каким-то странным голосом произнесла:

— Забыть? А ты бы забыл? А ты бы простил, Тимур? Как? Как можно это все забыть?

— Мы справимся, вместе справимся, — он так и не ответил на мои вопросы.

— Ты потерял нас, — смахнув одинокую скупую слезу на щеке, я окинула тяжелым взглядом знакомые до боли черты лица. А затем сняла с безымянного пальца правой руки кольцо и вложила в мужскую руку. — Читай.

— До скончания времен, — произнес низким, едва не охрипшим голосом.

— Вольская до скончания времен, а не Ариевская, понимаешь? — Тяжелое молчание воцарилось в комнате. А затем на лице Тимура появился злобный оскал. Он резко вскочил на ноги и направился к выходу, сжимая в кулаке мое обручальное кольцо.

Побежала за ним, когда поняла, что он собрался сделать. Выскочила из дома в том тоненьком халатике, несмотря на декабрьский морозный день. Кожу обжигало ветром, но внутри всё горело огнём.

— Стой! — Кричала ему вслед, но он не останавливался. Делал широкие размашистые шаги, отдаляясь от меня всё больше и больше.

Думала, охрипну от собственного крика. До последнего думала, что он образумится и остановится. Но он не остановился, пока не ступил на мокрый песок. У меня уже дыхание сбилось, когда я на шатающихся ногах подбежала к нему. Он стоял ко мне спиной, смотря куда-то вдаль перед собой. Морские волны омывали безлюдный пляж, и лишь крик птиц напоминал о том, что мир всё ещё жив, не рухнул только что, когда он выбросил в пучину Черного моря моё обручальное кольцо.

Не раздумывая ни секунды, кинулась вперёд. Ледяная вода заколола кожу, будто иголками. Руки вниз опустились. Так и принялась отчаянно искать в морской воде кусок платины, что был так дорог. Секунды потянулись целой вечностью. Пальцы на ногах свело судорогой, а тело принялось трепетать от невыносимого холода. Но я не сдавалась, пока мою талию не сжали грубые мужские руки.

Тимур за мной в море кинулся. Пытался из воды вытащить, да только я отбивалась до последнего. Размахивала в воздухе ногами и руками со словами: "*Отпусти*".

— Дура, что ты творишь? — Орал на меня Ариевский, не церемонясь.

На руках к дому нёс, несмотря на все мои попытки вырваться. Тело предательски

обмякло, выбившись из сил. Сопротивляться ста килограммам — не простая задача для любой женщины, а для меня — вообще оказалась непосильной. Тимур не выпустил меня из рук даже, когда в дом зашли. Вместо того, чтобы поставить меня на ноги, он понес в ванную комнату. Усадил на край ванны, крепко держа за руку, чтобы не смогла вырваться, а сам включил горячую воду.

В это время я закипала от невыносимого гнева. Если бы можно было убивать человека одними только мыслями, то Ариевский был бы уже трижды отправлен на тот свет за непростительную выходку.

— Не трогай меня, — я стукнула по его руке, когда он потянулся к поясу моего халата. — Больше никогда не смей меня трогать.

Но Тимура не волновали мои громкие фразы, как и попытки сопротивления. Когда ванная набралась до половины горячей водой, Ариевский насильно меня раздел и усадил. Интуитивно я начала прикрываться руками, стараясь спрятать от его странного взгляда интимные зоны. Ещё какое-то время Тимур стоял напротив, смотря на меня сверху вниз, а затем, вышел из комнаты, напоследок, сказав: *"Какая же ты дура, Вольская"*. Когда дверь захлопнулась изнутри, я вздрогнула от вибрации, настолько сильно Ариевский был взбешен.

Я не знаю, как долго просидела в ванной, но вода уже давно успела остыть. Не торопилась выходить до последнего. Не хотела видеть его и возвращаться к незаконченному разговору. Я хотела только одного — домой. Меня необъяснимо тянуло в тот небольшой коттедж в столице. Мысли так и крутились в недалеком прошлом. Тогда у меня была стабильность, тогда было мало мальское представление о завтрашнем дне. *А сегодня, сейчас, у меня не было ничего, и я не знала, кого винить за крутой поворот в своей жизни.*

Дверь шумно отворилась, и на пороге комнаты появился он. Застыл, как стена в дверном проёме, не шевелясь. Взгляд холодных серых глаз скользнул на мои оголенные плечи, ключицу, и задержался на руках, скрещенных крест-накрест, чтобы прикрыть грудь.

— Леся, выходи, — только и произнёс, а сам и с места не сдвинулся.

— Не выйду, пока ты будешь тут стоять. — Ответила, как отрезала, отчего Ариевский вверх глаза закатил. — Чего я там раньше не видел?!

Вопрос прозвучал, как риторический, но я всё-таки набралась смелости ответить:

— Это было в другой жизни, Тимур. Выйди, пожалуйста. — И он снова вышел, на этот раз, уже не хлопая дверью.

Не спеша поднялась из ванной. Обмотала туловище банным полотенцем и, бросив беглый взгляд в сторону зеркала, вышла из ванной комнаты. Тимур сидел возле того же камина, когда я решила узнать, где можно лечь на кровать, чтобы поспать. За последние двое суток я практически не спала, как положено, и уже просто валилась с ног.

— Подойди на одну минуту, — позвал Тимур, когда я развернулась к нему спиной, направляясь в спальню.

Долго не решалась выполнить просьбу. Не хотела. *Злая была на него и сердитая, стоило только глянуть в его сторону.*

— Дай правую руку, — протянул он, не смотря в мою сторону, когда я подошла и остановилась возле него на расстоянии протянутой руки.

Послушалась. Знакомая платина показалась на мужской ладони. Так и повела бровями в удивлении, когда Тимур надел на безымянный палец моё обручальное кольцо. *Значит, не выкинул, а просто проверку моей нервной системе устроил. Для чего спрашивается?*

— Проблема не в том, что ты не можешь забыть или простить. Проблема в том, что

больше тебе не нужен. Я действительно потерял нас, Лисенок. Я понял это, когда ты раздетая выскочила за мной на улицу, а затем в море кинулась. — Я молча слушала всё, что он говорил, не предпринимая попытки вступить в разговор.

Уйти решила, когда показалось, что Тимур замолчал и погрузился в раздумья. Но оказалось, он просто ожидал ответа. За руку чуть выше локтя схватил, когда я сделала один шаг в направлении выхода. А затем на себя рванул, прижимая к своему телу. Полотенце предательски сползло чуть ниже груди, а в скором времени и вовсе упало к ногам.

У Ариевского тормоза отказали. С цепи сорвался не иначе, когда окинув вожделенным взглядом моё нагое тело, принялся грубо и властно целовать. Я сопротивлялась. Размахивала руками из стороны в сторону, пытаюсь оттолкнуть обезумевшего мужчину. Но всё было тщетно.

Тимур, подхватив меня на руки, пошёл со своей ношей в сторону спальни. Спина коснулась холодного покрывала, а позвоночник обдало дрожью. Странный страх сковал всё сознание, когда я заглянула в глаза цвета стали, полностью затуманенные похотью. Мои конечности были плотно прижаты под тяжестью его массивной фигуры. Сопротивляться всё было труднее и труднее, я полностью выбивалась из сил. Оставалось лишь ногтями царапать его спину.

— Тимур, пожалуйста, не надо, — шептала я. — Пожалуйста, я не хочу, Тимур.

Но Тимур совсем не собирался останавливаться. А когда он в спешке начал раздеваться, я совсем надежду потеряла. Рыдала навзрыд, не сдерживая эмоций.

На пол полетела его кофта и футболка, а в скором времени послышался звук расстегивающегося ремня и молнии. Тимур завел мои руки над головой, чтобы я не могла сопротивляться, а коленом раздвинул ноги.

Я умерла в тот момент, понимая, что он переступает все границы. *Сжигает последние мосты.* Никогда не думала, что когда-нибудь буду так отчаянно сопротивляться в его объятиях как сегодня.

— Тимур, пожалуйста. Прошу тебя, остановись. Я не хочу, пожалуйста. — Голос был давно сорван, и мне только оставалось хрипеть, хотя внутри надрывались все струны. — Если ты сейчас не остановишься, ты потом себе никогда этого не простишь.

И он остановился, не сразу, но задуманное так и не закончил. Резко разжал капканы своих рук, а затем отодвинулся от меня на другой край кровати. За голову схватился руками и принялся пальцами тянуть за волосы:

— Я с ума по тебе схожу, Леся, а ты даже смотреть в мою сторону не хочешь. Я настолько тебе противен?

Я села подальше от него, забившись в угол. К груди прижала покрывало, будто оно могло меня защитить на случай чего. Стирала ладонью слёзы с лица, когда он осмелился посмотреть на меня. Всю боль прочитала на его лице, всю горечь. *Кажется, он обо всем сейчас жалел, как и я.*

— Девочка, только не говори, что разлюбила меня. Не говори, что жалеешь обо всем, — он смотрел на меня с надеждой, прямо как когда-то я в своё время, а я смотрела на него с нескрываемым презрением.

— Я жалею только об одном, Тимур. — Ариевский на месте застыл, ожидая продолжения фразы. — Что решила пойти в ту чертову автошколу, иначе бы сейчас ничего этого было.

Этой ночью я долго не могла уснуть после случившегося. Из головы никак не выходили мысли. Съедали изнутри, заполняя всю душу пустотой. Неизвестность пугала до сумасшествия. *Перечеркнуть всю жизнь, снова?* Да сколько можно уже стирать прошлое и учиться жить заново?

Сначала был Эдик. С ним все спонтанно завертелось, но оказалось, что десять месяцев бурного романа ничего не принесли, кроме разочарования, разбитого сердца и потерянного ребенка на седьмой неделе беременности.

Потом был Тимур и новый роман, совсем не учебный. Рядом с ним я ожила. Лужицей растекалась у его ног, но жила, забыв о былой боли. Сколько мы были вместе? Месяц, не больше? А казалось, что целую жизнь прожили рядом. Неудержимая страсть; дуэт из сплетённых тел, сжигающий дотла постель; сердце, скачущее галопом по всей грудной клетке и любовь. А потом меня бросили, снова, как и в прошлый раз. Долго не могла прийти в себя. Жизнь привычные краски потеряла, себя потеряла в той любви. Всё понять не могла: за что и почему? Для чего были эти отношения? Разве тогда любил?

Искалеченное сердце никому больше не верило. Больше не хотелось в омут с головой бросаться и на любимые грабли наступать. Мне больше не нужна была любовь никогда и ни за что. Замуж вышла, исходя из чистого расчёта. Встретила бы когда-нибудь мужчину лучше, чем муж? Не знаю и не хотела знать. *С Тимом было комфортно, спокойно и надёжно.* По натуре своей эгоисткой оказалась. Знала, что брак был неравным: он любил меня, а я позволяла себя любить. Знала, что поступаю не по совести, предавая свое любящее сердце. *Но разве был другой выход, там на мосту, когда я без пяти минут одной ногой стояла в пропасти?* И ведь прыгнула, если бы не Тим. Если бы не он, то вообще сейчас не было необходимости о чём-либо думать, ведь покойникам нипочём земные проблемы.

А сейчас я оказалась в тупике. Любимый мужчина был рядом в соседней комнате. Стоило только руку навстречу протянуть. Хотя, нет. Тут и руки даже не нужно было протягивать. Достаточно было только позвать, но я не звала. Не хотела, не желала, не требовалось. Отныне здравый смысл руководил мной, а не глупый внутренний голос, который всё время только в пропасть толкал. Я больше не верила ему, несмотря на искренние раскаяния. Больше ни за что и никогда не хотела на тысячу осколков рассыпаться, ведь исход был обречён. Если бы ушла с ним, то потеряла всё, что имела. Гордость свою бы потеряла, достоинство и доверие супруга, которому была обязана многим. Разве можно прощать предателей? А всегда ли нужно давать людям второй шанс? А что, если второй шанс не оправдывает ожиданий? Каков будет финал? Фиаско, не иначе.

Посреди ночи с кровати встала. Накинула на тело мужскую футболку, которую дал Тимур, а затем в плед закуталась по самые уши. Часы на стене показывали два часа. В комнату прошла, где догорали в камине поленья. Недалеко от камина на диване лежал Ариевский. Его длинные ноги свисали с дивана, а тело полностью занимало всё пространство. Ухмыльнулась, бросив в сторону мужчины изучающий взгляд. Когда-то давно мне нравилось наблюдать за ним спящим. Нравилось сдвигать с его лица пряди моих волос, а затем покрывать поцелуями каждый миллиметр щёк и скул. Как же давно это было. Настолько давно, что картинки смазались и уже не знала, то ли действительно сдвигала с

лица волосы, то ли это было одним из многочисленных сновидений, что терзали душу после нашего расставания.

Тихо ступая по полу, направилась к выходу, предварительно захватив пачку сигарет и зажигалку. Я так и не бросила курить, хотя обещала самой себе, что обязательно брошу. Ночная тишина вторила моему одиночеству. На звёзды смотрела, представляя, как где-то в другой стране мой муж одиноко спит на кровати. А, может, не спит. Может, тоже смотрит на небо, на те же самые звёзды, что и я.

Думать боялась, что впереди ждёт, когда он на родину вернется. Боялась, но ждала, кажется. Наш брак изначально был неправильным. Да и вообще, всё было неправильно с ним. Семья должна строиться исключительно на взаимной любви, а что было у нас? И почему было? *Почему я о нём говорила в прошедшем времени?*

За спиной послышался скрип, а затем — шаги. Не обернулась, зная, кому они могли принадлежать. Тимур молча сзади подошёл. Шумно воздух втянул, а я на месте замерла. После той ссоры мы не разговаривали друг с другом. Уже уйти собиралась, когда он первым нарушил молчаливую войну между нами.

— Не спиться? — Мурашки по спине побежали от знакомого тембра в голосе.

— Нет, — ответила не сразу.

— Давно тут стоишь? — Продолжал диалог, а я только отвечала "да" либо "нет". Не хотела в глаза его смотреть.

В дом зашла, а он следом поплелся. Рядом на кровать сел, когда моя голова подушки коснулась.

— Можно я с тобой рядом лягу? На том продавленном диване не удобно. — Ответила коротко "нет", но Тимур не прекратил попытку. — Я больше не трону тебя, обещаю. Разрешి остаться, хотя бы в последний раз.

Я промолчала, сдерживая в себе двойкие чувства, а Тимур молчание за согласие принял. Потому и улегся рядом на кровать. А затем на ноги резко подскочил, снимая с себя одежду, оставаясь лишь в одних боксерах. Я тогда дыхание затаила, наблюдая за ним мельком, чтобы не попасться. Хотя бы так могла любоваться его мужественной фигурой и крепким станом.

Ещё долго не могла заснуть, ощущая, как на шее колышутся волосы от его дыхания. Тяжёлый взгляд прожигал спину. Это я ощущала на интуитивном уровне просто. Он не спал. Я не спала. *Мы были рядом, но не вместе.*

Первые лучи света заставили открыть глаза. Не сразу сообразила, что моя голова лежала на мужской груди, а нога была запрокинута на бедро. То ли от спросонья забыла обо всем, то ли просто пыталась врать самой себе, но не отодвинулась от его тела. Лишь пальчиками провела вдоль диафрагмы, ощущая теплоту кожи. Снова глаза закрыла, проваливаясь в глубокий сон. Сквозь туманную пелену ощущала, как его руки обвивали мою талию, как он зарывался лицом на моём затылке. Дыхание его слышала, такое родное и такое далёкое.

Проще всего притворяться спящим и под этим видом позволять вольности. Мы были вольны касаться друг друга. Обнимать и гладить, делая вид, что спим. Но я не спала и он — тоже. Последний раз очень хотелось запомнить. *Запомнить, чтобы потом навсегда вычеркнуть из жизни.*

Голоса разбудили. Оказалось, что солнце давно взошло и время близилось к полудню. Проспала я достаточно, получается. Тем временем, голоса становились всё громче и громче. Я сначала даже подумала, что Тимур на телевизоре громкость прибавил, но, когда в спальне

отворилась дверь, я дар речи потеряла просто.

Лениво потеряла сонные глаза. Взгляд сфокусировала на мужском силуэте, что стоял в дверном проеме. Улыбнулась как-то нервно, глотая ком в горле. Он смотрел на меня сверху вниз, скрестив руки на груди. Шумно дышал. Каждый его вдох и выдох эхом отдавались где-то в подкорке. Недвусмысленная картина предстала его обзору. *Дом на берегу моря. В этом доме мы с Тимуром вдвоем. Я лежу на кровати, одетая в мужскую футболку, а за его спиной стоит тот другой, который всегда был третьим в нашем коварном любовном треугольнике. Тот третий одет лишь в одни джинсы; голый торс и босые ноги.* Разве требуются еще какие-нибудь объяснения?

Тим, не оборачиваясь, молча закрыл за собой дверь прямо перед носом Ариевского. Не спеша ко мне подошел, а потом еще долго не решался заговорить, сидя рядом на кровати. Смотрел осуждающее, что ли? В уголках глаз собрались складки, а на лице мускул задрожал, злился? А потом резко отдернул одеяло. Так и повисла в воздухе рука, когда мои голые колени обдало прохладным воздухом. На мне была надета только мужская футболка без нижнего белья.

Кажется, в тот момент наш маленький мир предательски рухнул.

— Убедился? — Дверь нараспашку открылась. Ариевский к Тиму обратился, сжимая руки в кулаки, но Вольский, кажется, его не слышал совсем.

Молча снял с себя черное кашемировое пальто и мне протянул, со словами:

— Одевайся, — дрожащими руками взяла его одежду, но одеваться не торопилась, предчувствую, что все не может вот так легко закончиться без оправданий и объяснений.

Я ведь должна была что-то сказать, верно? Должна была убедить в том, что все выглядит гораздо хуже, чем есть. Должна была покаяться, что позволила чужим рукам и губам касаться моего тела, а больше мне не в чем было признавать свои ошибки. У нас так и не было секса с Ариевским, как бы тот не настаивал.

— Она никуда не пойдет, — снова майор вмешался в наш молчаливый диалог. На его слова мы даже не сразу отреагировали. Я прижимала к груди мужское пальто, вдыхая знакомый аромат одеколona, а Тим просто смотрел на меня, даже не моргая.

Боже, как же я по нему скучала. Как же долго не видела и не слышала его, что когда он пришел, у меня не нашлось ни одного слова. Если бы сердце умело говорить, то мое читало второй том любовной драмы.

Я развернулась на кровати, свесив ноги на пол. Надела на дрожащее тело пальто, кутаясь в его тепло, что до сих пор хранилось от Тима. Вольский руками ко мне потянулся. Достал длинные волосы из-под пальто и расправил их, отчего те веером легли на спину. А затем он обхватил двумя ладонями овал моего лица, а я накрыла его руки своими пальцами. Друг к другу лбами прижались, закрывая глаза. Мы снова с ним говорили, молча, как раньше. С этим мужчиной мне всегда было уютно молчать. Странная интуитивная связь всегда была между нами на сакральном уровне.

«Я бы никогда тебя не предала», — кричало все внутри меня.

«Мне хочется тебе верить, счастье мое», — отвечали его глаза.

«Знаешь, я все время думала о тебе и ждала», — продолжала шептать моя душа.

«Знаю, поэтому я пришел за тобой. Поэтому я сейчас здесь», — говорило его сердце, когда я положила руку на мужскую грудь.

— Прости меня, милый, пожалуйста, прости, — уже наяву шептали мои губы, когда я, глотая слезы, покрывала его щеки и скулы легкими поцелуями.

— Т-ш-ш, потом, — только ответил он едва уловимым шепотом, а затем помог подняться с кровати.

Приобнял меня за плечи одной рукой, а другой в карман полез, доставая телефон. Номер чей-то быстро набрал и лишь одну фразу сказал: «*Оксана Сергеевна, я нашел ее*».

Когда мы поравнялись с дверным проемом, Ариевским поперек дороги встал. Вольский на него тяжелый взгляд бросил, сказав сквозь зубы: «*Отойди*», но тот не торопился уходить. За руку меня схватил чуть выше локтя, заставляя наклониться в его сторону:

— Леся никуда с тобой пойдет, пока я живой.

По глазам Вольского прочитала все наперед. Только и успела сказать ему: «*Тим, не надо*», но меня проигнорировали, тактично отодвинув в сторону.

— Значит, придется тебя убить, — просто ответил Тим, а я уже камнем висела на его шее, пытаюсь избежать очевидного.

Но избежать ничего не удалось. Будто в прошлое вернулась, когда год назад эти двое дрались в больнице. Тогда Ванька рядом был и смог остановить, нагло вмешавшись. Сегодня, сейчас, у меня не было шансов. Так и вскрикнула, когда раздались первые звуки ударов.

— Пожалуйста, не надо, — кричала на весь дом просто. Пыталась вразумить двоих сумасшедших своим срывающимся хрипом, что вырывался из груди. Но меня никто не слышал.

Когда на лице и руках мужчин появилась первая кровь, сердце в пятки ушло. Наблюдать со стороны, как двое любимых мужчин убивают друг друга — было выше сил. Вздогнула от внезапной мысли — «*Двое любимых мужчин*», но не стала заострять внимание и разводить диалог с внутренним голосом. Я с этим разберусь, но это будет потом.

Тимур гораздо превосходил Тима по физическим показателям, но это никак не мешало Вольскому выступать достойным противником. Никогда раньше мне не нравились мужские драки, даже фильмы не смотрела, где герои демонстрировали боевую подготовку. Вот и сейчас меня просто пожирал всю испуг, полностью охвативший сознание. Удар за ударом. Кто-то падал, кто-то отбивался. Потом вход мебель пошла. Спальню в пух и прах едва не разнесли, а когда стало мало места, оказались в главном зале, где был камин. Казалось, что это никогда не закончится. В этой битве не было обидчика, не было жертвы. Все было гораздо запутаннее...

В голову мысли ворвались: «*Пистолет Ариевского*». Так и ринулась к мужской куртке, что лежала в шкафу. Кобура с оружием до сих пор лежала на полке и, как хорошо, что я заметила, куда ее положил Тимур. Дрожащими пальцами схватила кожаную сумку, отстегнула кнопку, а затем взяла в руки холодный металл. Это был, конечно же, не Беретта, но для меня сейчас ничего не имело значения. Все поняла интуитивно. Пистолет оказался заряженным, на мою удачу. Сняла его с предохранителя и на ватных ногах поплелась уже на улицу.

Мужчины, тем временем, продолжали испытывать на прочность конечности друг друга. Когда Ариевский, сидя верхом на Вольском, занес, сжатую в кулак правую руку для мощного удара, я заорала изо всех сил:

— Отпусти его, Тимур. — Сначала он никак не отреагировал на мои слова и тогда я уже громче произнесла. — Я сказала, отойди от него. Я буду стрелять.

На месте застыл майор, так и не нанеся удар. А затем мужчины в мою сторону оглянулись. Картина была еще той. Мои босые ноги утопали в небольшом покрове снега,

ветер трепал волосы, пальто раскрылось и представило на обзор худые ноги, которые успели заметно посинеть от холодного воздуха. Было ли холодно? Отнюдь. Внутри кипел котлован злости. Жарко было, только жарко.

— Лисенок, отдай пистолет, — протянул Тимур, когда поднялся на ноги и сделал пару шагов в мою сторону.

— Стой на месте, иначе я буду стрелять, — я понимала, что ни в коем случае не должна дать Тимуру шанс приблизиться ко мне, иначе сегодня кто-то выпадет из этой чертовой геометрической фигуры.

— Ты же не умеешь стрелять, — пытался меня уговаривать. Зубы хотел заговорить, а сам подкрадывался, подобно хищнику. — Девочка, просто отдай пистолет и все будет хорошо.

— Нет, не отдам. Сейчас ты заходишь в дом и, пока мы не сядем в машину, не выходишь. Тим, — обратилась к Вольскому, на что тот отозвался кивком головы. — Заводи мотор своего лайнера. — Я кинула взгляд в сторону черного Land Rover, а сама продолжала контролировать каждый шаг Ариевского.

— Лисенок, не совершай ошибку. Не уходи с ним, пропадешь ведь. — Он не прекращал попытки меня образумить, но я не поддавалась на любые уговоры.

— Он — мой муж, понимаешь? Я — Вольская, а не Ариевская. Когда ты это уже поймешь? Ты потерял нас Тимур, давно потерял. Еще там на лестничной площадке, когда отказался от нас. — Я плотала слезы, смотря ему в холодные серые глаза. А он до последнего не мог поверить в происходящее. Потому и ступал в мою сторону осторожными шагами.

Когда между нами сократилось расстояние, я подняла руку вверх и, не раздумывая, нажала на спусковой крючок. Раздался громкий выстрел, пугающий даже птиц. Все на один миг застыли на месте. На лице Ариевского виднелось удивление, а на лице Вольского — гордость.

— Ты же не умеешь стрелять. Отдай пистолет, пока не поранилась, — первым прервал молчание Ариевский.

— Умеет, — вмешался Вольский, на что майор удивленно повел бровями со словами: «Откуда?». — Я ее научил.

— Придурок, — выругался вслух Ариевский.

Мы ехали в направлении столицы уже целых полчаса, а я не переставала оглядываться назад. Все время ждала, когда в зеркале заднего вида покажется машина Ариевского, но она так и не появлялась, к моему большому облегчению.

Тимур сидел за рулем, сосредоточившись на дороге. На его лице виднелись множество ссадин и кровоподтеков. На разбитой губе красовалась запекшаяся кровь, а под правым глазом значился фиолетовый синяк. Костяшки пальцев, сжимающие руль, были изранены не меньше лица. Казалось, что Тим с войны пришел, а не подрался накануне с другим мужиком.

— Как ты меня нашел? — Мой встревоженный голос заставил его повернуть голову на короткий миг, но этого было достаточно, чтобы понять всё по глазам. Методы Вольского снова оказались действенными, чему я ни разу не удивилась.

— Твой браслет, — я потянулась к запястью. Прокрутила между пальцев толстый золотой жгут с камнями, который мне Тимур подарил за день до свадьбы, но так и ничего не поняла. А затем вспомнила фразу: «*Никогда не снимай его, чтобы ни случилось*».

— Он с отслеживающим датчиком, да? — Детали в один пазл сложились. Получается, Тим всегда знал о моем местоположении, даже несмотря на выброшенный телефон Ариевским.

— Да. Я знал, где ты, даже находясь за несколько тысяч километров. Полтора суток, черт, — по рулю стукнул кулаком, а я едва на сиденье не подпрыгнула от таких эмоций. — Полтора суток ушло на то, чтобы приехать к тебе...

— Спасибо, спасибо тебе за все, Тим, — я хотела коснуться его плеча, но он резко встрепенулся, давая понять, что мои касания вызывают у него боль. — Прости меня, пожалуйста.

— Перестань. — Только ответил он, стараясь даже не смотреть в мою сторону. — Я не хочу об этом говорить. Пока не хочу. Давай просто помолчим.

И мы замолчали. Я предательски вжалась в спинку сиденья, борясь с внутренним голосом, который уверял в том, что это конец. Конец нашим отношениям, когда они только начались по-настоящему. Даже если Тим и поверит, то всё равно не забудет. В этом я нисколько не сомневалась.

До столицы мы так и не доехали. Приблизительно через четыре часа свернули с трассы в сторону небольшого города и остановились возле гостиницы. На ресепшене на нас долго и удивлённо смотрели, но так ничего и не спросили. Несколько сотен долларов, что кинул Тим за молчание, способны творить настоящие чудеса.

Номер оказался достаточным уютным, несмотря на внушительные размеры. Люкс с джакузи и двумя спальнями. Мысль о том, что мы будем спать на разных кроватях, болью отозвалась в сердце.

— Оставайся здесь и никуда не выходи. Я скоро вернусь, — мир в пятки ушёл, когда Тим, не дожидаясь ответа, в спешке покинул гостиничный номер.

Верить в то, что он не вернётся, я не хотела. Но время играло против нас. Он так и не вернулся ни через час, ни через два. Я уже успела принять горячий душ и смыть с тела грязь, когда за дверью послышался шорох. Надела белый халат, завязала на талии потуже пояс, а затем стала искать какой-нибудь предмет, которым можно было на всякий случай

"оглушить" незваного гостя. Ничего тяжелее, кроме фена, я не нашла. Так и схватилась за пластик, сжимая пальцами до побеления костяшек.

Дверь отварила на несколько сантиметров, чтобы в едва заметную щель осмотреть номер. Тусклый свет освещал крепкого рослого мужчину, который вальяжно восседал в кресле, развалившись. Это был не Тимур: ни мой муж, ни тот, что сердце исполосовал до безобразия. Кто-то другой, но видимо, достаточно опасный, чтобы я вздрогнула, когда он начал подниматься на ноги.

Когда мужчина подошёл к небольшому бару и начал перебирать его содержимое, я решила покинуть убежище. Очень тихо, ступая босыми ногами по паркету, я приближалась к пугающему незнакомцу. Не знаю, чем тогда руководствовался мой инстинкт самосохранения, но руки высоко поднялись вверх, а затем резко опустились, разбивая о мужскую спину непрочный пластик. Оказалось, недостаточно сильным получился удар, поскольку в два счета незваный гость развернулся и повалил меня на пол.

— Идиотка, — крикнул мужской голос, в котором я не сразу узнала знакомые нотки.

Сопротивлялась, как только могла, кусаясь и толкаясь ногами. Мои руки были скованы под тяжестью мужского тела, а ноги — так и не доставали цели.

— Вот чокнутая, — громче прежнего крикнул голос. — Уймись, сестрица!

— Ванька? — Неуверенно протянула, пытаясь рассмотреть черты лица в полумраке.

— Не узнала, что ли?

— Нет, — отрицательно головой закивала, а затем, поднявшись на ноги, кинулась в родные объятия. — Прости, Вань, прости. Я столько пережила за последние дни, что с катушек слетела просто.

— Я так и понял, раз ты о мою спину фен расфигачила, — говорил брат, уже не скрывая широкой улыбки на лице.

— Это тебе повезло, что она перед твоей мордой пистолетом не стала размахивать, иначе бы точно в штаны наложил, — за нашими спинами раздался низкий грудной голос с хрипотцой. Оглянулась на короткий миг, и, недолго думая, вскочила на ноги.

К нему подошла в считанные секунды. Руками обхватила широкие плечи, а лицом зарылась на мужской груди:

— Тимурчик, любимый, родной мой. — Губы блуждали по всему лицу, а глаза осматривали с головы до ног. — Слава богу, ты вернулся.

— Я же говорил, что скоро вернусь, — протянул каким-то странным тембром, тактично разжимая объятия и отходя в сторону.

В сердце печальная струна отозвалась. Настоящим холодом повеяло между нами. *Он так и не поверил в мою верность, а я даже и не объяснила ничего.*

— Вот, — Тимур положил на кровать какие-то пакеты и несколько коробок, а я продолжала стоять на месте, не шевелясь. — Здесь одежда, можешь переодеться.

— Ты привёз документы? — Вольский к брату моему обратился, отходя в сторону.

— Да. Здесь паспорт на имя Барышевой Евгении Викторовны. Наш отечественный и загран, как ты и просил, — ответил Ванька.

По стенке начала сползать. По спине холодок пробежался. В висках что-то защемило, будто кто-то внутри сосуды сжал в один плотный узел.

— Хорошо, — ответил Тимур, снимая с себя пиджак и швыряя его в сторону, будто мусор. — Я в душ, а затем хочу что-нибудь пожрать. Друг, закажи ужин, а?

Братец ответил кивком головы, а я могла только наблюдать за происходящим. Молча смотрела, как Тимур направлялся в сторону санузла, по дороге снимая ботинки и отшвыривая их в сторону, как и пиджак. Ванька, тем временем, к стационарному телефону подошёл. Обмолвился парой реплик с администрацией гостиницы, а затем злой и раздраженный, обратился ко мне.

— У этих придурков, оказывается, сегодня банкет в ресторане. Короче, пожрать не будет. Я в город сметаюсь и что-нибудь там куплю. Передай Тиму, что скоро вернусь. — Ко мне подошёл. Рядом на корточки опустился. За плечи обнял, заглядывая в мои глаза. — Алеська, ну ты чего? Чего ревешь как белуга? Забудь ты о своём майоре. Он и волосинки твоей не стоит, слышишь?

— Да причем здесь он? Вань? Ты тоже думаешь, что я действительно с ним уехала по своей милости, да? — Голос предательски дрожал, а внутри начали надрываться протяжные струны.

— А тут и думать нечего. Только кошка за порог, как мышки в пляс пустились. Вот скажи, сестрица, чего тебе не хватало рядом с Вольским? Он же весь мир к твоим ногам положил. Он же любил тебя, как никто другой. Зачем ты так поступила, а? На месте Тима я бы просто развелся с тобой и забыл к чертям собачьим. А он другой, понимаешь? Не может тебя забыть. Бросил сделку крупную и из Китая свалил, как только узнал, что ты с тем придурком уехала.

— Да не уехала, не уехала, слышишь? — От отчаяния молотила кулаками по широкой груди. — Полиция в дом нагрянула со всеми спецэффектами. Штурм, чёрные маски на лицах, а в руках автоматы. С ними был Ариевский. Сказал, что Тимура пришли арестовать и мне нужно тайно покинуть дом.

— И ты покинула, да?

— Да, — навзрыд рыдала, не стесняясь эмоций.

— Какого же черта ты с ним к морю поехала? Леся, ты хоть понимаешь, что менты тебя бы в жизни не тронули? У них не было на тебя никакой бумажки. Понимаешь? Зачем ты поперлась? — Ванька тоже перешел на крик и, не церемонясь, тряс меня за плечи, как тряпичную куклу просто.

— Он говорил, что так будет лучше. Я в шоке была и не знала, как поступить. Поверила ему.

— Леся, очнись, сестра! Он “мусор”, ему нельзя верить, понимаешь? Да он же всё ради своей выгоды эту фигню затеял. Герой-любовник, мать его за ногу. Он же ждал, когда Вольский за тобой побежит, а там его и менты накроют. Не понимаешь ничего? — Я отказывалась верить, но брат был непоколебим. Приводил всё новые и новые доводы в доказательство вины Ариевского.

— Нет, не так всё! Тимур мой телефон выкинул, чтобы никто не смог отследить местонахождение. Он наоборот — не хотел, чтобы нас кто-то нашёл.

— Если бы он этого хотел, то не нашли бы, поверь. Думаешь, он не заметил на твоей руке странный браслет? Думаешь, не догадался выкинуть и его, если бы действительно хотел, чтобы тебя не нашли? Дура ты, Алеська! Ещё скажи, что поверила во весь этот бред с контрабандой?

— А разве нет? — Шептали мои губы. Я уже совсем перестала отчётливо понимать происходящее, полностью запутавшись между реальностью и фарсом.

— Нет, нет и ещё раз "нет"! Нам действительно поступали подобные предложения, но

Тимур всегда отказывался. Однажды через границу все-таки поступила крупная партия оружия. Но "Трейд карго" тогда сразу расторг сделку и посодействовал, чтобы наложили аресты на последующие контейнеры. А теперь догадайся, кто взорвал ваш свадебный автомобиль? — Ванька смотрел на меня глазами, полными презрения, а я уже глотала ком в пересохшем горле.

— Ариевский? — Выдавила из себя, а затем меня передернуло, будто на голову вылили ведро холодной воды.

— Да. За всем этим стоит он и не только он. Есть люди повыше него и они тоже — менты. Сейчас мусора покруче бандитов из девяностых, понимаешь?

— Ты врешь, Ваня! Вы все врете! У каждого из вас своя история, приготовленная для моих ушей. Вы меня все обманываете, каждый по-своему, — на ноги подскочила, пытаюсь увернуться от крепких объятий брата. Но он только сильнее сжал пальцы на моих плечах.

— Тогда походи и спроси у своего майора, почему он тебя бросил? Почему на свадьбу твою припёрся? Почему похитил тебя из дома, если ты была не причастна ко всему этому дерьму. Я вот, что тебе скажу, Алеся. Помнишь, ты говорила, что я — единственный мужчина, которому ты веришь. Так вот поверь мне, родному и близкому человеку. Твой Ариевский и люди, стоящие за его спиной, объявили войну "Трейд карго" за то, что тот отказался участвовать в их махинациях. Поскольку контейнеры до сих пор арестованы и серьезные люди на этом потеряли кучу бабок, Вольского не оставят в покое. С него три шкуры сдерут за это. Либо просто убьют, либо за решётку засадят, но потерянные бабки не простят!

Ванька ушел, оставив меня один на один со своими мыслями. А мысли, как раз таки, вихрем кружили в голове, заставляя испытывать разные эмоции. Сначала я плакала, потом *проклинала весь мир за то, что люди могут быть такими многоликими*, а потом к бару подошла. Выудила бутылку какого-то коньяка, отыскала бокал, и, наполнив его до краёв, залпом выпила.

— Какая же ты дура, Леся! — Вслух начала говорить, становясь похожей на психически больного человека. — Он же играл с тобой всю дорогу. Леся — моя, люблю тебя. Нет, Леся уйди, я плохой человек, не нужен тебе. Нет, Леся, прости. Был злой на тебя. Леся, вернись. Леся, поверь.

Так и кинула с размаху бутылку коньяка о стену, только легче не стало, ещё больше гнев появился.

Деталь за деталью врывались в память события. С первой встречи Ариевский невзлюбил меня. Стебался, не подбирая выражений, затем внезапно чувства вспыхнули. Крутил, вертел мной, зная, что Вольский с ума сходит. Похоже, ждал, что тот заявление о простреленном плече заберёт и на должности в полиции восстановят. Дождался, и я стала не интересной. И была таковой до дня свадьбы. Он же тогда прямо говорил, что не любит, что просто хороший секс был. А затем я узнала, что его дочь больная. И он снова стал мучеником в моих глазах. Что тогда мешало быть со мной? Я же умоляла быть вместе, говорила, что все выдержим, любые трудности преодолеем вместе. А он и на этот раз старую пластинку затеял. Думала, что просто врал, чтобы забыла его. Чтобы не знала, что такое больной ребенок и не несла тяготы заботы о нём. Получилось совсем по-другому. Замуж позволил выйти. Поэтому и на свадьбу пришел, чтобы Вольского напугать взрывом. Чтобы тот одумался и согласился играть по его правилам. Не нужна была Ариевскому. С самого начала была не нужна. *Тогда, что было в том домике возле моря?* Почему сначала говорил

одно, а потом в любви признался? Зачем к сексу пытался склонить?

— Господи, как всё же это сложно! — За голову двумя руками взялась. — Ненавижу, как же я тебя ненавижу сволочь, — крикнула в тишину, а за спиной шаги слышались.

На месте замерла, обернувшись. Взгляд обратила на мужской силуэт, что стоял возле двери санузла. Тимур на меня смотрел сверху вниз, скрестив руки на груди:

— Опять напилась, счастье моё? Мне кажется, тебя уже нужно кодировать, Леся. — На его лице играла улыбка, а в глазах светился некий блеск.

— И давно ты тут стоишь? — Неуверенно протянула я, поднимаясь с пола.

— Нет, но достаточно услышал, чтобы сделать выводы.

— Тим, перестань, — мужские руки потянулись к моим ладоням, чтобы осмотреть глубину пореза. Оказалось, что когда я решила убрать разбитую бутылку, то порезалась осколками. Не глубоко, но достаточно, чтобы вид крови на моих пальцах заставил Вольского спохватиться.

— Нужно перевязать, — меня в два счета подняли на ноги и отвели в ванную комнату.

Ледяная струя воды принесла заметное облегчение. На какое-то время пропало жжение, и я позволила себе закрыть глаза. Тимур в скором времени вернулся, держа в руках небольшую аптечку. Усадил на край ванны, а сам принялся обрабатывать порезы перекисью водорода, а после — бинтовать руку.

— Всё хорошо? — Карие глаза смотрели на меня с некой тревогой, отчего я печально улыбнулась.

Вольский остался Вольским, как всегда заботился обо мне, несмотря ни на что.

— Спасибо, Тимур. — Я положила здоровую руку на мужское плечо, и ощутила, как под пальцами напряглись мышцы. — Ты думаешь так же, как и Ваня, да?

Загравивать болезную тему было не просто. Накануне я и так имела, что слушать от брата, который красноречиво изложил объективное мнение со стороны. *Я была неверной супругой, предавшая мужа с бывшим любовником. Да и не просто любовником, а заклятым врагом получается.*

— Я не хочу об этом говорить. — Тим поднялся на ноги и, не слова не говоря, вышел из комнаты, оставив меня в одиночестве.

Смотрела вслед удаляющейся фигуры, пытаюсь унять озноб, что сотрясал все тело. *Он злился на меня, очень злился.*

Большинство мужчин в порыве гнева не сдерживают своих эмоций, демонстрируя настоящий приступ ярости и агрессии, а этот — даже разговаривать не захотел, настолько было неприятно возвращаться к болезной теме.

— Ты же понимаешь, что мы не можем оставить этот вопрос не закрытым. Мы должны говорить, слышишь? — Не долго раздумывая, я рванула вслед за Тимом и, схватив его за руку, заставила обернуться.

— Мы? Ты говоришь "мы"? Лесь, перестань, — Тим криво ухмыльнулся на одну сторону, окидывая каким-то странным взглядом, полным недоверия. — Здесь не о чем говорить. Завтра ты уедешь за границу. Сейчас мой юрист оформляет покупку квартиры в Минске. Поживешь там, пока всё не уладится.

— Я поеду туда одна? — Он и бровью не повёл, отвечая "Да" и тогда меня волной накрыло. На колени опустилась, зарываясь лицом в ладонях.

— Почему ты мне не веришь? — Шептала дрожащим голосом.

— Я хочу верить, но не получается, понимаешь? Не получается стереть из памяти тот эпизод, который видел собственными глазами, — Тим опустился рядом со мной на колени, а затем обнял, прижимая к своей груди. — Лесья, я всё понимаю. Понимаю, что насильно мил не будешь. Ты была права, когда говорила, что устроишь мне фантастический брак. Так всё и получилось. Для меня это был самый лучший период в жизни. Но как бы я не старался, ты не изменила ко мне своего отношения.

Тимур говорил о нас в странном прошедшем времени, а я всё отказывалась верить в происходящее. До последнего надеялась, что он передумает или поставит какое-нибудь условие, но останется моим мужем.

Я не хотела расставаться.

— Куда братец твой делся? — Спросил Тим, будто накануне мы обсуждали погоду, настолько будничной звучала интонация в его голосе.

— Он поехал в город, чтобы купить ужин, — я поднялась с колен, а затем подошла к круглому столику и взяла пачку сигарет, которые случайно забыл Ванька.

Молча вышла на балкон и затянулась сигаретой. С неба срывались белые хлопья снега, ветер трепал подол моего халата, а я просто курила в тишине, прокручивая свою жизнь, как кинолентку. Не обернулась, когда за спиной отворилась дверь. В его сторону даже не посмотрела, предлагая пачку сигарет. Мы снова курили в абсолютном молчании, как когда-то. По щеке скатилась одинокая слеза. Смахнув её ладонью, шмыгнула носом.

Я влюбилась в собственного мужа, когда ничего уже не изменить.

— Идём в номер, замёрзнешь, — голос его раздался, такой родной и такой далёкий одновременно. Я даже отвечать не стала, лишь отрицательно головой кивнула и сразу закурила вторую сигарету.

— Лесь, хватит, — нагло отобрал сигарету, затушил в пепельнице, а затем крепко за руку схватил, заставляя идти за собой.

И я пошла, не сопротивляясь. *Я больше никогда и ни за что не стала бы оказывать сопротивление, если бы только дал шанс.*

В скором времени вернулся Ванька, держа в руках бумажные пакеты. Я безучастно сидела на небольшом диване, пока мужчины накрывали стол. Братец о чем-то громко возмущался, Тимур его молча слушал, а я бездумно смотрела перед собой.

— Идём ужинать, — не заметила, когда подошёл Тим и сел рядом со мной на диван. Взял мою руку в свою и поднес к губам, обжигая кожу горячим дыханием, а затем принялся греть между ладоней мои холодные пальцы. — Замёрзла?

— Нет, — и я действительно не соврала. Не было холодно. Нисколечко. Возможно, всему виной оказалась пустота, которая начала растить в сердце свои извилистые тропы.

К столу все-таки пришлось подойти. Тимур усадил меня на стул рядом с собой и принялся кормить как ребёнка. Накальывал на вилку мясо и овощи, предлагая съесть. Я пыталась, видит бог, пыталась смириться с новой участью и не роптать на судьбу. Но мысли, эти проклятые черви, сожрали всю душу изнутри.

Братец открыл бутылку бренди и разлил по трём бокалам янтарную жидкость. Сделала несколько глотков, даже не скривившись. Горько стало, прямо как в день нашей свадьбы. Только сейчас горечь была совсем другой природы. *Весь этот ужин, этот номер, мужчина, на пальце которого красовалась такая же платина, как у меня, — всё было в последний раз.*

— Лесь, идём. Я тебя спать уложу, — обратился Тимур, стараясь не смотреть в мою сторону.

Я молча поднялась со стула и позволила ему сопроводить меня в спальню. Тим расстелил покрывало на кровати, взбил руками подушку, приглашая лечь. И я легла, кутаясь под тёплым одеялом. Веки свинцом налились, а в мышцах отозвалась боль. *Устала, чертовски устала.*

— Не уходи, посиди со мной чуть-чуть, — Тимур согласился остаться. Я придвинулась к нему, ложа голову на мужские колени. Тим гладил мою макушку, перебирая между пальцев

приди волос, а я шумно вздыхала, борясь с желанием поговорить.

— Что он тебе сказал? Почему ты ему поверил, а меня и слушать не хочешь? — Не сдержалась и задала вопрос в лоб. Тимур напрягся. Молчал долго, кажется, целую вечность.

Минуты ожидания тянулись часами. Я не хотела давить на него, требуя сиюминутного ответа. Видела, как он боролся со своим внутренним миром, пытаясь выглядеть абсолютно спокойным.

Когда он начал говорить, я встрепенулась, впитывая каждое слово:

— Твой шрам от аппендицита. Он же не знал, что тебя оперировали, верно? — В ответ я согласно кивнула головой. — Твой пирсинг в пупке, который ты сделала два месяца назад. Даже цвет камня назвал с точностью — фиолетовый. *Кх*, — замялся на полуслове, тщетно подбирая слова. — Твой новый шрам на интимном месте, который появился совсем недавно после того, как ты неудачно провела одну процедуру. — На этом моменте он немного улыбнулся, а затем снова стал слишком грустным. — Вы были вместе, как когда-то.

— Это все не так. Да, я знаю, что выглядело именно так, как ты и подумал. Но только выглядело, понимаешь? Он хотел выбросить в море моё обручальное кольцо, а я побежала за ним. Когда подумала, что он это сделал, то кинулась в море, не раздумывая. Тогда он силком затащил меня в дом и посадил в ванную с горячей водой. А потом он хотел, но я сопротивлялась. Мы так и не пере... — Вольский поднес к моим губам палец со словами: *"Остановись, Леся. Хватит"*.

— Не нужно ничего объяснять. Ты была в его футболке без нижнего белья. Я же не слепой, Леся! Просто признай, хотя бы перед самой собой, что если бы ты хоть капельку не хотела сделать мне больно, то просто не согласилась уехать с ним. Вот и всё. Этого было достаточно. — Тимур, молча, поднялся с кровати и направился к двери, несмотря на мои попытки продолжить разговор.

— Попробуй заснуть, тебе нужно набраться сил на будущее, — он погасил свет, закрывая за собой дверь. А мне показалось в этот момент, что он погасил не просто свет, а последний уголёк затушил, что еще теплился между нами.

Я не могла заснуть. Крутилась, вертелась на кровати, комкая под собой простыню. Когда в комнату открылась дверь, во мне появилась надежда. *Он не ушел, не оставил меня и будет спать здесь, рядом.*

Под тяжестью мужского тела немного прогнулся матрас. Затаившись, я прислушивалась к его тяжёлому дыханию и громкому сердцебиению. Руки сами потянулись к его спине. Сначала коснулась лопаток, провела извилистую линию вниз, а затем погладила бицепс. Он никак не реагировал на мои прикосновения, поэтому я осмелилась покрыть лёгкими поцелуями изгиб шеи. Коснулась языком мочки уха, а пальцами пробежалась вдоль рельефных кубиков на животе. Ощутила, как под тяжестью моего тела, Тимур заметно напрягся. Он принимал мои ласки, но при этом не отвечал взаимностью.

Тем временем, уверенность в собственных силах, крепла секунда за секундой. *Он не откажется, просто не посмеет, он же так любит меня.*

Моя ладонь опустилась к низу живота. Миллиметр за миллиметром я приближалась к цели. Я ощущала накаленную обстановку, что царила между нами, а ещё — красноречивую реакцию его мужского начала. *Он всё ещё хотел меня, и я всё ещё имела власть над его телом.*

А затем меня круто развернули и уложили на спину. Оказалась в горизонтальном положении, полностью прижатая под тяжестью его тела. Некий безумный взгляд отразился в

его глазах, и тогда я поняла, что в этой битве за *"нашу любовь"* победу одержала я.

Наутро мышцы ныли от бессонной ночи. *Я должна была набраться сил, серьезно?* Наверное, когда Тимур это говорил, то имел в виду — сон, а не три раунда, которые, казалось, никогда не закончатся!

Устало потянулась на кровати. Взъерошила волосы на голове, радуясь новому дню. Он простил, простил меня, и я никуда не поеду.

Да к черту пусть катится: этот Минск, этот Ариевский, эти разборки с контрабандой. *Мы вместе уедем ото всех, сбежим от целого мира!*

Завернулась в тёплое покрывало. Полная энтузиазма и радости, вышла из комнаты. В номере пусто оказалось. Оглядела всю площадь — безрезультатно. Интуиция подсказала подойти к ванной комнате. Когда за дверью послышался звук льющейся воды, сердце успокоилось. *Всё хорошо. Он просто принимает душ. Сейчас выйдет, и я ещё один раз испытаю на выносливость его мужской организм.*

На кресло села, подогнув под себя колени. Ждала. Долго ждала. Когда дверь отворилась, на месте подскочила. *Как там говорил Тимур? Удар под дых? Так вот, это был не удар. Это был контрольный выстрел, прямо в голову!*

— Ты уже проснулась? — Напротив меня стоял Ванька и удивлённо смотрел перед собой.

— Леся, Ле-ся, Ле-ся! Ты меня слышишь? С тобой всё хорошо? — Братец за плечи тряс, а я не реагировала.

Что он там говорил? *Тимур вечером приедет попрощаться в аэропорт? Значит, всё-таки не бросил...*

На ноги в одно мгновение подскочила, отталкивая в сторону Ваньку. В ванную комнату рванула, прикрывая рот рукой. Облегчение наступило нескоро. Даже, когда желудок полностью стал пустым, тошнотворные спазмы терзали до самого обеда. На помощь пришла минеральная вода с лимоном. На другое даже смотреть не хотелось.

Полностью подавленная и опустошенная, я кое-как дожила до вечера. А уже вечером, в аэропорту, действительно встретила с ним. Бежала на встречу, подобно паруснику, который поймал попутный ветер. Так и повисла на мужской шее, целуя любимые губы до болезненных покалываний.

— Ты не бросил меня, мой родной, мой любимый! — Шептали мои губы над его ухом.

Он гладил меня по спине, опустив подбородок на плечо:

— Нет, счастье моё. Разве я когда-нибудь давал тебе повод усомниться в моих словах? До скончания временем *"твоей"*, и с этим ты ничего уже не сможешь поделать!

Ревела в три ручья просто, не желая расставаться. Тимур говорил, что ему нужно время, чтобы решить все вопросы. А сделать это можно было только в том случае, если бы я находилась в безопасности и подальше от всего этого дерьма.

— Знаешь, Вольский. Мне кажется, я влюбилась в тебя, — шепнула ему над ухом за минуту до прощания.

— Когда кажется — креститься нужно, Вольская, — Тим улыбнулся на одну сторону, а затем к себе прижал крепко-крепко, говоря: — тебе не кажется. Я давно это понял. Ещё, когда ты в воскресенье в восемь утра подскочила и стала подслушивать разговор в моём кабинете.

— Я? Подслушивать? Ты что-то путаешь! Ты же сам тогда громко говорил, особо не скрываясь.

— Не скрывался. И если бы ты очень хотела, то позвонила в этот день сестре и узнала, что мы тогда с ней не разговаривали.

— А с кем же тогда говорил? С самим собой, что ли? — Я искренне удивлялась вновь открывшимся обстоятельствам.

— Нет, конечно же. Может, я и влюблённый по уши дурак, но раздвоением личности не страдаю. Я говорил с твоей мамой. Это она звонила и она просила, чтобы я встретил Дашку и перевез её вещи. — Тимур в «открытую» смеялся, наблюдая, как на моём лбу собирались складки.

— Вы с моей мамой давно "заодно", правда?

“Боже, где это было видано, чтобы тёща влюбилась в зятя задолго до того, как с ним породниться“, — это я уже говорила самой себе, смеясь над всей абсурдностью ситуации, которая тогда возникла в кабинете Вольского. *Видимо, точно влюбилась ещё тогда, раз ревновала к собственной сестре.* Дашке, хоть и понравился Вольский, но она бы в жизни не стала играть с ним за моей спиной. Ни так воспитала нас мама!

— Получается, ты знал, что я стояла за твоей спиной и всё слышал?

— Конечно, знал. Я же не глухой, счастье мое. И к тому же, ты совсем не умеешь тихо ходить, если что!

На самолёт я едва не опоздала — настолько не хотелось расставаться с любимым мужем. Зато с чистым сердцем и спокойной душой, я смотрела в окно иллюминатора, думая, что первым делом, когда прилечу в Минск, куплю в аптеке тест на беременность. А затем позвоню мужу и скажу, что через девять месяцев в этом мире на одного Вольского станет больше!

Прошло три месяца

Зал судебного заседания по уголовному делу в обвинении Вольского Т.А. в совершении преступления, предусмотренного... Уголовного Кодекса (Контрабанда).

Родственники долго не хотели меня впускать в зал, стараясь оградить от лишних волнений. Месяц назад я вернулась из Минска и буквально сразу попала в больницу с угрозой выкидыша. Постоянные переживания и истерики плохо сказывались на моей беременности. Я до последнего не могла поверить, что эта скотина, Ариевский, и его "боссы", все-таки умудрились возбудить уголовное дело против моего мужа и довести это всё дело до конца. Едва с кулаками не набросилась на "бывшего" инструктора, когда встретилась с ним в суде меньше часа назад.

— Сволочь ты, Тимур! Гори в аду! Ненавижу тебя, — кричала я и от Ариевского меня смог оттащить только Ванька.

Майор, тем временем, поправил на своем теле форму и расправил невидимые складки на галстуке. Посмотрел на меня с каким-то странным блеском в глазах, а затем наклонился вперед и сказал:

— Я тоже тебя люблю, Лисёнок! Я же говорил тебе, пропадешь с ним, а ты слушать не захотела. "Вольская до скончания временем", — кричала. В меня дулом пистолета тыкала. Ну так беги. Иди к своему преступнику. Суши ему сухари. Там, на нарах, они очень

пригодятся, знаешь ли.

— Ну, ты и тварь, Тимур. Изначально всё спланировал, да? А как же твои признания в любви? Тоже было игрой? Да? Ты же убил меня, понимаешь? Из-за тебя я действительно пропала, а не из-за него? Из-за тебя, придурок, я чуть с моста не бросилась. Умереть хотела, как сильно любила тебя, — я орала на него, не церемонясь перед другими, а он только ухмылялся, бросая в мою сторону двусмысленный взгляд.

— Ошибаешься. Тебя я действительно любил. Просто ты не должна была связываться с Вольским, и тогда бы сейчас всё было хорошо. Лисёнок, у нас с тобой могло быть всё иначе, если бы ты тогда, возле моря, дала второй шанс нашим отношениям.

— Я не верю тебе. Ты врешь. Всегда врал. И ничего у нас бы не было по-другому. *Не учебный роман* — это всё, что могло быть. — Ванька отвёл меня в сторону и насильно усадил на стул.

Нервы разыгрались не на шутку. Я ещё долго не могла прийти в себя. А затем, в зале судебного заседания, я заново умираю минута за минутой, когда все присутствующие, стоя слушали судебный приговор по уголовному делу:

— Вольского Тимура Андреевича, одна тысяча восемьдесят девятого года рождения, признать виновным в совершении преступления, предусмотренного частью первой статьи... Уголовного Кодекса, и назначить ему наказание в виде лишения свободы, сроком на пять лет с конфискацией предметов контрабанды. Мера пресечения избрать в виде колонии общего режима. — Дальше я уже не слушала, а медленно сползала со стула.

— Алеська, Алеська. Мы его вытащим, слышишь? Есть ещё апелляция, — Ванька что-то говорил, тряс за плечи, но это было будто не со мной.

Прошёл один год

— Ну-ну, моё солнышко. Не плачь, мамочка рядом, — я баюкала на руках шестимесячного карапуза, едва не засыпая прямо стоя.

За последние две недели я вся выбилась из сил. Ромка стал очень капризным из-за прорезающихся зубов, и по этой причине находил успокоение только рядом со мной. Когда послышалось мерное сопение крошечного носика, я облегченно вздохнула. *Четыре часа ночи. Есть ещё немного времени поспать.*

Легла на кровать, аккуратно положив сынишку под бок. Конечно же, утром мама выскажет своё "Фе" по этому поводу, но с этим я как-нибудь разберусь потом. Одновременно воевать с Вольским-меньшем и Соболевой-старшей — непростая задача.

Как назло сон всё не приходил. Даже проверенный счет овечек не сработал. Всё не могла успокоить нервы, что последние дни были просто на взводе. Кое-как удалось уснуть, но с первыми лучами солнца комнату пронзил детский плач, снова.

— Алесенька, поспи, доченька. Я посижу с Ромкой, — я только взглянула на маму одним открытым глазом, а затем зарылась лицом в подушку.

Два часа пролетели, как одна минута просто. Вскочила на ноги, на ходу накидывая на плечи халат. Спускаясь на лестнице, задержалась, услышав знакомый голос. Бабушка пела внуку колыбельную, качая коляску вперед-назад.

— Заснул? — Спросила едва уловимым шёпотом, ступая на цыпочках.

— Т-ш-ш. Спи-спи, бабушкино счастье, — Рома заворочался в люльке, а в скором времени крепко уснул.

Мы молча прошли в кухню, оставив коляску в поле зрения. Я села на диван, подогнув под себя ноги. Мама приготовила чай и бутерброды с ветчиной. Поставила на стол рядом со мной большую чашку и тарелку.

— Ешь, моя хорошая, а то совсем исхудала. Взвешивалась сегодня? Сколько уже? — Мама устроилась напротив и с грустью принялась рассматривать мою сутулую осанку.

— Сорок пять, — пригубила чашку чая, бросая в сторону Оксаны Сергеевны теплый взгляд.

— Лесь, это никуда не годится. Может, все-таки покажешься врачу? У тебя уже болезненная худоба. Это ненормально, понимаешь? — Целых десять минут мне пришлось выслушивать лекцию о здоровье молодой кормящей женщины.

— Мам, всё нормально. Честно. Вырастет Ромка, вот тогда я и верну прежнюю форму. — Оправдывалась как могла, но это не особо успокаивало материнское сердце.

— Он тебе так и не ответил? — Мама переключилась на болезненную тему, из-за которой меня всегда бил мандраж.

— Нет. Ни разу, — Оксана Сергеевна недовольно покачала головой, а затем взяла мои руки и принялась поглаживать.

— Ты не злись на него, доченька. Сама понимаешь, он в непростой ситуации оказался. Жизнь под откос пошла. Дай ему время всё обдумать. Вот увидишь, однажды он всё поймёт, — на мамины доводы я лишь устало закатила глаза, а затем стала истерически

смеяться.

— Мама, ты сейчас серьезно, что ли? Ромка — сын Вольского. Я устала вам всем это говорить. Мне нужно тест ДНК сделать, чтобы вы все поверили? Одного слова недостаточно? — Я начинала заводиться, как и всегда, когда дело касалось отцовства моего ребёнка.

Когда родился Ромка, мама первая сказала: *"Он не похож на Тимурчика. Лесь, это сын Его?"*. Кого имела в виду мама, я даже не спрашивала, и так всё было понятно, как дважды два. Конечно же, светлые волосы и глаза сбивали с толку. Только, почему-то, никто не принимал во внимание тот факт, что мать ребенка — тоже со светлыми волосами и голубыми глазами. Человеческая глупость оказалось такой очевидной, что в пору было крутить указательным пальцем у виска всем сомневающимся!

Непростительнее глупости может быть только недоверие. Тимур так и не поверил мне, как оказалось. Через один месяц после того судебного заседания, я получила иск о расторжении брака. К моему счастью, закон запрещал разводы во время беременности и до исполнения ребенку одного года. Помню, как тогда взбесилась не на шутку. В колонию приехала, требуя свидания. Да только тщетно всё было. Не захотел меня видеть, не пришел на встречу. А потом я начала писать ему письма. На почту каждую неделю носила конверт, прилагая к письму свои фотографии или снимки УЗИ. Но от Вольского так и не поступало ответа, вплоть до сегодняшнего дня.

Дни тянулись настоящей вереницей. Каждый вторник похож на понедельник, а понедельник — на воскресенье. Неделя за неделей я существовала, а не жила. Лишь одна радость была в жизни — подрастающий сын, который очень любил улыбаться и лепетать.

Однажды утром я проснулась от громких голосов за дверью. Оказалось, что это братец решил почтить своим присутствием.

— Вань, может, не надо ей говорить? — мама старалась в чем-то убедить брата, да только тот стоял на своём.

— Хватит опекать Лесю. Она в состоянии принимать решения самостоятельно, — дверь в спальню отворилась, и на пороге показался высокий шатен. Ванька демонстративно постучал, привлекая к себе внимание.

— Привет, сестрёнка, — брат подошёл к кровати и, не спрашивая разрешения, уселся рядом.

— Привет, — настроения совсем не было. Даже криво улыбнуться не могла, лишь вздохнула грустно, смотря в одну точку на обоях.

— Ты к врачу так и не пошла? — Ванька бросил в мою сторону печальный взгляд, а я лишь в ответ покачала головой.

— Ладно, я не за этим сюда пришел. Я к тебе с новостями и с просьбой. Не буду много говорить, а перейду сразу к делу. На следующей неделе состоится слушание в апелляционном суде по делу Тимура в связи с вновь открывшимися обстоятельствами. Есть большой шанс, что его оправдают, но только, если ты... — Братец замялся на полуслове, подбирая правильные слова. А я на кровати подскочила и едва за плечи не принялась трясти Ваньку, чтобы перестал томить в ожидании.

— Я понимаю, что ты вправе отказаться. Понимаю, что ты и так много пережила. Но, Алеська, пройди этот путь, пожалуйста, ещё раз. Дай показания в суде против Ариевского. Расскажи обо всем. Расскажи, что он тебя тогда из дома похитил. Что на свадьбу пришел и просил пойти с ним. Понимаешь, кроме тебя и Вольского никто больше не видел майора в

тот день. А Вольскому не поверят, сама понимаешь. Плюс, если ты сообщишь, что вы с Ариевским были в прошлом любовниками, то это поможет убедить коллегия судей в дополнительном мотиве. Помоги, сестрёнка, пожалуйста. — Я впитывала в себя каждое слово. Сердце учащенно забилося, когда братец повторил свою просьбу.

— Леся, ты не обязана этого делать, доченька. Мы найдем другие способы помочь Тимуру. Отец Тима, Андрей Романович, не последний человек, он тоже постарается, — на арену вышла мама, бесцеремонно вмешиваясь в разговор.

— Тетушка, ты опять за Лесю решение приняла. Вот, что ты за человек такой, а? — Дальше следовало пререкание с обеих сторон, а мне даже и слова не давали вставить в бурный диалог.

Пришлось крикнуть, собираясь из последних сил:

— Хватит! Замолчали! Оба! — Две пары глаз уставились на меня. — Значит, так. Я сделаю все, чтобы вытащить моего мужа из тюрьмы. Если будет нужно, то зубами стану бетон грызть или металлическую решётку, если это поможет делу. Вань, ничего не говори Тимуру. Не говори, что я приду в заседание. Знаю, ты общаешься с ним. Просто веди себя, как обычно. Мама! Хватит меня от всего ограждать. Я не нуждаюсь в подобной опеке. Ромка растёт без отца, а я умираю без своего мужа, поэтому просто не вмешивайся.

Оспаривать моё решение никто не осмелился. Ванька был только "За", а мама вышла из комнаты, решив погулять с внуком на улице. Братец долго молчал, когда прошли в кухню, чтобы приготовить чай. Я нарезала бутерброды, а Ванька щёлкал пультом от телевизора.

— Вань, почему Тимур не отвечает на мои письма и отказывается в свиданиях? — Рядом села. Взгляд устремила на мужское лицо, чтобы уловить каждую эмоцию на случай, если надумает врать. Мне нужна была только правда.

— Сестрёнка, у вас всё так запутано, что я и сам не знаю. Тим не хочет говорить со мной на эту тему, а я не могу его заставить.

— Значит, он думает так же, как и все. Ванюш, вот скажи мне, только честно. Ты до сих пор считаешь, что Ромка — не его сын? — Братец грустно вздохнул, стараясь не смотреть в мою сторону. А мне и не требовалось другого ответа. И так красноречиво сказали обо всем его глаза. — Почему вы так считаете? Только из-за того, что я тогда уехала к морю с *Ним*?

— Лесь, давай не будем об этом. Главное — вытащить Тима из тюрьмы, а дальше — сами разберетесь. Ромка — мой племянник и я его люблю по любому раскладу. — Подобный ответ я слышала уже раз десять, не меньше. Вот только легче от этого не становилось.

Меня всю съедало изнутри от недоверия со стороны окружающих. Это было, как минимум, не справедливо. Я могла поклясться в верности перед всеми иконами мира, да только, вряд ли, это помогло. Когда в сердце посеяно зерно сомнения, день за днём оно только прорастает, становясь всё крепче и крепче.

Спустя неделю я пришла в судебное заседание в апелляционный суд, чтобы дать свидетельские показания. Для подтверждения своих слов, я даже не побрезговала показать совместные фотографии с Ариевским, хотя этого никто и не требовал. На удивление, но майор не отрицал, что в прошлом мы имели достаточно близкие отношения. Было больно и неприятно отвечать на вопросы коллегии судей, прокурора и адвоката. Я горела алым румянцем, ведая подробности встречи с Ариевским в день свадьбы. Позже, как оказалось, нашли съёмку из камер наблюдения гостиничного комплекса, где неизвестный мужчина за час до взрыва возился возле нашего свадебного автомобиля. Разглядеть лицо неизвестного не

представлялось возможным, но мне было достаточно увидеть только силуэт, чтобы всё понять.

Правда оказалась настолько горькой, что заставила меня вернуться в прошлое. *Как я тогда сомневалась, Господи. Разрывалась между двумя Тимурами, боясь делать выбор. Но выбор всё-таки сделала, о чем ни разу не пожалела со дня свадьбы.*

Во время всего заседания Тим сидел в наручниках за решеткой под присмотром конвоя, как преступник. Хотя настоящие преступники были на свободе и занимали высокие должности в правоохранительных органах. В своих целях я не преследовала отомстить Ариевскому, нет. Для меня давно умер этот человек, ещё тогда, на крыше гаража (*когда я хоронила любовь, устроив поминки с бутылкой водки*). Я всего лишь хотела, чтобы муж вышел на свободу и вернулся в семью.

Всю дорогу я смотрела только на него. Наблюдала со стороны, делая про себя отметки. Он изменился, как и я. Время не пожалело нас. Тим заметно похудел, оброс бородой и стал выглядеть на целый десяток старше. Да и я, честно признаться, выглядела не самым лучшим образом. Настоящий суповой набор с длинными волосами, что успели заметно стать реже после беременности и родов. До последнего я ждала, когда Тим посмотрит в мою сторону. Всё надеялась, что смогу прочитывать по глазам всю боль, которая стала для нас камнем преткновения. Но он не смотрел, как бы я не ждала.

В тот день коллегия судей так и не вынесла решения. Кто-то заявил ходатайство о переносе слушания, и всё закончилось в подвешенном состоянии. А потом был мучительный месяц для меня. Каждый день жила, как на иголках, пока однажды не позвонил Ванька и не сказал, что оправдали Вольского. *Стоит ли говорить, что тогда происходило со мной?* Это радость со слезами на глазах, прямо, как в день рождения Ромки, не иначе.

Я поставила всех перед фактом, что самостоятельно встречу мужа из колонии. Со мной даже пререкаться никто не стал. Волнительной и трепетной была подготовка к долгожданной встрече. Съездила в салон красоты. Обновила стрижку и покрасила волосы. Сделала маникюр и сахарную депиляцию. Напоследок заехала в бутик и купила новую одежду. Даже помаду купила, красную, прямо, как в былые времена.

В день "*икс*" выгнала из гаража черный Land Rover Тимура. По дороге заехала на заправку и залила полный бак. Включила треки на музыкальной панели, и подпевая под любимые песни, топила, что есть мочи.

Когда подъехала к колонии, припарковала автомобиль почти у самых ворот. Ждать принялась, мучительно ерзая на сиденье. Время тянулось долго, как никогда. Я озиралась на каждый шорох, выглядывая в окно. Наконец-то скрипнула железная калитка и сердце ушло прямо в пятки. Мандраж завладел всем телом. На лбу проступил холодный пот, а по спине поползли мурашки. Вышла из автомобиля и оперлась на капот, как когда-то делал Тим.

Окинула взглядом знакомую фигуру. Высокий, как и прежде. Те же глаза и губы. Те же плечи и руки. *Казалось бы, крикни Леся: "Я здесь"*. Но не крикнула. Язык просто проглотила. Не смогла себя в руки взять и подойти первой. А он и не заметил меня, кажется. Потянулся рукой к заднему карману джинсов. Достал пачку сигарет и затянулся серым дымом, а потом медленным шагом пошёл прочь. В чувства пришла, когда поняла, что он уходит. Быстро села за руль. Запустила мотор и поехала за ним.

Никогда раньше я не лихачила за рулём, но сегодня будто с цепи сорвалась. Будто это не я была, когда едва с ног Вольского не сбила, останавливая черный лайнер прямо перед его носом. Тимур вслух выругался. Самый настоящий русский мат прозвучал в мою сторону, а

меня это только рассмешило. Когда-то он точно также встал у меня поперёк дороги на пешеходном переходе. И если бы я тогда могла только знать, чем обернется внезапное знакомство.

— Тебя подвести, красавчик? — Опустила стекло и едва из машины не вывалилась, приглашая Вольского.

На моё предложение он заметно ухмыльнулся. Закатил глаза, потёр рукой лоб, а затем, ни слова не говоря, сел в машину на переднее сиденье.

— Рекомендую пристегнуться, — протянула игривым голосом. Надела солнцезащитные очки и резко тронулась с места, Тимур аж удивлённо бровями повёл.

По трассе гнала, как сумасшедшая. Драйва захотелось, не иначе. Кого-то подрезала, кого-то обгоняла, а кому-то подпирала “хвост”. Музыка погромче сделала, и подпевать принялась, будто я ехала в машине одна.

На одном перекрестке свернула на второстепенную дорогу и проехала несколько километров, пока не остановилась в настоящей глухомани. Тимур по-прежнему продолжал молчать, а я уже не могла сдерживать язык за зубами.

В спешке отстегнула ремень безопасности и, не спрашивая разрешения, просто перелезла на пассажирское сиденье. Устроилась на мужских коленях, предварительно задрав вверх юбку. Обхватила его овал лица двумя ладонями и принялась осматривать каждый миллиметр.

— Ну, привет, — лукаво улыбнулась, заглядывая в карие глаза. *Ох, что я там увидела, в том взгляде.* Искры просто посыпались, не иначе. Он смотрел на меня вождедеющим взором, а затем руками обхватил за талию.

— Привет, — ответил, широко улыбаясь.

— Соскучился? — Я гладила скулы указательным пальцем, спускаясь всё ниже и ниже.

— Соскучился. — Его руки начали проявлять активность. Они касались спины, проводя длинные извилистые линии по всему периметру.

— Хочешь. Меня? — Не стала дожидаться ответа, сразу решила к делу перейти. Если я не ошибалась, то у Вольского тоже не было секса больше года, как и у меня.

— Хочу, — больше мы не говорили, да и незачем было в тот момент. *Когда два жаждущих тела льнут друг к другу, какие могут быть разговоры?*

Целовались до болезненного покалывания губ. Руки в спешке срывали одежду, а глаза пожирали каждый изгиб тела. Задохнулись просто в жарких объятиях. Лавина страсти поглотила салон автомобиля. Я не могла насытиться после долгой разлуки, а он никак не мог остановиться, и это снесло нам крышу.

— Как же я скучала по тебе, мой любимый, — губами покрывала каждый миллиметр обнаженного тела.

— Я тоже скучал, счастье моё, — глубокий поцелуй вернул в прошлое. То прошлое, где мы пытались быть счастливыми.

Какой же я была душой, убегая от этого мужчины. Как там говорил Тим? К любви запретной тянуло? Нет, по-другому всё оказалось. Оказалось, что ярлык повесила на совершенно незнакомого человека. Создала себе идола и поклонилась ему. Душой была, о чём разговор?!

На трассу вернулись в абсолютном молчании и так ехали до самого дома. Я крутила руль, сосредоточившись на дороге, а Тим задумчиво смотрел в окно. Когда подъехали к нашему коттеджу в столице, внутри отозвались печальные струны. Мы так и не поговорили

по душам. Так и не выяснили, не разобрались, почему стали друг другу такими чужими.

Дом встретил пугающей тишиной. На второй этаж галопом прискакала, а не поднялась. Дверь в спальню открыла и на месте замерла. Пусто. Дрожащими пальцами номер мамы набрала. Едва не накричала на Оксану Сергеевну от испуга. Оказалось, что бабушка с внуком решила в магазин сходить. Банально закончился хлеб.

Его руки обвили талию. Лицом зарылся в моих волосах, вдыхая запах:

— Ты так и не сменила шампунь, и как раньше пахнешь чем-то сладким.

— Будто в детстве любимые пирожные, — продолжила я, вспоминая эпизод нашего похода в кинотеатр. Тогда он со мной флиртовал, а я оказалась не готовой. Не хотелось с головой в каньон прыгать, а хотелось смаковать мгновение, примеряя каждый вздох на своей коже.

— Я есть хочу, жена. Покормишь? — Просить дважды не пришлось. Пока Тимур решил принять душ, я спустилась в кухню.

На скорую руку приготовила салат из свежих овощей, разогрела в микроволновке суп и гарнир. А затем пожарила на сковороде куриное филе, щедро приправив специями. Когда на пороге комнаты появился Тимур, на месте замерла. Побрился и стал таким же, как прежде.

— У тебя мясо сгорит, малыш, — Тим вернул меня из раздумий. Улыбнулась ему украдкой и принялась накладывать на тарелки еду.

Села за стол напротив него. Рукой подбородок подперла, любуясь собственным мужем. Влажные волосы блестели под лучами солнца, что заглядывало в окно. Плечи были широко раскинуты, а локти едва касались стола. Наблюдать за любимым мужчиной, который ест, наверное, одно из самых приятных занятий. От нахлынувших эмоций я просто задохнулась в тот момент, смахивая со щеки одинокую слезу.

Как же долго я его ждала, как долго.

Тем временем в коридоре послышался шум. Бабушка вернулась. Коляску пыталась закатить, когда я застала её в коридоре.

— Спит? — шёпотом спросила, чтобы на всякий случай не разбудить малыша. Мама положительно головой кивнула в ответ.

За спиной шаги послышались. Тимур вышел поздороваться с любимой тётцей. Оксана Сергеевна эмоций не сдержала. Так и принялась рыдать, обнимая и прижимая к себе Вольского:

— Тимурчик, сынок. С возвращением. Мы так ждали тебя, так скучали по тебе!

— Я тоже скучал, мама, — я глаза округлила, наблюдая за этой сценой. Удивительно, но у них оказалась любовь с первого взгляда. И когда они успели стать друг другу "мамой" и "сынком". Похоже, я что-то снова пропустила.

На руки Ромку взяла. Малыш во сне улыбнулся, когда легко коснулась губами его пухлой щёчки. Неожиданно подошёл Вольский. Остановился на расстоянии вытянутой руки. Окинул быстрым взглядом с головы до ног, а затем руки перед собой протянул.

— Можно? — Я только улыбнулась и, не раздумывая, передала сына отцу.

— Его нужно раздеть и уложить в кроватку, — мама тактично шепнула Тимурю последующие инструкции.

В полной тишине поднялись на второй этаж в спальню. Тим очень бережно положил ребенка на кровать и рядом сел. Наблюдать стал со стороны, как я снимаю с Ромки одежду. Когда малыш остался в одном бодике, Тимур на колени опустился перед ребенком. Взял его крохотные пальчики в руку и принялся поглаживать подушкой большого пальца.

Неожиданно Ромка открыл глаза. Так и застыли на месте двое моих любимых мужчин. Смотрел друг на друга, изучали. Вольский вообще, кажется, перестал дышать.

— Привет, Тимурович, — послышался низкий голос мужа. — Как ты тут? Присматривал за мамкой? Вот скажи, мужик, это ты её до такой худобы довёл? Я ж теперь за это с тебя спрашивать буду. — Тимур широко улыбался, общаясь с Ромкой, а я до сих пор не могла поверить в долгожданное счастье.

Я рядом с Тимом на колени опустилась. Обняла широкие мужские плечи, уткнувшись лицом в спину:

— Тим, почему ты не отвечал на мои письма? Почему отказывал в свиданиях? Я же умираю без тебя всё это время.

— Лесь, девочка моя, я виноват, признаюсь. Но тогда был очень злой, сама знаешь почему.

— А сейчас? Сейчас не злой? Ты так и не поверил мне, Тимур? — Я долго ждала, пока он ответит. Думала, сердце в груди разорвется от волнения.

Тим за руку меня взял, а затем к губам её поднес. Покрыв лёгким поцелуем тыльную сторону ладони, смотря мне прямо в глаза:

— Нет, сейчас всё по-другому. — Я лишь губами пошевелила "почему", и он ответил. — Месяц назад в апелляционном суде я долго наблюдал за тобой и за ним, а потом сделал выводы. Ты тогда действительно не понимала, что делаешь, когда уезжала с ним к морю. Это он виноват во всём, что случилось, Лесь. Ты лишь хотела кому-то довериться и это нормальное желание. Жаль, что ты изначально не правильно поняла, кому из нас двоих стоит доверить свое сердце.

— Тим, — я много чего хотела добавить, но муж не дал. Палец к губам поднес, заставляя замолчать.

А потом я вспомнила об одном важном моменте. Тест ДНК, который сделала на прошлой неделе, до сих пор лежал в одном из ящиков комода. Не говоря ни слова, достала белоснежный конверт и положила рядом с Тимом на кровать.

— Это что? — Вольский бровями повёл в недоумении.

— Тест на отцовство, — Тим грустно вздохнул, а затем отдал конверт мне, даже не раскрыв его.

— Почему ты не захотел посмотреть?

— Я и так всё знаю. Зачем мне бумажки? Лесья, не могу поверить, что ты действительно решила сделать тест ДНК. Тебя же никто об этом не просил. — Голос мужа был абсолютно спокойным, что ещё больше заводило в тупик. — Ромка на тебя похож, тут и говорить не о чем. И к тому же, я знаю, что тогда ты с ним так и не спала. Он мне сам об этом сказал в день последней встречи в апелляционном суде.

— Господи, Вольский, ты хоть знаешь через, что прошла за этот год? Я же думала, ты разлюбил меня, когда развестись решил. Ты же нас с сыном чуть не бросил из-за своего недоверия. — Не смогла сдержать эмоций, так и заплакала в три ручья, зарываясь лицом на мужской груди.

— Прости, прости, девочка моя. Я очень виноват перед тобой. Никогда не прощу себе, что не поверил твоим словам. — Шептали его губы, осыпая мою кожу лёгкими поцелуями. — Мы больше никогда не расстанемся, счастье моё. Теперь мы вместе и будем очень сильно любить друг друга.

— До окончания временем, — добавила я, прижимаясь к его телу всё крепче и крепче.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net